

ВЕСТНИК

**Московского информационно-технологического университета –
Московского архитектурно-строительного института**

2024

№ 1

Москва
2024

ВЕСТНИК

Московского информационно-технологического университета –
Московского архитектурно-строительного института

HERALD

of the Moscow University
of Information Technologies –
Moscow Architectural
and Construction Institute

Свидетельство о регистрации

ПИ № ФС77-71685 от 23.11.2017 г.

ISSN 2619-046X

№ 1 / 2024

Издается с 2017 г.

Выходит 4 раза в год

Учредитель:

Автономная некоммерческая
организация высшего образования
«Московский информационно-
технологический университет –
Московский архитектурно-строительный
институт»

Издатель:

Автономная некоммерческая
организация высшего образования
«Московский информационно-
технологический университет –
Московский архитектурно-строительный
институт»

Адрес редакции:

117447, г. Москва, ул. Введенского,
д. 1 «А»

Адрес издателя:

109316, г. Москва, Волгоградский
проспект, д. 32, корп. 11

Интернет-адрес:

<http://mitu-masi.ru/>

E-mail: Semenova.D@mfua.ru,

Bessarabova.N@mfua.ru

Подписку на печатную версию издания мож-
но оформить на сайте АО «Почта России»

<https://podpiska.pochta.ru>

Подписной индекс ПБ544

Отдел рекламы и подписки:

Тел. (499) 979-00-99, доб. 1134

E-mail: Semenova.D@mfua.ru

Главный редактор

Г.А. Забелина

кандидат педагогических наук, доцент,
президент Московского информационно-
технологического университета – Московского
архитектурно-строительного института

Редакционная коллегия:

Строительство и архитектура

доктор технических наук, профессор Т.В. Колесникова

доктор технических наук, профессор В.М. Овсянников

доктор физико-математических наук, профессор

А.А. Локтев

доктор технических наук, доцент В.П. Сычев

доктор технических наук, профессор Г.И. Ефремов

доктор архитектуры, профессор В.В. Пищулина

доктор архитектуры, профессор А.В. Крашенинников

кандидат архитектуры, доцент Е.А. Булгакова

кандидат архитектуры, профессор Л.В. Петрова

кандидат архитектуры, доцент М.Ф. Уткин

кандидат архитектуры, доцент Г.И. Быкова

кандидат архитектуры, доцент Г.И. Наумкин

кандидат архитектуры, доцент О.В. Косточкина

кандидат архитектуры, доцент Н.В. Дубынин

Филология

доктор педагогических наук, профессор З.И. Курцева

доктор филологических наук, профессор Н.Н. Соловьева

доктор филологических наук, профессор С.П. Толкачев

доктор педагогических наук, доцент В.Д. Янченко

доктор филологических наук, профессор Н.Н. Запольская

доктор филологических наук, профессор С.В. Сапожков

доктор филологических наук, доцент П.В. Морослин

кандидат педагогических наук, доцент Н.Н. Ширяева

кандидат филологических наук, доцент С.В. Левичева

кандидат филологических наук О.В. Афанасьева

Психология

доктор психологических наук, профессор А.К. Осницкий

доктор медицинских наук, профессор М.М. Аксенов

доктор психологических наук Е.А. Бауэр

кандидат психологических наук, доцент Т.В. Гольцова

кандидат психологических наук, доцент Е.В. Омельчанко

кандидат психологических наук, доцент Е.Л. Бокуть

кандидат психологических наук, доцент А.Л. Рассказова

Ответственные редакторы:

кандидат исторических наук, доцент

Н.В. Бессарабова

Тел. (499) 979-00-99, доб. 1135

E-mail: Bessarabova.N@mfua.ru

Д.А. Семёнова

Тел. (499) 979-00-99, доб. 1134

E-mail: Semenova.D@mfua.ru

© Московский информационно-технологический
университет – Московский архитектурно-
строительный институт, 2024

Содержание

СТРОИТЕЛЬСТВО И АРХИТЕКТУРА

<i>А.Р. Лебединская, С.А. Геппель</i> Современные технологии создания световых пространственных инсталляций в городской среде	7
<i>Е.И. Кочешкова, Н.В. Дубынин</i> Архитектурно-типологические характеристики и функциональное зонирование детских игровых зон в структуре общественных зданий	13
<i>В.В. Савинкин, О.Ю. Филатова</i> Формирование начальной идеи дипломного проектирования.....	23
<i>И.Г. Жахова</i> Проектирование и реализация образовательной программы архитектурного направления в непрофильном вузе: анализ практического опыта	35

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

<i>Е.А. Молявина</i> О прагматической значимости категории времени.....	43
<i>Д.Б. Юсипова</i> Субституция как прием фразеологической модификации в заголовках СМИ.....	50
<i>Т.И. Бочарова, М.И. Бочаров, Л.Н. Скляр</i> Тост как речевой жанр в аспекте отношения студентов к застольным культурно-речевым традициям	56
<i>В.Ю. Кузнецова</i> Проблемные аспекты перевода образной лексики в синхронном переводе (на материале английского языка)	63
<i>Ж.А. Микаелян</i> К вопросу о концепции жанра в современной лингвистике	72

ПСИХОЛОГИЯ

<i>А.В. Данилов</i> Инфантильность: феномен превращения инструмента эволюции в фактор психологической деструкции	76
<i>Е.А. Трухан</i> Концепция выгорания К. Маслак: синдром и процесс	85

<i>О.Н. Комарова, А.Л. Рассказова</i> Современная общая практика оценки личностного потенциала человека как основы становления профессионализма	98
<i>К.Г. Сосян</i> Безопасность сознания школьников в киберпространстве	107
<i>Н.С. Архипов</i> Психологические детерминанты эффективности взаимодействия пилотов гражданской авиации.....	111
<i>Д.М. Виденичкин</i> Анализ взаимосвязи онкологического и психического процессов у онкобольных при помощи теста Кеттелля	118
<i>Р.Е. Барабанов</i> Процесс адаптации студентов с ограниченными возможностями здоровья (в том числе с патологией голоса) к образовательному пространству образовательной организации как психолого-педагогическая проблема	123
Приглашение к публикации	130

Contents

CONSTRUCTION AND ARCHITECTURE

- A.R. Lebedinskaya, S.A. Geppel*
Modern technologies for creation of light spatial installations in the urban environment 7
- E.I. Kocheshkova, N.V. Dubynin*
Typology and functional zoning of children's play areas in the structure of public buildings 13
- V.V. Savinikin, O.U. Filatova*
The formation of initial ideas for diploma design 23
- I.G. Zhahova*
Design and implementation of an architectural educational program
in a non-core university: analysis of practical experience 35

LINGUISTICS

- E.A. Molyavina*
On the pragmatic meanings of tenses..... 43
- D.B. Yusipova*
Substitution as a technique of phraseological modification in media headlines..... 50
- T.I. Bocharova, M.I. Bocharov, L.N. Sklyar*
Toast as a speech genre in the aspect of students' attitude
to table cultural and speech traditions..... 56
- V.Yu. Kuznetsova*
Problematic aspects of translating figurative vocabulary in simultaneous translation
(based on the material of the English language)..... 63
- Zh.A. Mikaelyan*
On the issue of the concept of genre in modern linguistics..... 72

PSYCHOLOGY

- A.V. Danilov*
Infantility: the phenomenon of transforming an instrument of evolution
into a factor of psychological destruction..... 76
- E.A. Truhan*
The concept of burnout K. Maslach: syndrome and process..... 85
- O.N. Komarova, A.L. Rasskazova*
Modern general practice of assessment of personal potential of a person
as a basis for the formation of professionalism 98

<i>K.G. Sosyan</i> The security of schoolchildren’s consciousness in cyberspace.....	107
<i>N.S. Arkhipov</i> Psychological determinants of the effectiveness of the interaction of civil aviation pilots	111
<i>D.M. Videnichkin</i> Analysis of the relationship between oncological and mental processes in cancer patients using the Kettell test.....	118
<i>R.E. Barabanov</i> The process of adaptation of students with disabilities (including those with voice pathology) to the educational space of an educational organization as a psychological and pedagogical problem.....	123
<i>The invitation to the publication</i>	130

Вестник Московского информационно-технологического университета –
Московского архитектурно-строительного института. 2024. № 1. С. 7–12.

Herald of the Moscow University of Information Technologies –
Moscow Architectural and Construction Institute. 2024. № 1. С. 7–12.

Научная статья

УДК 692; 628.974

doi:10.52470/2619046X_2024_1_7

Современные технологии создания световых пространственных инсталляций в городской среде

Алла Робертовна Лебединская¹,
Светлана Александровна Геппель²

^{1,2} Южный Федеральный Университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

¹ arlebedinskaya@sfedu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1156-0356>

² sageppel@sfedu.ru

Аннотация. Данная статья посвящена теме современных технологий создания световых пространственных инсталляций. Уникальные технологии, свето-цветовое многообразие, интерактивно регулируемые режимы воспроизведения обеспечили им достойное место в процессе формирования восприятия городской среды. Особое внимание в статье уделено современному арсеналу световых технологий, позволяющих светодизайнеру реализовать задуманное; сделана попытка некоторой сравнительной оценки приемов использования световых инсталляций для формирования историко-художественного облика города.

Ключевые слова: светодизайн, световая среда, осветительные системы, светодиоды, 3D-мэппинг, LED-технологии, лазерные технологии

Для цитирования: Лебединская А.Р., Геппель С.А. Современные технологии создания световых пространственных инсталляций в городской среде // Вестник Московского информационно-технологического университета – Московского архитектурно-строительного института. 2024. № 1. С. 7–12. https://doi:10.52470/2619046X_2024_1_7.

© Лебединская А.Р., Геппель С.А., 2024

Original article

Modern technologies for creation of light spatial installations in the urban environment

Alla R. Lebedinskaya¹, Svetlana A. Geppel²

^{1,2} Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

¹ arlebedinskaya@sfnedu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1156-0356>

² sageppel@sfnedu.ru

Abstract. This article is devoted to the topic of modern technologies for creating light spatial installations. Unique technologies, light and color diversity, interactively adjustable playback modes have provided them with a worthy place in the process of shaping the perception of the urban environment. Particular attention in the article is paid to the modern package of lighting technologies that allow the lighting designer to realize his plans, and an attempt has been made of some comparative assessment of the methods of using light installations to create the unique appearance of a modern city.

Keywords: lighting design, lighting environment, lighting systems, LEDs, 3D mapping, LED technologies, laser technologies.ime

For citation: Lebedinskaya A.R., Geppel S.A. Modern technologies for creation of light spatial installations in the urban environment // Herald of the Moscow University of Information Technologies – Moscow Architectural and Construction Institute. 2024. № 1. P. 7–12. https://doi:10.52470/2619046X_2024_1_7.

Одними их самых оригинальных объектов дизайна окружающей среды, из создаваемых при помощи световых технологий, является световые двухмерные и трехмерные инсталляции, определяемые в настоящее время как особый вид творчества и искусства, основным средством выражения которого является свет и цвет. Используя световые инсталляции, возможно не только получать уникальное праздничное оформление уже имеющихся объектов городской среды, но и создавать новые виртуальные объекты с помощью современных световых технологий. Воссоздание уникального по выбранной световой технологии объекта в городской среде и воспроизводимого с ее помощью художественного образа создаёт возможность для повышения привлекательности ранее малоинтересных, нетуристических городских кварталов, а также для создания новых зон историко-культурной привлекательности для жителей и гостей города. Дизайн световых объектов, помещенных в городской среде, рассчитан на формирование позитивного зрительно-эстетического восприятия у человека, как правило, в вечернее (темное) время суток. Примером удачного сочетания световых и акустических технологий могут служить имеющиеся в городе Ереване, Армения музыкальные фонтаны, являющиеся позитивно запоминающимся символом города (*рисунок 1*).

На *рисунок 2* приведены примеры праздничного оформления городской среды с использованием светодиодных технологий.

Часто световые инсталляции берут на себя естественную функцию обеспечения необходимого уровня искусственного освещения в месте их размещения, тем самым повышая комфорт и степень безопасности пребывания [1; 8].

а

б

Рисунок 1. Примеры реализации динамической подсветки в городской среде
а – музыкальные фонтаны на площади Республики в г. Ереване, Армения
б – здание торгового центра «Горизонт» в г. Ростове на Дону, Россия
Фотографии авторов

а

б

в

Рисунок 2. Примеры праздничного оформления городской среды с использованием светодиодных технологий
а, б – г. Ростов на Дону, Россия
в – г. Ереван, Армения
Фотографии авторов

Рисунок 3. Пример функционирования световых 3D-инсталляций по технологии Naked-Eye в г. Ереван, Армения
Фотография авторов

К постоянно действующим объектам световой инсталляции относятся также ставшие очень популярными в настоящее время плазменные и LED-экраны, установленные как на фасадах современных зданий, так и на отдельных стойках. В качестве примеров демонстрируемых виртуальных изображений достаточно упомянуть 3D-кота в Токио, Япония [10] или «ползущего» по фасаду торгового центра в Китае дракона [5]. Неоспоримое преимущество данной технологии создания световых пространственных инсталляций состоит в том, что они не теряют реалистичность воспроизведения практически с любой точки пространства в рамках угла обзора и общедоступны в любое время суток без потери реалистичности. Для обеспечения «стерео» эффекта их наблюдения не требуется специальных 3D-очков или других приспособлений. На *рисунке 3* приведен пример работы светодиодного экрана, размещенного в Ереване в пешеходной зоне Северного проспекта.

Обеспечение целостности исторических фасадов не позволяет установить оборудование для данных инсталляций на исторических зданиях. С помощью используемой в данных установках технологии Naked-Eye создается 3D-иллюзия для зрителя на LED-экране.

Под 3D-мэппингом в современном светодизайне понимают особую технологию аудиовизуального искусства, при котором создается трехмерная (объемная) динамическая видеопроекция на реальный объект (плоский или рельефный) с учетом его архитектурных форм и пространственного расположения. Роль проекционного экрана может играть фасад здания. На *рисунке 4* представлено изображение фасада здания Большого театра в Москве при естественном свете (фотография 1) и разных режимах искусственного освещения (фотографии 2 и 3). Во время фестиваля «Круг света», традиционно проходящего в Москве осенью, центральный фасад театра превращался в гигантский экран, на котором с помощью технологии 3D-мэппинга создавались удивительные по замыслу и красоте световые пространственные инсталляции.

Рисунок 4. Центральный фасад Большого Театра, г. Москва
 а – дневной вид (естественное освещение) [11]
 б – вариант вечернего освещения фасада [3]
 в – освещение фасада во время фестиваля «Круг света», 2014 [5]

В зависимости от типа объекта, выполняющего роль динамического видеозащита в городской среде, чаще всего встречаются следующие два основных вида 3D-мэппинга [2]. Во-первых, это архитектурный 3D-мэппинг, при котором изображение проецируется на стены или фасады зданий, мосты и другие сложные, насыщенные архитектурными деталями объекты. Во-вторых, это ландшафтный 3D-мэппинг, при котором в качестве проекционного экрана выступают крупные природные объекты (горы, скалы и др.), в том числе водная поверхность, когда световые трехмерные инсталляции возникают на поверхности водной глади бассейнов. Наличие отражения водной глади создает дополнительный элемент к динамическим проекциям, а устранение темного окружения и острых краев, которые обычно имеются у здания, способствует повышению качества изображения.

Инструментарий световых пространственных технологий вполне сочетается с интерактивностью, в которой главную роль исполняет человек, напрямую влияющий на то, что отображает проекция.

Рассматривая особенности современных технологий создания пространственных световых инсталляций, следует упомянуть еще голографические лазерные проекции. С их помощью в 2019 г. в цирковом представлении Ронкалли были заменены голографическими проекциями все животные [6]. Зрелищность представления при этом никак не пострадала. С помощью голограмм сегодня возможно воссоздавать любые физические объекты (животные, птицы, рыбы и т.д.), используя их, например, при оформлении праздничных мероприятий.

Таким образом, рассматривая современные световые технологии создания световых инсталляций и анализируя уже реализованные проекты и их роль в формировании современного светового образа городской среды, соблюдения нормативных требований к безопасности и комфорту, можно предположить примерную траекторию и сферу их дальнейшего бурного развития и применения благодаря наличию у них таких свойств, как экологичность самих используемых световых технологий, возможность разумного тиражирования, интерактивность, малое пространство, необходимое для размещения самой световой инсталляции и обеспечивающего ее работу оборудования, безопасность, сочетаемость нескольких технологий в одной инсталляции, привлекательным рабочим спектральным диапазоном и высокой цветопередачей, устойчивости к изменению климатических условий и негативным влияниям окружающей среды [7; 8].

Подводя итог, можно с уверенностью сделать вывод о том, что световые инсталляции на сегодняшний день обладают весьма благоприятными перспективами их применения при оформлении самых разнообразных городских пространств, а следовательно, при проектировании новых архитектурных объектов и реконструкции уже имеющихся необходимо учитывать возможность размещения световых инсталляций как современного способа и средства формирования уникальности городской среды.

Список источников

1. ГОСТ Р 54350-2015 Приборы осветительные. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200121088> (дата обращения: 09.09.2023).
2. 3D-мэппинг. URL: <https://dzen.ru/a/XVGVWUJyURgCtKq1t> (дата обращения: 09.09.2023).
3. Вариант вечернего освещения фасада Большого театра. URL: <https://mtdata.ru/u30/photoF28D/20680397228-0/original.jpeg> (дата обращения: 09.09.2023).
4. Вид фасада здания Большого театра во время фестиваля «Круг света», 2014 год. URL: <https://prv2.logi-images.net/0006545390-larger.jpg> (дата обращения: 09.09.2023).
5. Голография: как она может изменить архитектурное пространство. URL: <https://decor.design/golografiya-kak-ona-mozhet-izmenit-arhitekturnoe-prostranstvo/> (дата обращения: 09.09.2023).
6. Дракон на стене торгового центра. URL: https://vk.com/video-202549501_456240037 (дата обращения: 09.09.2023).
7. Келер В. Свет в архитектуре. Свет и цвет, как средства архитектурной выразительности. М., 1961.
8. Лебединская А.Р. Возможности использования светодиодных технологий в создании светового образа исторической городской застройки // Инженерный вестник Дона. 2021 № 12.
9. Сизый С.Н. Современное состояние и перспективы развития светодизайна // Светотехника. 2018. № 3.
10. Экран с движущимся 3D-котом в Японии. URL: <https://knowhow.pp.ua/wp-content/uploads/2021/07/210706210012-3d-cat-billboard-tokyo-0721.jpg> (дата обращения: 09.09.2023).
11. Центральный фасад здания Большого театра. URL: <https://mtdata.ru/u30/photoF28D/20680397228-0/original.jpeg> (дата обращения: 09.09.2023).

Информация об авторах

А.Р. Лебединская – кандидат физико-математических наук, доцент; заведующий кафедрой инженерно-строительных дисциплин, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

С.А. Геппель – старший преподаватель кафедры инженерно-строительных дисциплин, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Information about the authors

A.R. Lebedinskaya – Candidate of Science in Physics and Mathematics, Associate Professor; Head of the Department of Civil Engineering Disciplines of the Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

S.A. Geppel – Senior lecturer of the Department of Civil Engineering Disciplines of the Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Статья поступила в редакцию 18.01.2024; одобрена после рецензирования 16.02.2024; принята к публикации 19.02.2024.

The article was submitted 18.01.2024; approved after reviewing 16.02.2024; accepted for publication 19.02.2024.

Вестник Московского информационно-технологического университета –
Московского архитектурно-строительного института. 2024. № 1. С. 13–22.

Herald of the Moscow University of Information Technologies –
Moscow Architectural and Construction Institute. 2024. № 1. С. 13–22.

Научная статья

УДК 721.001

doi:10.52470/2619046X_2024_1_13

Архитектурно-типологические характеристики и функциональное зонирование детских игровых зон в структуре общественных зданий

Екатерина Игоревна Кочешкова¹, Николай Васильевич Дубынин²

^{1,2} Московский информационно-технологический университет – Московский архитектурно-строительный институт, г. Москва, Россия

² Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет (НИУ МГСУ), г. Москва, Россия

^{1,2} Акционерное общество «Центральный научно-исследовательский и проектно-экспериментальный институт промышленных зданий и сооружений – ЦНИИПромзданий», (АО «ЦНИИПромзданий»), г. Москва, Россия

¹ arch-kei@mail.ru

² arh_nauka@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9503-5879>

Аннотация. Актуальность представленной темы обусловлена ростом сегмента услуг, ориентированного на обслуживание семей, при котором обслуживание взрослых членов семьи дополнено услугами для детей. Целью ее рассмотрения является формирование предложений по архитектурному проектированию детских игровых зон. На практике широко распространены проектные решения детских игровых зон и помещений в общественных зданиях торгового, торгово-развлекательного и иного назначения. При этом отсутствуют обоснованные нормы, а также методические указания, регламентирующие их функционально-планировочные и объемно-планировочные решения. Методы работы предполагают анализ практического опыта формирования детских игровых зон в структуре общественных зданий по информационным материалам публикаций и сети интернет. В результате выявлены их архитектурно-типологические характеристики и даны предложения по формированию архитектурно-планировочных решений в процессе архитектурного проектирования.

Ключевые слова: детские игровые зоны, игровая комната, мягкая площадка, многофункциональный развлекательный центр, архитектурные решения детских игровых зон, архитектурно-типологические характеристики детских игровых зон

Для цитирования: Кочешкова Е.И., Дубынин Н.В. Архитектурно-типологические характеристики и функциональное зонирование детских игровых зон в структуре общественных зданий // Вестник Московского информационно-технологического университета – Московского архитектурно-строительного института. 2024. № 1. С. 13–22. https://doi:10.52470/2619046X_2024_1_13.

© Кочешкова Е.И., Дубынин Н.В., 2024

Original article

Typology and functional zoning of children's play areas in the structure of public buildings

Ekaterina I. Kocheshkova¹, Nikolai V. Dubynin²

^{1,2} Moscow University of Information Technologies – Moscow Architectural and Construction Institute, Moscow, Russia

² National Research Moscow State University of Civil Engineering, Moscow, Russia

^{1,2} Joint-Stock Company «Central Research and Design Experimental Institute of Industrial Buildings and Structures – CNIIPromzdaniy», (JSC «CNIIPromzdaniy»), Moscow, Russia

¹ arch-kei@mail.ru

² arh_nauka@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9503-5879>

Abstract. The relevance of the presented topic is due to the growth of the family-oriented service segment, in which services for adult family members are complemented by services for children. The purpose of its consideration is to form proposals for the architectural design of children's play areas. In practice, design solutions for children's play areas and premises in public buildings for commercial, entertainment and other purposes are widespread. At the same time, there are no reasonable standards, as well as methodological guidelines governing their functional and spatial planning solutions. The methods of work involve the analysis of practical experience in the formation of children's play areas in the structure of public buildings based on information materials from publications and the Internet. As a result, their architectural and typological characteristics are revealed and suggestions for the formation of architectural and planning solutions in architectural design are given.

Keywords: children's play areas, a game room, a soft playground, a multifunctional entertainment center, architectural solutions of children's play areas, architectural-typological characteristics of children's play areas

For citation: Kocheshkova E.I., Dubynin N.V. Typology and functional zoning of children's play areas in the structure of public buildings // Herald of the Moscow University of Information Technologies – Moscow Architectural and Construction Institute. 2024. № 1. P. 13–22. https://doi:10.52470/2619046X_2024_1_13.

Мировая практика применения детских игровых зон в структуре общественных зданий, в том числе в торгово-развлекательных комплексах (далее ТРК), до 1980-х гг. не имела широкого распространения. Формы досуга детей рассматривались в основном как второстепенный функциональный компонент зданий, возрастные и иные характеристики пользователей не учитывались. В 1977 г. Н. Бушнелл впервые объединил ряд аттракционов для детей, площадку для проведения шоу с аниматорами в зонах реализации общепита (сети пиццерий) в Сан-Хосе, Калифорния, и это был существенный шаг вперед в части функционально-планировочных решений [4]. В 1982 г. изобретение безопасного мягкого игрового оборудования позволило развивать новые концепции детских развлечений, появились многоуровневые детские городки из мягких материалов, которые можно было подбирать и заказывать в любых размерах под адресную игровую площадку [10].

Первый крытый детский развлекательный центр «Phisical Whimsical» был зарегистрирован в 1983 г. в Колорадо предпринимателем Н. Эллинофом в здании универмага «Sharpstown».

Центр включал сухой бассейн, наполненный мягкими мячами, батуты, кукольный театр, аттракционы, традиционные игровые площадки.

С середины 1990-х гг. концепция организации детских игровых зон стала активно развиваться, появились формы досуга детей как с родителями, так и без них (в сопровождении специалиста по работе с детьми). Соответственно, стали формироваться их разновидности по размеру, по типу игр и развлечений, по возрастным группам и т.д. [11]. На сегодняшний день на рынке предлагаются как крупные проекты, так и мини-форматы детских игровых зон. Рассмотрим их наиболее популярные виды и специфические особенности в части функционального состава и архитектурно-планировочных решений, которые реализуются на практике.

1. **Крытый парк аттракционов.** Наиболее крупные и большие по площади проекты. В холодном климате большие уличные аттракционы могут работать лишь в короткий летний период, поэтому идея размещения их под крышей для круглогодичной эксплуатации, дополненная возможными развлечениями для детей и взрослых, оказалась востребованной. В таких крытых парках размещают полноценные аттракционы, видеоигры, призовые автоматы и т.д. Яркий пример такого объекта – это воронежский «Сити-парк Град», площадью 10 500 кв.м [9].
2. **Образовательный тематический парк.** Проект, позволяющий объединить обучение с игрой. Дети не только развлекаются, но и осваивают новые навыки, получают представление о профессии, работе городских служб, в игровой форме осваивают некоторые понятия естественных наук и т.д., в зависимости от тематики парка. Примером служат так называемые «города профессий», такие как «Кидбург», «Город мастеров», «Мастерславль» и т.д. [7; 8].
3. **Музей занимательных наук или центр научных открытий.** Другой формат детских развлекательных парков: они предлагают посетителям интерактивные музеи, в которых ребенок может участвовать в демонстрации опытов, приборов, методов игровых исследований, детских познавательных фильмов и шоу. Например, «Экспериментариум», «Иннопарк» [6].
4. **Активити парк.** Относительно новое направление формата игровых центров, в котором активные и подвижные развлечения предложены взамен игр на автоматах и симуляторах. Такие парки обычно делятся на зоны по возрастам: 2–5, 5–9, 9–12, 12–15 лет. Активити парк может включать в себя следующие зоны:
 - парк приключений для детей, где можно лазить, ползать, стрелять, преодолевать препятствия, ездить на машинках;
 - фристайл-парк – скалодром, веревочный парк, трасса для паркура, батуты, арена для групповых игр;
 - скейтпарк;
 - боулинг, картинг-трек с электрическими машинами.
5. **Детский развлекательный центр.** В состав такого центра обычно входят следующие зоны: детская площадка с игровым лабиринтом, сухой бассейн, мягкие игровые элементы, карусели, горки, качели, педальные машинки и т.д., веревочный лабиринт (небольшой веревочный парк, имеющий похожую конструкцию с традиционным лабиринтом), мягкая зона для совсем маленьких, где предусмотрена игра малышей под контролем родителей. Оборудование включает игровые аппараты с выдачей призовых билетов и призов, различные симуляторы и видеоигры. Дополнительно могут быть организованы зоны для празднования дней рождений, кафе с детским меню и зоны отдыха для родителей.
6. **Детская игровая площадка в помещении.** Задача такой игровой зоны – предоставить возможность оставить ребенка на несколько часов. Обычно в таких игровых площадках

предусматривают зону активных игр, зону спокойных игр, лабиринт, сухой бассейн, зону творческих занятий (рисование, лепка и т.д.). На основании анализа существующих объектов можно выделить следующие виды игровых площадок:

- 6.1 «**Игровая комната**» – комната в общественном здании, где можно оставить ребенка на пару часов. Обычно в ней есть лабиринт, зона для спокойных игр и мягкий уголок.
- 6.2 «**Мягкая площадка**» – полностью мягкая игровая зона для детей до 5 лет, возможно пребывание с родителями и без них.
- 6.3 «**Многофункциональная развлекательная площадка**» – площадка с расширенным набором развлечений. Добавляются зоны для различных видов творчества, комнаты для празднования дней рождений.
- 6.4 «**Детский городок**» – в дополнение к «многофункциональной детской площадке» есть спортивный уголок, мини-аттракционы, вело-картинг и т.п.

Помимо рассмотренных видов детских игровых зон, в структуре зданий и комплексов в настоящее время появляются комбинированные виды, совмещающие в себе еще больше функциональных зон и развлечений для детей.

Рассмотренные выше проекты позволили сформировать *таблицу 1*, которая показывает виды названий детских игровых зон, целевую аудиторию (в основном семьи), возраст детей (в основном от 2 до 14 лет), на которых они ориентированы, количество функциональных компонентов (как правило, не менее трёх) и размер (площадь) (от 30 до 15 000 кв.м).

При формировании проектных решений архитекторы и инженеры, в виду отсутствия необходимых норм и методических указаний, вынуждены ориентироваться на собственный опыт и запросы заказчика, определяемого техническим заданием. Чтобы помочь специалистам в данном вопросе, целесообразно предложить единую терминологию и унифицированные подходы к архитектурно-типологическим решениям.

С учетом применяемой в международной и отечественной практике терминологии детских игровых зон предлагается унифицировать наиболее важные термины и их определения следующим образом:

- **детская игровая зона** – специально оборудованная зона (а также помещение или группа помещений), располагаемая в общественном здании, которая может включать детскую игровую комнату, детский многофункциональный развлекательный центр, мягкую площадку, предназначенные для отдыха и игры детей в сопровождении родителей или сотрудника, с длительностью пребывания до четырех часов;
- **детская игровая комната** – помещение или зона, предназначенное для игр и творчества детей;
- **детский многофункциональный развлекательный центр** – комплекс зон или помещений для игр, творчества детей и проведения мероприятий;
- **детская мягкая площадка** – зона или помещение для игры детей до 5 лет с мягким покрытием и оборудованием, исключающими травмирование при играх.

Недостатками детских игровых зон в общественных зданиях является отсутствие правил организации функциональных зон и планировочных решений [3]. Коммерческая необходимость создания рентабельного пространства для торговли, где услугам для детей отводится сопутствующая роль в формировании условий для привлечения посетителей, приводит к тому, что детские игровые зоны и развлекательные центры размещаются на нерентабельных площадях ТРК. Зачастую они удалены от главных входов и коммуникационных пространств, находятся на верхних этажах [2].

Таблица 1

Сводная таблица применяемых видов детских игровых зон в общественных зданиях

<i>Виды детских игровых зон</i>	<i>Целевая аудитория</i>	<i>Пребывание детей с/без родителей</i>	<i>Возраст детей</i>	<i>Кол-во функциональных зон</i>	<i>Общая площадь</i>
1. Крытый парк аттракционов	Семьи с детьми, подростки	Пребывание детей с родителями	0–18 лет + взрослые	>3	4000–15000 кв.м
2. Город профессий	Семьи с детьми, подростки	Пребывание детей с родителями / группами без родителей	5–14 лет	>3	2000–10000 кв.м
3. Интерактивный музей	Семьи с детьми, подростки	Пребывание детей с родителями / группами без родителей	5–14 лет	>3	800–2000 кв.м
4. Активити парк	Семьи с детьми, подростки, молодежь	Пребывание детей с родителями / группами без родителей / без родителей	2–5; 5–9; 9–12; 12–15 лет	>3	200–7000 кв.м
5. Детский развлекательный центр	Семьи с детьми	Пребывание детей с родителями / без родителей	3–12 лет	>3	800–2000 кв.м
6. Детская игровая площадка:	Семьи с детьми	Пребывание детей с родителями/ без родителей			30–500 кв.м
6.1. Игровая комната			3–10 лет	2–3	
6.2. Мягкая площадка			1–5 лет	1–2	
6.3. Многофункциональная развлекательная площадка			2–10 лет	>3	
6.4. Детский городок			3–12 лет	>3	

В числе основных недостатков существующих детских игровых зон в общественных зданиях можно назвать:

- нерациональное размещение детских игровых зон по отношению к коммуникационным пространствам здания;
- однообразие состава функциональных зон;
- формы детского досуга нацелены на одну-две возрастные категории детей;
- стихийность в организации функциональных зон внутри детских игровых центров различных арендаторов;
- ограниченный набор помещений детских игровых зон, ведущий к смешению функциональных зон и пересечению процессов.

Чтобы исключить указанные недостатки, необходимо предусматривать архитектурно-планировочные решения с учетом следующих функционально-технологических процессов:

1. Размещение, непосредственно связанное с входом в здание.
2. Наличие входной зоны, которая обеспечивает распределение посетителей в игровых зонах.
3. Распределение основных игровых зон по возрастам, формам активности и роду игровой деятельности.
4. Наличие зоны рекреации, которая необходима для создания условий комфортного пребывания и ожидания детей.
5. Наличие технической зоны (если требуется) для размещения служебных помещений.

Для реализации указанных функционально-технологических процессов необходимы помещения или зоны, перечень которых приведен в *таблице 2*.

Таблица 2

Функциональный состав детских игровых зон в общественных зданиях

№	Функционально-технологические процессы	Группы помещений или зон
1	Входная зона	Гардероб Кассы Санузлы посетителей Стойка информации
2	Основные игровые зоны	Мягкая площадка Детская площадка с игровым лабиринтом Зона аттракционов Зона подвижных игр Зона мастер-классов и спокойных игр Тематические игровые зоны и т.д.
3	Зона рекреации	Зона ожидания Предприятия питания Пункты розничной торговли
4	Техническая зона	Подсобные помещения Инвентарные Кладовые Служебные помещения Вентиляционные камеры

В структуре общественных зданий можно предложить следующие типы по функционально-планировочному зонированию:

1. **Тип 1 «детская мягкая площадка»** – включает одну основную игровую зону (для детей до 5 лет) и входную зону (*рисунок 1а*).
2. **Тип 2 «детская игровая комната»** – включает входную зону, несколько основных игровых зон (для подвижных игр, для тихих игр, для творчества), техническую и рекреационную зоны при необходимости (*рисунок 1б*).
3. **Тип 3 «детский многофункциональный развлекательный центр»** – расширенный комплекс, включающий входную зону, несколько основных игровых зон (для подвижных игр, для тихих игр, для творчества и мероприятий), техническую и рекреационную зоны (*рисунок 1в*).

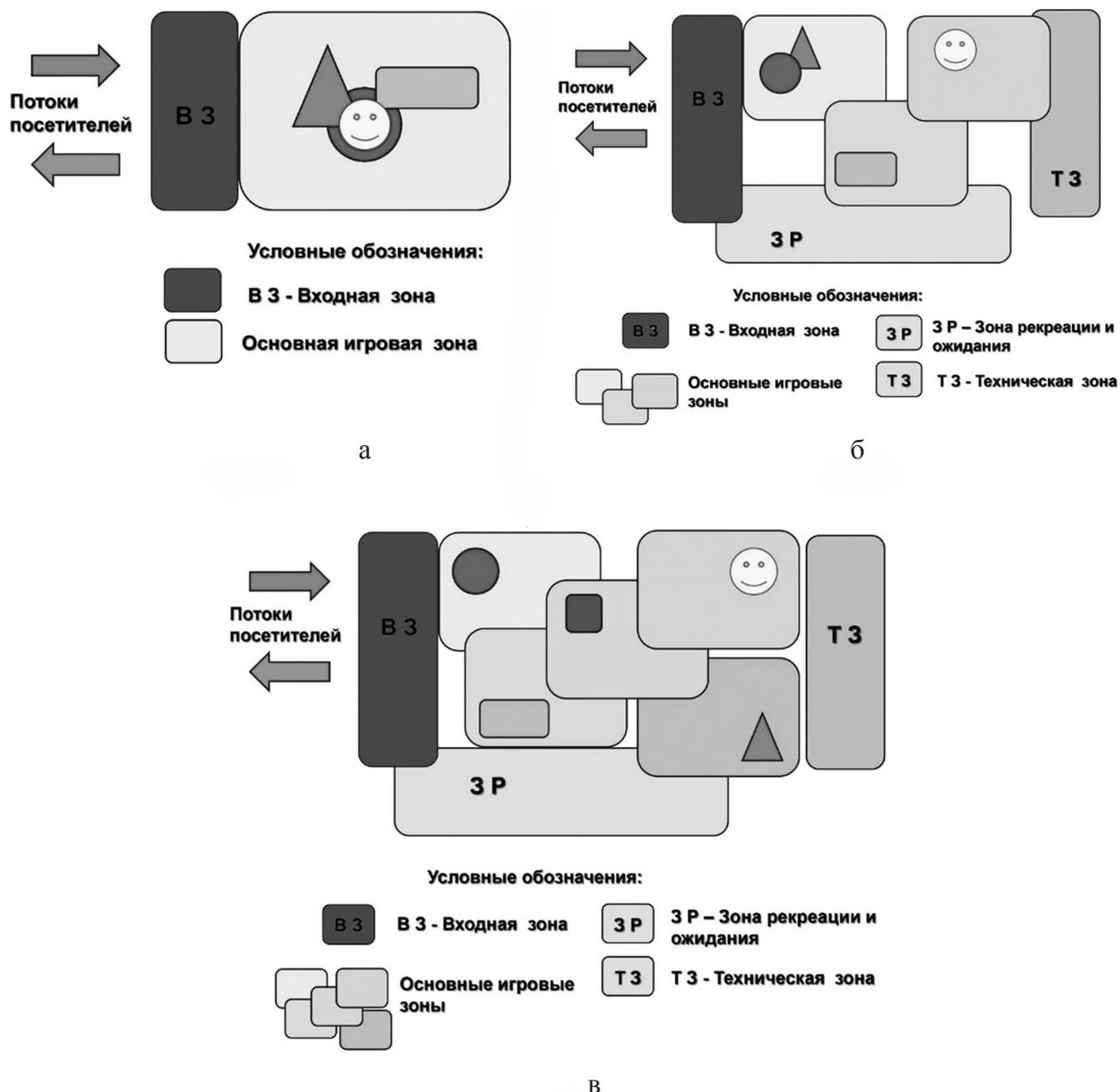

Рисунок 1. Типы детских игровых зон в структуре общественных зданий

а – тип 1 «детская мягкая площадка»

б – тип 2 «детская игровая комната»

в – тип 3 «детский многофункциональный развлекательный центр»

При проектировании общественных зданий можно выделить следующие объемно-планировочные решения по размещению детских игровых зон в их структуре (рисунок 2):

- 1. Встроенное размещение** – при организации в помещениях общественного здания, как неотъемлемой части его функционально-планировочной структуры. Вход в детскую игровую зону может осуществляться через помещения общественного здания, вестибюли, рекреационные и коммуникационные пространства. Возможно отсутствие стационарных ограждений между детской игровой зоной и другими помещениями общественного зда-

ния. В данном случае рекомендуется предусматривать объемно-планировочное решение и конструктивную схему общественного здания, обеспечивающие свободную планировку.

2. **Пристроенное размещение** – при организации в пристроенном к общественному зданию объеме, как части функционально-планировочной структуры, которая может работать автономно. Возможно отделение входной зоны детского игрового центра от других функциональных зон общественного здания. Возникает возможность полной изоляции ограждающими конструкциями детской игровой зоны от других помещений общественного здания. В данном случае можно не учитывать объемно-планировочное решение и конструктивную схему общественного здания.
3. **Комбинированное размещение** – сочетание встроенной и пристроенной моделей. При этом часть зоны может находиться во встроенных, а часть в пристроенных помещениях.

Детские игровые зоны и другие функциональные части общественных зданий могут быть связаны между собой горизонтальными (в пределах одного этажа – траволаторами) и вертикальными (на разных этажах – эскалаторами, лифтами, лестницами) коммуникациями. Их взаиморасположение не ограничено этажностью или размерами зданий и зависит от принимаемых функционально- и объемно-планировочных решений. При этом если пребывание детей предусматривается без родителей, которые могут заняться покупками или другими делами, размещение детских игровых зон не рекомендуется на этажах кроме первого. Это продиктовано печальным опытом чрезвычайных ситуаций ЧС в аналогичных объектах, рассмотренным разными авторами [5]. Дело в том, что при возникновении пожара или иных ситуаций, требующих эвакуации посетителей и сотрудников, родители, независимо от инструкций, попытаются прежде всего найти своих детей и направятся в то место, где

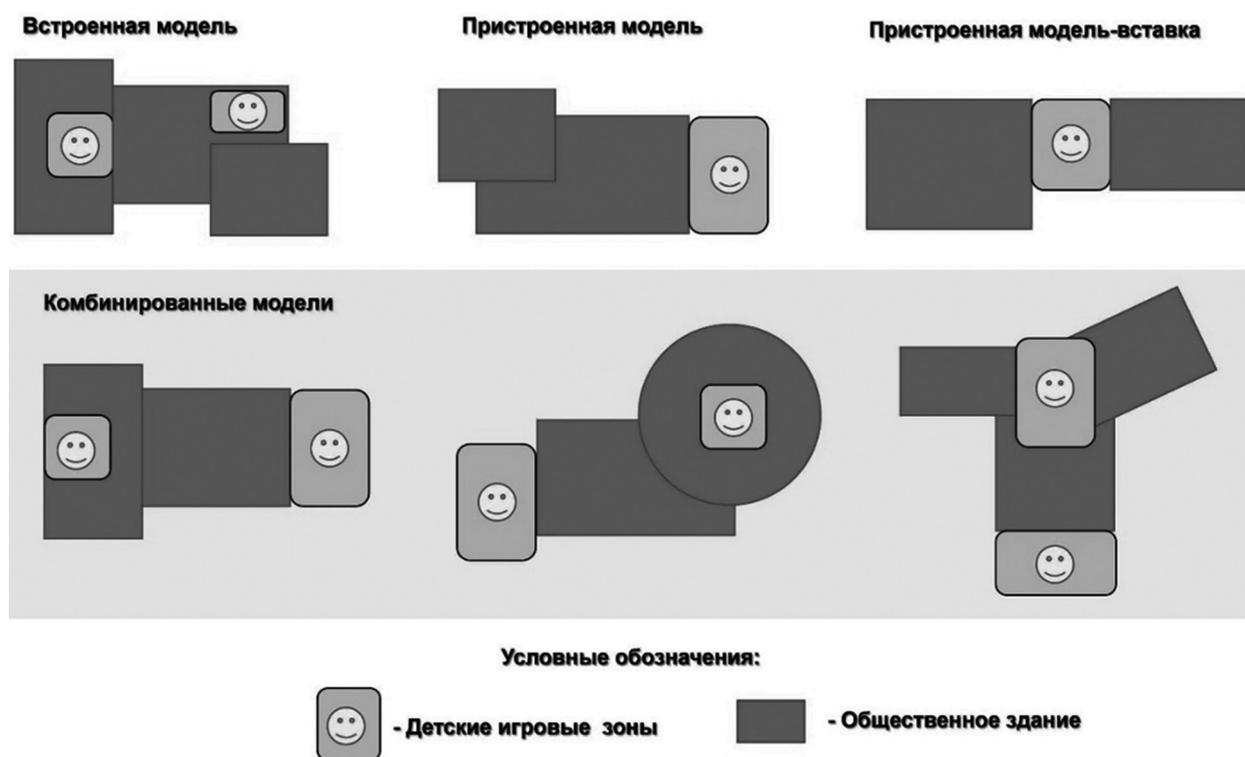

Рисунок 2. Варианты размещения детских игровых зон в структуре общественных зданий

их оставили. Если детская игровая зона находится на втором этаже и выше, то они будут двигаться навстречу эвакуирующимся, что создаст дополнительные препятствия в эвакуации и может стать причиной критических ситуаций.

На основании рассмотренного материала можно предложить методику проектирования детских игровых зон в структуре общественного здания. Она складывается из следующих этапов:

1. Получение исходных данных и составление задания на проектирование. Определение типа детской игровой зоны, вида, ее функционального состава и объемно-планировочного решения, размещению в общественном здании.
2. Определение возможной вместимости проектируемых детских игровых зон, возрастных категорий детей, необходимого состава помещений. Уточнение функционального состава и типа, для чего необходимо выполнить предпроектный анализ действующих детских игровых зон и развлекательных центров на рассматриваемой территории города. При этом можно опираться на методы, уже рассмотренные в публикациях [1].
3. Разработка планировочных решений, организация планировочных коммуникаций между ними и другими помещениями и функциональными компонентами общественного здания.

Таким образом, рассмотренный в работе материал по существующим проектным решениям позволяет сформировать обоснованную методику проектирования и терминологию в части архитектурно-планировочных решений детских игровых зон. Это позволяет выбирать функционально-планировочные и объемно-планировочные решения не только на основании эмпирического или частного опыта, но и планируя результат, последовательно определяя вид, тип, функциональный состав проектируемого объекта.

Список источников

1. Вавакина А.А., Калашиникова Л.Г., Тесленок С.А., Щербинкина Е.В. Анализ расположения и характеристики детских игровых зон на территории города Саранска // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Естественные и точные науки. 2023. Т. 17. № 1.
2. Вилкова А.С. Объемно-планировочная организация объектов досуга в структуре торговых комплексов: автореф. дис. ... канд. архитектуры. Н. Новгород, 2013.
3. Губанова Н.Ф. Организация предметно-игровых зон как условие социокультурного воспитания и развития дошкольников // Международный научно-исследовательский журнал. 2018. № 1 (67). Ч. 4.
4. Девликамова А.С. Организация детских досуговых центров в зарубежной архитектурной практике // Международный студенческий научный вестник. 2018. № 6.
5. Лигун М.О. Анализ нормативно-правовой базы в области эксплуатации и размещения детских игровых зон в торгово-развлекательных комплексах // Научное обоснование стратегии развития АПК и сельских территорий в XXI веке: материалы Национальной научно-практической конференции. Волгоград, 2021. Т. 4.
6. Полянский Е.А., Родионова Д.А. Опыт проектирования детских научно-развлекательных центров // Центральный научный вестник. 2017. Т. 2. № 24.
7. Детские города: Кидбург, Мастерславль, Кидзания // Твоя Москва. URL: https://posmos.ru/sport/kidburg-ili-kidzaniya-chto-luchshe.html?utm_referrer=https%3A%2F%2Fwww.yandex.ru%2F (дата обращения: 06.04.2022).
8. «Мастерславль», «Кидбург», «Кидзания»: детские города, живущие по «взрослым» правилам // ТАСС. URL: <https://tass.ru/spec/career-children> (дата обращения: 06.04.2022).
9. Столица отдыха и развлечений // Коммерсант. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2884131> (дата обращения: 06.04.2022).

10. White Hutchinson. History of Children's Entertainment & Edutainment Centers. URL: <https://www.whitehutchinson.com/leisure/historychildren.shtml> (дата обращения: 06.04.2022).
11. Childrens-spaces // White Hutchinson. URL: <https://www.designboom.com/tag/childrens-spaces> (дата обращения: 06.04.2022).

Информация об авторах

Е.И. Кочешкова – кандидат архитектуры, доцент; доцент Московского информационно-технологического университета – Московского архитектурно-строительного института, г. Москва, Россия; старший научный сотрудник Акционерного общества «Центральный научно-исследовательский и проектно-экспериментальный институт промышленных зданий и сооружений – ЦНИИПромзданий», (АО «ЦНИИПромзданий»), г. Москва, Россия

Н.В. Дубынин – кандидат архитектуры, доцент; доцент Московского информационно-технологического университета – Московского архитектурно-строительного института, г. Москва, Россия; доцент Национального исследовательского Московского государственного строительного университета (НИУ МГСУ), г. Москва, Россия; начальник отдела научных исследований в области градостроительства, жилых, общественных и производственных зданий, Акционерное общество «Центральный научно-исследовательский и проектно-экспериментальный институт промышленных зданий и сооружений – ЦНИИПромзданий», (АО «ЦНИИПромзданий»), г. Москва, Россия

Information about the authors

E.I. Kocheshkova – Candidate of Science in Architecture, Associate Professor; Associate Professor of the Moscow University of Information Technologies – Moscow Architectural and Construction Institute, Moscow, Russia; Senior Researcher at the Joint-Stock Company «Central Research and Design Experimental Institute of Industrial Buildings and Structures – CNIIPromzdaniy», (JSC «CNIIPromzdaniy»), Moscow, Russia

N.V. Dubynin – Candidate of Science in Architecture, Associate Professor; Associate Professor of the Moscow University of Information Technologies – Moscow Architectural and Construction Institute, Moscow, Russia; Associate Professor of the National Research Moscow State University of Civil Engineering; Head of the Department of scientific research in the field of urban planning, residential, public and industrial buildings of the Joint-Stock Company «Central Research and Design Experimental Institute of Industrial Buildings and Structures – CNIIPromzdaniy», (JSC «CNIIPromzdaniy»), Moscow, Russia

Статья поступила в редакцию 26.01.2024; одобрена после рецензирования 21.02.2024; принята к публикации 26.02.2024.

The article was submitted 26.01.2024; approved after reviewing 21.02.2024; accepted for publication 26.02.2024.

Вестник Московского информационно-технологического университета –
Московского архитектурно-строительного института. 2024. № 1. С. 23–34.

Herald of the Moscow University of Information Technologies –
Moscow Architectural and Construction Institute. 2024. № 1. С. 23–34.

Научная статья

УДК 72.011

doi:10.52470/2619046X_2024_1_23

Формирование начальной идеи дипломного проектирования

Владислав Владимирович Савинкин¹, Олеся Ю. Филатова²

^{1,2} Московский архитектурный институт (государственная академия), г. Москва, Россия

¹ vvspart@mail.ru

² Olesya181001@yandex.ru

Аннотация. Подводя итоги тридцатилетней деятельности кафедры дизайна архитектурной среды Московского архитектурного института (государственной академии) в Год педагога и наставника, учитель и ученик сосредоточиваются в статье на генерировании проектной идеи как путеводной звезде в дальнейшей разработке дизайнерского решения, применимого в сфере дипломного проектирования. Иллюстрируя описываемый метод триадой «прошлое – настоящее – будущее», авторы фиксируют обязательное изучение истории и локальных традиций, комплексное изучение реальной ситуации с выявлением критических мест и социальных проблем для создания проектного визуального имиджа как движущей концептуальной силы разрабатываемого комплексного, интегративного проекта. Вербальные триптихи средовых фрагментов четырех российских и трех зарубежных городов описывают идеи формирования архитектурной среды в контексте исторического прошлого, проблемного настоящего и сюрреалистического будущего.

Ключевые слова: городская среда, дипломное проектирование, временные изменения, предпроектный анализ, устойчивая архитектура будущего

Для цитирования: Савинкин В.В., Филатова О.Ф. Формирование начальной идеи дипломного проектирования // Вестник Московского информационно-технологического университета – Московского архитектурно-строительного института. 2024. № 1. С. 23–34. https://doi:10.52470/2619046X_2024_1_23.

Original article

The formation of initial ideas for diploma design

Vladislav V. Savinikin¹, Olesya U. Filatova²

^{1,2} Moscow Architectural Institute (State Academy), Moscow, Russia

¹ vvspart@mail.ru

² Olesya181001@yandex.ru

Abstract. Summing up the results of the thirty-year activity of the Architectural Environment Design Department of the MARCHI in the Year of Teacher and Mentor, the teacher and student focus in the article

© Савинкин В.В., Филатова О.Ф., 2024

on generating a project idea as a guiding star in the further development of a design solution applicable in the field of diploma design. Illustrating the described method with the triad «past-present-future», the authors fix the mandatory study of history and local traditions, a comprehensive study of the real situation with the identification of critical places and social problems to create a project visual image as the driving conceptual force of the complex, integrative project being developed. Verbal triptychs of environmental fragments of four Russian and three foreign cities describe the ideas of the formation of the architectural environment in the context of the historical past, the problematic present and the surreal future.

Keywords: urban environment, diploma design, temporary changes, pre-design analysis, sustainable architecture of the future

For citation: Savinikin V.V., Filatova O.U. The formation of initial ideas for diploma design // Herald of the Moscow University of Information Technologies – Moscow Architectural and Construction Institute. 2024. № 1. P. 23–34. https://doi:10.52470/2619046X_2024_1_23.

Первый человек отправился в космос ещё в 1961 г., и тогда всем казалось, что пройдёт совсем немного времени до того, как Человек начнёт бороздить просторы океана вселенной и станет жить на других планетах. Уже тогда, на запечатлённых из космоса кадрах и снимках, на живописных картинах космонавта Леонова или сегодня в кинофильме «Вызов» многим наша летящая на стремящейся скорости по сочиненной неизвестным проектировщиком траектории планета Земля ощущалась и воспринимается как хрупкое и временное создание.

Когда для обывателя XVII столетия картину мира перестал иллюстрировать «Диспут» Рафаэля, а плоская земля ушла из-под ног, закружившись в вихре небесных светил, люди впервые обнаружили, насколько наше существование уязвимо на самом деле. Страх перед реальностью породил архитектурные и художественные стили, спасительные для тех, кто не мог сжиться с новой действительностью. С тех пор многие ученые и фантасты понимали, что для поддержания «космического корабля» Земля нужны определенные условия и специальные действия. Сегодня научные исследования и даже визуальный анализ демонстрируют, что техническое сопровождение было недостаточным и где-то ошибочным, это привело к необратимым эффектам и ущербу планете [7]. Химическое загрязнение почвы и демографический кризис, глобальное потепление, продовольственный дефицит – проблемы, обнаруженные с приходом промышленности, но сегодня доведенные до критического предела. Чтобы справиться с этим кризисом и предотвратить ухудшение ситуации, нужны политические меры, государственные законы и повсеместные новые правила поведения. Большая часть населения живет в городах, и строительный процесс, транспорт, производство энергии являются крупнейшими источниками выбросов, – но при этом именно города являются полем битвы и ключом к поиску решений существующих проблем. На передовой должно оказаться профессиональное образование в сфере дизайна архитектурной среды. Опытные педагоги-урбанисты и студенты как проектировщики возможного сохранения будущего должны предложить средовые инновации, позволяющие не только инициировать ревитализацию на локальном и глобальном уровне, но и увидеть перспективы человеческого существования [10].

Выпускникам кафедры дизайна архитектурной среды Московского архитектурного института (государственной академии) суждено спроектировать ситуационные фрагменты городской среды будущего. В дипломах первых «архитекторов-дизайнеров» даже значилась специальность «художественное проектирование городских, сельских и парковых ансамблей». Все тридцать лет выпускники кафедры заявляют о своих успехах и достижениях в широком поле проектного творчества. Они – руководители архитектурных бюро и дизайнерских сту-

дий, лауреаты Государственных премий и премии «Золотое сечение», постоянные участники профессиональных выставок и конференций, авторы научных статей и печатных изданий. Их возвращала стабильная и проверенная временем команда педагогов. Она прививает профессиональные знания, акцентирует внимание на актуальных социальных темах, дискутирует со студентами во время семинаров, приглашает для уточнения и корректировки заданий архитекторов, урбанистов, ландшафтных дизайнеров.

На первых курсах будущие дизайнеры проводят массу времени вместе с преподавателями и сокурсниками в творческих мастерских, где внимательное погружение в задачу, проектные зарисовки и моделирование, обсуждение и выслушивание критических замечаний учителей и сокурсников носят единообразно значимый характер. Постоянная работа с материалами, собранными на территории проектирования или приобретёнными в специализированном кластере, рукотворными или выполняемыми на станках – не имеет значения, выстраивание на объёмных моделях средовых фрагментов, в которых уживаются традиционные и инновационные решения, создание прототипов, позволяющих прикоснуться к атмосфере будущего – основные приемы обучения. Прибавим к этому углублённое изучение профессиональной литературы и критики, переводы каталогов международной Венецианской Архитектурной биеннале, постоянные путешествия в инновационные и проектируемые российские и зарубежные города, где старое не руинировано, сегодняшнее жизненно, а новое «не за горами».

Все пять лет обучения, начиная новую образовательную ступень, учащийся не рассказывает, где он провёл лето, а отвечает на вопросы: «Каким архитектором ты хочешь стать?», «Какую должность ты хотел бы занимать в профессиональной команде?», «Какую сферу знаний ты хотел бы курировать в профессиональном дискурсе?», «Какую ответственность ты возлагаешь на себя в архитектурно-дизайнерской деятельности?», «Как изменится мир в ближайшем будущем и кем ты станешь через пять лет?». Эти регулярно актуализируемые вопросы призваны узнавать во времени скрытые «таланты студента», которые могут поощряться или восприниматься негативно, но в любом случае с реакцией и полной педагогической заинтересованностью в стремлении к единственной цели – мотивировать студента занять определенную профессиональную позицию в широком спектре проектных предложений и сложных жизненных ситуациях.

Время учения прощает сомнения, неточности, легковесные увлечения, юношеский максимализм и детские комплексы. Оно необходимо, чтобы понять свое место в мире и прикоснуться к возможности проектировать будущее не только для себя, но и для других. Это процесс проб и ошибок. Ведь архитектора часто сравнивают и с врачом, и с исследователем, который, как геолог, путешествует из любопытства, по наитию и специальному заданию – не важно. В этом поле он устанавливает связи и зависимости исторических реконструкций с фантазиями художников, вчерашних нереализованных мечтаний и появившихся сегодня чудес. Этот сюрреалистический анализ вкупе с проектным, хоть иногда и хаотичным поученически мышлением, позволяет вернуться из путешествий с текстами, зарисовками, схемами, чертежами и визуализациями формирования среды будущего. Самые богатые, масштабные и волшебные студенческие путешествия по нашей стране и планете ложатся в основу дипломного проектирования, а лучшие из них находят своё весомое место на смотре-конкурсе выпускных квалификационных работ МООСАО. Таким образом «процесс восхождения от абстрактного к конкретному... организация взаимодействия множества структур синтерзируются в итоге в конкретную форму объекта» [3, с. 109].

Проблема усвоения приобретенных методик и переноса их в реальное проектирование стоит очень остро для начинающего архитектора. Одну из них, применимую к реальному проектированию, описывают авторы статьи. Она наглядно выражена в высказывании одного

из успешнейших архитекторов современности Фрэнка Гери: «надо хорошо знать свое прошлое, уважать настоящее и открыто смотреть в будущее». На примере зарубежных и российских городов проводится историческое исследование, выявляются актуальные проблемы и способы их концептуального решения. Проектная клаузура, апробированная на семи ситуациях, количественно повышает усвояемость изложенной методики.

МОСКВА. Выстраивая концептуальные модели будущего для городов России, стоит начать с триады, появлению которой нужно быть обязанным предложению историка архитектуры Д.О. Швидковскому: «Во второе десятилетие XXI столетия мы должны создать хотя бы художественную утопию прекрасной Москвы. И пусть даже в такой теоретической модели удастся найти гармоничное соотношение прошлого и настоящего» [8, с. 464]. Попытка предположить вектор развития столицы ложится в русло градостроительной политики действующего главного архитектора.

Москва, по словам С. Кузнецова, «определяет экспортный имидж всей страны». Внедрение конкурсного проектирования в сферы от новых станций метро до общественных городских пространств вносит в безадресную архитектуру капиталистической эпохи, стремящейся к оптимизации, элемент уникальности. Это не может не радовать. «Для стороннего наблюдателя то, что происходило в нашей архитектуре в 1990-е гг., – буря в стакане воды. Там, на Западе, они воспринимали Россию как обочину архитектурной мысли – такой запоздалой репликой западного постмодерна. А сейчас все практически в унисон кричат: “Как много всего у вас происходит!”» [5].

Развитие средовой архитектуры и транспортных сетей по типу Шанхайского метро (самого развитого на данный момент) дает почву предположению, что вся необходимая

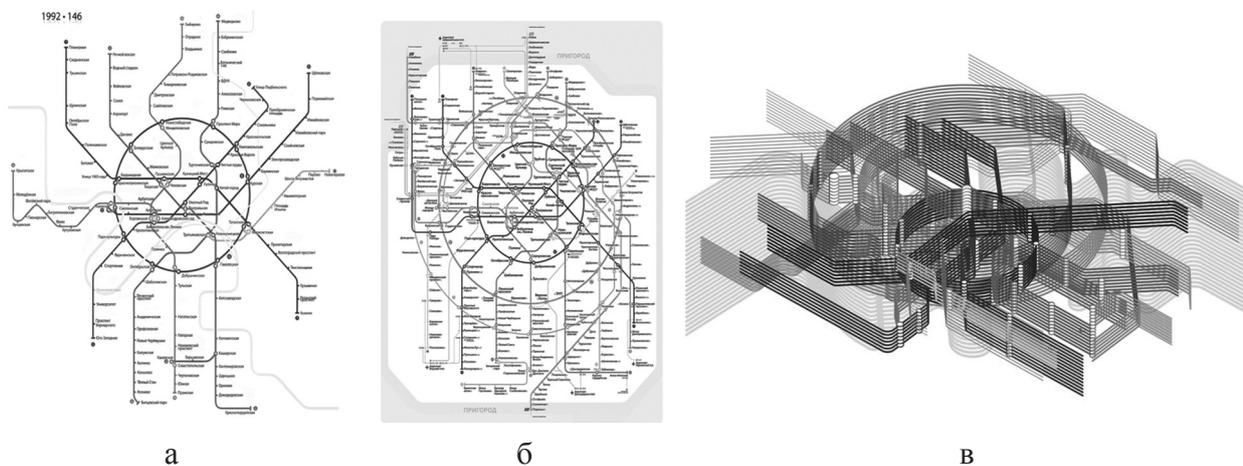

Рисунок 1. Москва, схема линий метро:

а – 1992 г., источник неизвестен;

б – студия А. Лебедева, 2023 г.;

в – архитектурная фантазия

Источники:

Рисунки 1а, 1б: Схема линий московского метро и МЦД с 1935 по 2027 гг.

// Официальный сайт мэра Москвы. URL: <https://www.mos.ru/city/projects/metro85/>

(дата обращения: 13.09.2023)

Рисунок 1в составлен автором

архитектура – от жилой до промышленной и общественной – спроектирована и построена. Люди не нуждаются в рабочем месте (минимальных 4,5 кв.м с закрепленным за работником столом и стационарным компьютером), в заводах (они перепрофилируются в общественные пространства). Дома сносятся для новых автодорожных развязок. Транспортные линии испещряют карту столицы во всех направлениях сторон света, и все меньше становится белых пятен на карте московского метрополитена. Изменяется способ эксплуатации зданий, портрет горожанина, но скорость обновления застройки, в сравнении с Нью-Йорком или Токио колеблется в пределах нуля. Узкоспециальная направленность спальных районов и само понятие района не для жизни, а для пребывания в некой другой реальности; потеря социальных связей в большом городе, массовое выселение людей из культурного и исторического центра, расползание субурбий – архитектурные и градостроительные проблемы, корни которых уходят в почву социальных, психологических и правовых вопросов. Проектирование желанного образа жизни лежит в основе каждого проекта будущего.

Однако сейчас тенденция на развитие транспортной сети города переносит внимание молодого владельца квартиры на единственно важный для него параметр – расстояние до метро и время, затраченное на поездку до работы. Скелет из подземных дорог начинает обрастать мышцами – жилыми образованиями. Привлекательность новых районов обеспечена ранее неслыханной цифрой: по горизонтали ветка метро находится на нулевом расстоянии. Такую возможность обеспечивает вертикальное развитие города по отрицательному вектору: дома, как корни, вгрызаясь в толщу земли, продолжают рост все дальше от солнечного света (*рисунок 1в*). Подобное решение мыслится невозможным хотя бы по нормам строительства, – однако первые ветки внутри жилых домов уже запущены в китайском городе Чунцин.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ. На ранних этапах строительства Санкт-Петербурга опорные точки в пятне городской застройки составляли промышленные участки, вокруг которых разрастались жилые образования. Адмиралтейство являлось гринвичским меридианом, от которого начинался отсчет города.

Спустя три столетия, в 2010 г., демонтаж дымовых труб производственных зданий значительно изменил панораму города. Вал разрешений на снос исторической застройки Петербурга дождался своего часа в 2022 г. Недействующие предприятия петровской эпохи, средне- и малоэтажное зодчество времен сталинского классицизма легли под гильотину строительных компаний. Пока новостные каналы пестрели прямыми эфирами, а страну захлестнула всеобщая паника, застройщики начали подчищать участки со зданиями – от аварийных до только перенесших полную реставрацию – для жилых комплексов «в самом сердце северной столицы». Так были уничтожены Производственные здания т-ва табачной фабрики А.Н. Богданова (ул. Марата 69 и 71, 1878 г.), производственный корпус фабрики Э. Бремме (12-я линия Васильевского острова, 41, 1897 г.), корпуса Сахарного завода Кенига (Пироговская наб., 13, конец XIX – начало XX в). 200 исторических зданий уже снесено, на рассмотрении находится еще 121.

Наблюдая безбожное обращение с культурным наследием, хочется всячески привлечь внимание к историческому прошлому Петербурга, который, по словам В.О. Ключевского, представлял собой «один завод». На акварели 1880 гг. массивные, монументальные трубы в линейной панораме определяют силуэт города (наравне с Исаакием, Владимирским и Казанским), промышленного, печного. Поэтому за основу проекта устойчивого города будущего берется архетип завода – труба, устремляющаяся ввысь. Стекланные, световые, цветные трубы-скульптуры, различные по материалу, но единые по габаритам, монтируются на первоначальных местах отечественных заводов. Вряд ли приходится рассчитывать на возрождение

Рисунок 2. Петербург, принципиальная схема развития города:

- а – историческое фото;
- б – наше время, 2023 год;
- в – архитектурная фантазия

Источники:

Рисунки 2а, 2б, 2в: 2-я ниточная фабрика. Турбинное отделение. Столовая // Архитектурный сайт Санкт-Петербурга. URL: <https://www.citywalls.ru/house33337.html> (дата обращения: 13.09.2023), в авторской обработке

производства на плодородных туристических землях, где пасутся дойные коровы риелторов, инвесторов, рестораторов, но, по меньшей мере, городская среда, модернизированная под запросы времени, наполняется историческим смыслом и рассказывает о производственном прошлом страны (*рисунок 2в*).

ТУЛА. Эпоха урбанистического ренессанса с переселением душ в единичные мегаполисы завершилась в китайской провинции Хубэй в 2019 г. Гонимые неведомой болезнью, горожане вспомнили о купленных родителям дачах и подмосковных квартирах, о бабушке в деревне и родственниках на хуторе. Реки интернетного трафика, электричества, доставки продуктов и одежды потекли в районы, доселе населенные непритязательными деревенскими. Внимание сместилось от центра к периферии. Мировые изменения отразились на архитектуре. Как отражение образа жизни, она подстроилась под человека нового типа.

Тульская область, вторая после Калужской, вновь приняла российский пром. Внутри самой Тулы сохраняются советские заводы – «Октава» (1951 г.), Тульский молочный завод (1943 г.) – и возводятся новые на базе имперских заводов XVIII в.: Императорский Тульский оружейный завод (1996 г.), завод самоваров «Град» (2015 г.), Фабрика Современной мебели (2010 г.). В отличие от Москвы, Тула избирает, по Ревзину, верный вектор движения к постиндустриальному городу: когда «нет перспективы превращения в глобальный город... .. бесконечные промзоны могут стать креативными кластерами, лабораториями, офисами, фуд-кортами, галереями и театрами». И превращаются. Из производства звукозаписывающей техники вырастает творческий индустриальный кластер «Октава» (2018 г.), где мультимедийную сценарную экскурсию по музею проводит компьютер, на пересечении туристических троп возникает арт-квартал «Искра» (2018 г.), одно из самых посещаемых и прибыльных для предпринимателей арендных мест. Новый тип города только начал свое развитие, предлагая площадки для обмена идей, знаниями. Полная цифровизация производства и перенос рабочих за проектные столы – путь развития города-завода со времени его основания.

Более ранняя и, видимо, опередившая время, подобная лаборатория была открыта И.Н. Сафроновым в Ржеве. Технологичное производство, оборудованное станками трехмерной печати, с отсеком конструкторского бюро, направлено на подготовку масштабной реконструкции исторической части города воинской славы. Макет составит основу экспозиции музея Истории архитектуры Ржева. Беспрецедентность бизнес- и дизайн проекта вызывает интерес столичных организаций и регионального правительства, поэтому после выполнения задач, под которые сейчас заточена вся лаборатория, проектное поле бюро только расширится.

КРАСНОЯРСК. Под пристальное внимание дизайнеров архитектурной среды попало благоустройство Красноярска. С 2017 г. в городе-миллионнике проводится масштабная программа капитального ремонта прогулочных зон. Если на вопрос о рекреационных территориях москвич совершит незначительную паузу после Зарядья и Парка Культуры, житель Красноярска перечислит множество природных участков: национальный парк «Красноярские Столбы», полностью прогулочный о. Татышев (7 кв. км), эко-парк «Гремячая грива», природное образование Торгашеский хребет и т.д. За словами «и так далее» скрывается обширный список точек притяжения, в которые уже включены или находятся на этапе разработки/строительства средовые комплексы, спроектированные с вниманием к культуре края и тактичным включением в природную среду.

Массив магматической породы близ Красноярска, гигантские каменные глыбы, вертикально вздымающиеся из-под земли, были открыты жителями еще 200 лет назад. С того момента интерес к ним поддерживается на одинаково высоком уровне: деревянные избы у подножий конца XIX в. сменились круглосуточным туристическим маршрутом. Гравийные тропы и деревянные лестницы облегчили прохождение пешего пути от 7 км (в одну сторону) до многодневного турпохода. Было сформировано отдельное направление экстремального

Рисунок 3. Красноярск, национальный парк «Красноярские Столбы»:

а – Чернышевская изба у подножия столба, конец XIX в.;

б – пешеходный променад, 2023 г.;

в – архитектурная фантазия

Источники:

Рисунок 3а. В.И. Суриков и Красноярск // Архивы Красноярского края.

URL: <http://xn----7sbbimrdkb3alvdfgd8eufwc.xn--plai/gosudarstvennyi-arkh/deyatelnost/vystavki/640> (дата обращения: 13.09.2023)

Рисунки 3б и 3в – авторские рисунки

подъема на вершины – столбизм. Последствия некоторых из восхождений ежегодно становятся непоправимыми.

Поэтому для недалекого будущего был спроектирован маршрут для прохождения с VR. Запуск дрона позволяет увидеть природные достопримечательности в панораме и подняться на скалы, не рискуя жизнью. Облет по разработанной и заданной специалистами траектории формирует полноценное восприятие природных объектов, а изменение наклона камеры самим путешественником – сферические фото, объединенные в уникальную панорамную картинку (рисунки 3в).

САМАРКАНД. В начале XX в. архитектурное наследие восточных республик ревностно охранялось от советских исследователей из политических соображений. «Этнографические работы попадали довольно часто под усиленный полицейский надзор» [2, с. 4]. Как оказалось – не зря. Отголоски Востока Российской империи, «интуитивного, приблизительного, двусмысленного, со следами времени на материалах» [3, с. 79], еще можно найти в отдаленных районах, не причисленных в стройный хор Советских республик. Руинированные титаны, полные тихого достоинства, возвышались над палаточными рынками, служили живительной тенью ослиным караванам и мелким торговцам. Постепенно угасшее величие Востока еще теплилось в рукотворных архитектурных глыбах: оголенных куполах, сталагмитах башен, вязи аятов Корана на стенах мазаров. Незаметно для руководящего состава (болезненно для архитектурного сообщества) политика изучения, кодификации и реставрации перешла в реконструкцию с вольной интерпретацией исламского зодчества, порой не имеющей исторической подосновы. Например, купол Тиля-Кари, не существовавший ни на чертежах, ни в реальном объекте, в 1970-х гг. впервые является после масштабной реконструкции Ансамбля Регистан.

Эпидемия туристов, настигшая Бухару и Самарканд, переформировала дворники медресе в госпитали сувенирных дилеров и торговых коммерсантов. В буквальном переводе «медресе»

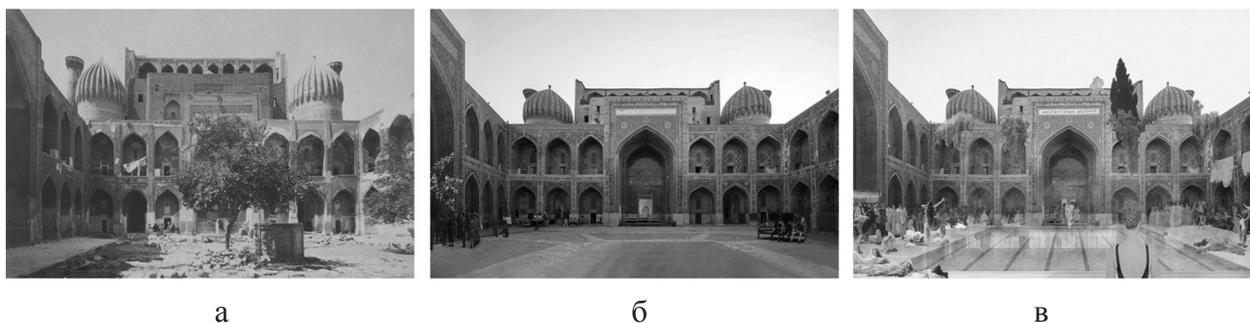

Рисунок 4. Самарканд, вид внутреннего двора в медресе Шир-Дор:

а – альбом исторических памятников г. Самарканда, 1890 год;

б – торговые ряды, 2023 г.;

в – архитектурная фантазия

Источники:

Рисунок 4а. Самарканд. Вид худжр // Retro View of Mankind's Habitat.

URL: <https://pastvu.com/p/187019> (дата обращения: 13.09.2023), в авторской обработке.

Рисунки 4б и 4в. Самарканд // Восходители. URL: https://voshoditeli.ru/raspisanie/detail/490_fanskie-gory-razvedka/ (дата обращения: 13.09.2023), в авторской обработке

значит «изучать» [1]. В учебном заведении с площадью застройки в 3000 кв.м. располагались кельи трех-четырех, посвятивших жизнь философии, астрономии, геометрии и языкам.

Плод коллективной веры в светлое студенческое будущее – университетский кампус с наполнением, не уступающий миланскому (SANAA, 2019 г.) Луиджи Боккони. Один из блоков исторического ансамбля перепрофилируется в многофункциональный спортивный центр для учеников и профессоров. Внутренний двор становится открытым бассейном, допустимым при жарком климате и характерной планировке здания в виде квартала с внутренним двором (рисунок 4в).

НЬЮ-ЙОРК. Обходя инсоляционные законы, ища лазейки для дополнительного этажа, надстройки, стилобата, Нью-Йорк лидирует по плотности населения и занимает третью строчку среди городов стран первого мира. Обращаясь к человеческим инстинктам в джунглях из бетона и стекла, в попытках вернуться к естественной среде обитания, житель мегаполиса включает озеленение в вертикальные фасады, начинает им мосты, крыши зданий и продуктовую корзину, рисует утопические проекты тотального озеленения города в надежде, что если не он, то его внуки будут жить в более гуманной среде. Озеленение мегаполисов в XXI в. – один из аспектов старого инстинкта самосохранения, тот же защитный механизм, что некогда породил стены, башни, крепости и бомбоубежища. Покоренная природа больше не вызывает тихого ужаса у ее покорителя, дух завоевателя сменило чувство вины за причиненный Дому ущерб. Бесконечно далекая от родины первых английских экспедиторов земля, отвоеванная у аборигенов, штормов и ветров, в представлении урбанизаторов должна была как бы расплатиться за пролитую кровь первопроходцев. Человек забыл остановиться, оставить нетронутым клочок суши природе в антропоцентричной картине мира.

В футуристичном проекте будущего художника Эс Дэвлин, вспоминая заповедь «не навреди», предоставляет город флоре. В альтернативном, урбанистическом проекте здания разрастаются в природную пространственную структуру. Стволы супер-тонких небоскребов поддерживают пластину-фундамент, на верхней плоскости которой образован тотальный парк. Таким образом, тенденция роста плотности сохраняется, в то время как площадь озеленения увеличивается.

БИЛЬБАО. Призрак этого города бродит до сих пор по всему миру. Для того, чтобы превзойти сногшибательный эффект туристического потока в первые три года после открытия Музея современного искусства Соломона Гуггенхайма (1991–1997 гг., арх. Фрэнк Гери), который составил 4 млн человек вместо запланированных 1,5 млн, надо, чтобы сошлись все звезды. Или случился парад планет. В нужном месте и в нужное время оказались администрация традиционного испанского города свободолюбивой нации; зарубежный архитектор, выигравший конкурс у японца и австрийцев; свободные финансы и конверсия в России (желанный для автора проекта титан облицовки здания был куплен по выгодной цене именно у нас в стране). В 2008 г. в городе Пермь ещё можно было бы надеяться на появление баскского аналога; конкурс с жюри во главе с Питером Цумтором на Музей современного искусства с постоянной экспозицией локальной деревянной скульптуры в контрапункте железнодорожного пути и реки Кама выиграл молодой и перспективный Борис Бернаскони. Но неустойчивость местной власти привела проект в обыденное для того времени забвение. Прибавьте к этому волшебным образом сэкономленные в процессе проектирования и строительства музея на северо-востоке Испании 3 млн долл. против 97 млн потраченных, и становится ясно, почему у Гери появились после Бильбао новые интересные проекты по всему миру, а эффект этого города так и остался недостижимым для конкурентов.

Сегодня только коренные жители и старые фотографии расскажут, как тридцать лет назад баскская столица с традиционными фонтанами, скверами и кварталами могла обнаружить в приходящей в упадок промышленно-портовой территории реки Нервион потенциальное место для создания среды будущего городского развития. Филипп Джонсон посетил ещё не открывшийся Музей в августе 1996 г. и сразу определил его зданием будущей эпохи. Не только здание Гери, но и аэропорт Калатравы, метрополитен Фостера, Филармония Сезара Азкарате и стадион испанских архитекторов Сориано и Паласиос, офисный комплекс Изодзаки, пешеходные мосты разной конфигурации и материалов исполнения, проходящая через двухкилометровый участок зелёная ветка бесшумного трамвая уже в начале века положили начало возникновению сегодняшней картины города. Доминирует здесь 45-этажная офисная башня, стройными кварталами к ней примыкают апартаменты и гостиницы, тут же акцентируют городское пространство университет и спортивный комплекс. И как бы наивно ни выглядело стремление молодых архитекторов изменить мир средствами создания своеобразной архитектуры, именно Бильбао продемонстрировал, как современная архитектура ведёт мир к безопасности и толерантности. Ведь ещё на открытии Музея Гуггенхайма местной полицией был предотвращён террористический акт националистической организации сепаратистов ЭТА, а в 2018 г. она была распущена и прекратила своё существование.

Сегодня внятный городской кусок благостно существует в своей цельности. Музею, положившему начало архитектурной интервенции, отведено скромное место восточного якоря обширной застроенной и благоустроенной территории. Сменные экспозиции и возрожденные морские темы, проявленные в городских набережных, привлекают традиционный для последнего десятилетия миллион туристов в год. Будущее пришло сюда ещё в 1997 г.,

Рисунок 5. Бильбао в контексте реки Нервион:

а – вторая половина XX в.;

б – 2000 г.;

в – кадр из фильма «Восхождение Юпитер», 2015 г.

Источники:

Рисунок 5а. Трансформация Бильбао за последние 50 лет // Absolut Bilbao.

URL: <https://www.absolutbilbao.com/exposicion-fotografica-sobre-la-transformacion-de-bilbao-en-los-ultimos-50-anos/> (дата обращения: 13.09.2023)

Рисунок 5б. Бильбао // Wikimedia Commons. URL: [https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Bilbao_pan1a_\(2774465604\).jpg](https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Bilbao_pan1a_(2774465604).jpg) (дата обращения: 13.09.2023)

Рисунок 5в. Восхождение Юпитер // Godeaf. URL: <https://22oct.godeaf.me/9-voshozhdenie-jupiter-2015-subtitry.html> (дата обращения: 13.09.2023)

поэтому представить будущее будущего представляется нереальным. Разве что его можно посмотреть в фильме «Восхождение Юпитер» сестёр Вачовски, где городская среда образована многочисленными реинкарнациями фрагментов и частей Музейного комплекса в Бильбао. Невозможность повторения эффекта и здесь нашла своё подтверждение. Фильм оказался самым провальным в 2015 г. (рисунки 5в).

Сегодня, спустя 30 лет после создания смотра-конкурса лучших выпускных квалификационных работ по архитектуре и дизайну МООСАО, возникновения архитектурного фестиваля «Зодчество», первой выставки АРХ Москва, глобальные проблемы стоят на повестке дня весомее, чем когда-либо раньше. Именно студентам профильных вузов суждено демонстрировать своими проектами способы возможных выходов из сложившихся проблемных ситуаций в Отечестве и мире. В коллаборациях со своими преподавателями и в контакте с профессиональным сообществом, которые прививают будущим специалистам понимание значимости происходящего, совместный труд должен определить будущее существование людей на планете благодаря созданию новой архитектурной среды.

Задача профессионального образования в сфере архитектуры и дизайна – обеспечить благодатную, удобренную почву для созревания актуальных и красивых идей. Помимо виртуального визуального ряда будущего стоит задача находить бизнесменов-визионеров, средства, потенции и рвение для их реализации. Результатом реализации описанной методики станет аналитическая часть средового дипломного проектирования с последующей демонстрацией наработок в виде брендбука каждым студентом кафедры Дизайна архитектурной среды 2024 года выпуска. Без заявленной триады: глубокого знания учащимися истории места, его духа и архетипов; понимания сложившегося контекста и выявления проблем; а главное, свежего и открытого сознания и проектной мысли для архитектурно-дизайнерских фантазий – это невозможно.

Список источников

1. Большая Советская энциклопедия: в 50 т. Т. 38. Самойловка – Сигиллярии / гл. ред. Б.А. Введенский. М., 1955.
2. Денике Б.П. Искусство Средней Азии М., 1927.
3. Ермолаев А.П., Шулика Т.О. Словарь дизайнера М., 2014.
4. Ефимов А.В., Минервин Г.Б., Ермолаев А.П., Шимко В.Т., Щепетков Н.И. и др. Дизайн архитектурной среды. М., 2005.
5. Интервью Сергея Кузнецова // Институт генплана Москвы. URL: https://genplanmos.ru/publication/2020_11_06_sergey-kuznecov-est-zadacha-formirovat-u-lyudey-chuvstvo-prichastnosti-k-konkretnomu-mestu/ (дата обращения: 13.09.2023).
6. Ревзин Г.И. Как устроен город будущего М., 2022.
7. Саркис Х., Баррио Р.С. Мир как архитектурный проект. М., 2021.
8. Швидковский Д.О. «От мегалита до мегаполиса»: очерки истории архитектуры и градостроительства М., 2009.
9. Штиглиц М.С. Промышленная архитектура Петербурга. М., 2023.
10. Шулика Т.О., Лебедев В.Н. Алгоритм создания проектной концепции на основе результатов анализа контекста // АМІТ. 2021. № 3 (56).

Информация об авторах

В.В. Савинкин – доцент Московского архитектурного института (государственной академии), г. Москва, Россия; член Союза архитекторов России, член Союза Дизайнеров России, руководитель проектной группы «Поле-Дизайн»

О.Ю. Филатова – студент Московского архитектурного института (государственной академии), г. Москва, Россия; член Союза Дизайнеров России

Information about the authors

V.V. Savinikin – Associate Professor of the Moscow Architectural Institute (State Academy), Moscow, Russia; member of the Union of Architects of Russia, member of the Union of Designers of Russia, head of the project group «Pole-Design»

O.U. Filatova – student of the Moscow Architectural Institute (State Academy), Moscow, Russia; member of the Union of Designers of Russia

Статья поступила в редакцию 26.01.2024; одобрена после рецензирования 26.02.2024; принята к публикации 29.02.2024.

The article was submitted 26.01.2024; approved after reviewing 26.02.2024; accepted for publication 29.02.2024.

Вестник Московского информационно-технологического университета –
Московского архитектурно-строительного института. 2024. № 1. С. 35–42.

Herald of the Moscow University of Information Technologies –
Moscow Architectural and Construction Institute. 2024. № 1. С. 25–42.

Научная статья

УДК 378.1

doi:10.52470/2619046X_2024_1_35

Проектирование и реализация образовательной программы архитектурного направления в непрофильном вузе: анализ практического опыта

Ирина Геннадьевна Жахова

Смоленский государственный университет, г. Смоленск, Россия, Zhahova72@mail.ru

Аннотация. В статье представлены итоги практического опыта, полученные в результате проектирования и реализации образовательной программы по направлению подготовки «Дизайн архитектурной среды» блока «Архитектура», реализуемой в непрофильном вузе, рассмотрены этапы формирования образовательной программы, ее структурных ориентиров. В качестве основных условий, обеспечивших успешность реализации конкретной программы, отмечена необходимость формирования ее идентичности, обусловленная во многом региональными особенностями и отраженная в определении профиля образовательной программы, приведено обоснование выбранного профиля, раскрыто его проявление в тематике проектов, осуществленных в рамках выполнения выпускных квалификационных работ. Также положительно отмечены последовательная работа по выстраиванию взаимосвязей с профессиональным сообществом в сфере исследовательской, практической и творческой деятельности, последовательная интеграция студентов в профессиональное сообщество через участие в профессионально направленных конкурсах разного уровня.

Ключевые слова: высшее образование, образовательная программа, архитектурное образование

Для цитирования: Жахова И.Г. Проектирование и реализация образовательной программы архитектурного направления в непрофильном вузе: анализ практического опыта // Вестник Московского информационно-технологического университета – Московского архитектурно-строительного института. 2024. № 1. С. 35–42. https://doi:10.52470/2619046X_2024_1_35.

Original article

Design and implementation of an architectural educational program in a non-core university: analysis of practical experience

Irina G. Zhahova

Smolensk State University, Smolensk, Russia, Zhahova72@mail.ru

Abstract. The article presents the summary of practical experience gained as a result of the design and implementation of the educational program in the field of training «Design of the architectural environment»

© Жахова И.Г., 2024

of the Architecture block, implemented in a non-core university, the stages of the formation of the educational program and its structural guidelines are considered. As the main condition that ensured the success of the implementation of a specific program, the need for the formation of its identity was noted, largely due to regional peculiarities and reflected in the definition of the profile of the educational program, the rationale for the chosen profile was given. Its manifestation in the subject of projects carried out within the framework of the final qualifying works was revealed. Consistent work on building relationships with the professional community in the field of research, practical and creative activities, consistent integration of students into the professional community through participation in the profession were also positively noted.

Keywords: higher education, educational program, architectural education

For citation: Zhahova I.G. Design and implementation of an architectural educational program in a non-core university: analysis of practical experience // Herald of the Moscow University of Information Technologies – Moscow Architectural and Construction Institute. 2024. № 1. P. 35–42. https://doi:10.52470/2619046X_2024_1_35.

Тенденции, сложившиеся в образовании в последние десятилетия, связанные с расширением перечней образовательных программ, преподаваемых в различных учебных заведениях, привели к ситуациям, в которых с проектированием и реализацией новых образовательных программ столкнулись многие непрофильные вузы. В их числе оказался и Смоленский государственный университет, в стенах которого с 2009 г. начали реализовываться образовательные программы блоков «Архитектура» и «Строительство». Рассмотрим опыт проектирования и реализации образовательной программы по направлению 07.03.03 Дизайн архитектурной среды, приобретенный в ФГБОУ ВО «Смоленский государственный университет» – вузе областного уровня, непрофильном для архитектурного направления подготовки.

На начальном этапе формирования образовательной программы в соответствии с требованиями образовательных стандартов были выбраны ее основные ориентиры: направленность на определенные виды профессиональной деятельности выпускника, объекты профессиональной деятельности, виды основной деятельности, сфера, предмет и направления деятельности, даны ее характеристики и разработано общее содержание программы. В период работы с архитектурным направлением подготовки был получен опыт реализации программ по подготовке специалистов и бакалавров: первый опыт становления архитектурного образования в Смоленском регионе прошел на уровне подготовки специалистов, а с 2011 г. был осуществлен переход на двухуровневую систему образования. Самостоятельность образовательной организации, определенная государственным образовательным стандартом 2016 г. в формировании образовательной программы, давала возможность учебному заведению ориентировать свое предложение по образовательной программе на конкретные особенности региона. Ситуация, сложившаяся в архитектурно-проектной сфере Смоленской области, обусловленная социальными, географическими и экономическими особенностями: небольшая численность населения, отсутствие крупного промышленного производства, близость столичного региона и республики Беларусь, – к сожалению, не характеризовала положительно работу архитектурно-проектной сферы. Это проявлялось и проявляется в недостаточном числе специалистов, отсутствии единой архитектурной и градостроительной политики в областном и районных центрах, не систематизированном потоке архитектурных заказов. В наших условиях открытие в областном университете архитектурного направления подготовки давало возможность подготовить кадры для работы в области архитектурной проектной и административной деятельности.

Постоянная работа над актуализацией образовательной программы на этом этапе, поиск целесообразных решений в конкретных условиях привели к определению профиля

программы – «Комплексное проектирование архитектурно-пространственной среды». Это позволило нацелиться при доработке образовательной программы на достаточно всестороннюю подготовку студента в решении будущих практических задач, ориентировать выпускника на разнообразную профессиональную деятельность после окончания учебного заведения. В условиях кадрового дефицита в архитектурно-проектной сфере это было более чем целесообразным. Сравнительный анализ образовательных стандартов блока «Архитектура» [7; 8; 9; 10] на этом этапе показал возможность определить путь сближения различных направлений архитектурной деятельности, и при планировании образовательной программы направления 07.03.03 Дизайн архитектурной среды, ориентироваться на их логичное взаимодействие. Учитывая, что в сегодня профессиональная деятельность выпускника после окончания учебного заведения оказывается достаточно разнообразной, а требования к качеству подготовки постоянно повышаются, необходимо было нацелиться при создании образовательной программы на достаточно всестороннюю подготовку студента в решении будущих практических задач, а также задать ему ориентиры на постоянную готовность к постижению основ профессиональной грамоты в процессе дальнейшего обучения и развития.

Какими же могут быть содержание и особенности образования архитекторов по направлению подготовки «Дизайн архитектурной среды», обусловленные конкретными условиями в региональном вузе? Проведем анализ этих условий, определим, как они влияют на построение образовательной программы и определение ее ориентиров. Общеизвестно, что в настоящее время в архитектурном образовании выделяют четыре направления подготовки: Архитектура, Реконструкция и реставрация архитектурного наследия, Дизайн архитектурной среды, Градостроительство. Мы провели сравнительный анализ сферы, предмета и направления деятельности, определенных образовательными стандартами по направлениям подготовки 07.03.01 Архитектура, 07.03.02 Реконструкция и реставрация архитектурного наследия, 07.03.03 Дизайн архитектурной среды, 07.03.04 Градостроительство. Результаты проведенного исследования показали, что направления подготовки 07.03.01 Архитектура и 07.03.03 Дизайн архитектурной среды наиболее близки по сферам, предметам и направлениям деятельности [7; 8]. Но студенты, обучающиеся на направлении подготовки «Дизайн архитектурной среды» должны быть подготовлены в сфере основных направлений градостроительной политики, в области нормативных правовых актов, осознавать ценность исторической материально-пространственной среды, следовательно, мы наблюдаем пересечение сфер влияния направлений подготовки 07.03.02 Реконструкция и реставрация и 07.03.04 Градостроительство [9].

Естественно, что часто в жизненных ситуациях мы сталкиваемся с необходимостью не разделения направлений в практической работе, а с их сближением. Вполне логично, что качественную работу, и учебную в том числе, в сфере архитектурно-дизайнерского проектирования нельзя выполнить без знаний градостроительных и исторических фактов. При этом даже реализация профессиональных компетенций, определенных образовательными стандартами, показывает их единство и взаимодействие [7; 8; 9; 10].

Следовательно, создание образовательной программы в одном из направлений блока «Архитектура» нельзя планировать в полном отрыве от других направлений, и, естественно, необходимо ориентироваться на их логичное взаимодействие [1; 6]. А конкретные условия реализации не только необходимо учитывать, но также они могут стать определяющими при разработке основных ориентиров образовательной программы. Это нашло прямое отражение в рассматриваемой ситуации. Принимая во внимание особенности конкретного региона: отсутствие молодых кадров с архитектурным образованием, единой архитектурной и градостроительной политики в органах архитектуры области и районных центрах часто из-за слабого обеспечения районных административных органов специалистами с профиль-

ным образованием, – при выборе профиля подготовки мы остановились на самостоятельном профиле «Комплексное проектирование архитектурно-пространственной среды». Такой подход дал возможность ориентироваться на обеспечение более разносторонней подготовки выпускника, а с другой стороны резче очертить границы между направлением подготовки 54.03.01. «Дизайн», реализуемым на базе СмолГУ по профилю «Дизайн среды» и направлением подготовки 07.03.03. «Дизайн архитектурной среды» [2; 3].

Практика показала: многие из наших выпускников, завершивших обучение в 2015–2023 гг., начали работать в архитектурно-проектной сфере по месту жительства в областном и районных центрах. Деятельность их оказалась весьма разнообразна: решение профильных административных вопросов, профессиональная проектная деятельность, связанная с разработкой различных архитектурных объектов, интерьеров, ландшафта территорий, предметного наполнения интерьерных и экстерьерных пространств. Таким образом, ориентация на разносторонность в подготовке выпускников оказалась в нашем регионе целесообразной.

Одной из основных характеристик в проектировании модели выпускника изначально была нацеленность на формирование и развитие его готовности к постижению основ профессиональной грамоты, а также активизация возможностей для постоянного роста в профессиональном направлении в процессе дальнейшего обучения и трудовой деятельности. Этот подход достаточно удачно дополнил общее ориентирование на разностороннее проявление архитектурного творчества в рамках направления «Дизайн архитектурной среды».

Положительно, что, выбор профиля образовательной программы позволил определить свою идентичность в образовательном пространстве, что со временем показало определенную привлекательность для абитуриентов.

Работа над проектированием образовательной программы проходила с учетом многих факторов. Комплексный подход в проектировании образовательной программы проявился во всесторонней работе над ее содержанием, взаимоувязанным с работой над кадровым преподавательским составом, а также привлечением всех потенциальных разноплановых возможностей, содержащих положительный потенциал, ориентированный на качество подготовки будущего специалиста.

Необходимо отметить, что в нашем случае при поступлении в университет творческие испытания отражали только общую готовность абитуриента к художественно-изобразительной деятельности, и не были нацелены на определение способности работать с объемными формами, ортогональными проекциями, что характерно для большинства вузов. Это вызывало необходимость в своевременном формировании названных возможностей у студентов младших курсов на первом этапе обучения. Включение в учебный план дисциплин, содержащих систему пропедевтических разноплановых заданий, дало возможность осуществить мягкую корректировку способностей к объемно-пространственной деятельности в проектировании, умений воспринимать пространственные формы на различных изображениях, в дальнейшем, самим моделировать их, осуществляя различные действия, – все это помогло осуществить плавное вхождение первокурсников в учебный процесс.

Работа по проектированию учебного плана состояла не только в определении модулей, обеспечивающих формирование необходимых компетенций, четко спланированного порядка освоения дисциплин, но и тщательного выстраивания междисциплинарных связей, взвешенного определения практического содержания каждой дисциплины, ее вклада в профессиональную подготовку студента. Выстраивание межпредметных связей было направлено на то, чтобы дисциплины, входящие в разные блоки учебного плана: общие художественные дисциплины, инженерные дисциплины, проектные дисциплины, вспомогательные профессиональные дисциплины, – не просто вели к образованию профессиональных и общепро-

фессиональных компетенций определенного направления, но и обеспечивали формирование и развитие целостного профессионального осознания студента на каждом этапе обучения [4; 6; 11]. Практика показала, что способствовали этому и следующие моменты: методика работы над проектом, подбор проектируемых объектов, мобилизация потенциальных преподавательских возможностей, определение ведущего преподавателя на каждом образовательном этапе. Таким образом, программа каждой учебной дисциплины разрабатывалась как компонент общей системы, а при ее проектировании учитывался комплекс взаимосвязанных условий, способствующих успешности ее реализации.

Особо стоит отметить работу над программами проектных дисциплин: содержание большинства учебных заданий по профессионально направленным дисциплинам уместно было максимально связать с разбором конкретных ситуаций, складывающихся в архитектурной сфере населенных пунктов региона. Особенно важно, по нашему мнению, учитывать этот момент в реализации практических заданий на учебных практиках. Такие задания вызывают повышенный интерес при их выполнении, гораздо более ясным для обучаемых оказывается контекст конкретной ситуации. В результате, в целом проекты получаются более жизненными, ориентированными на практическое использование, легче складывается процесс работы над проектом.

Следующий этап работы над образовательной программой, определенный необходимостью всестороннего учета контекста ее реализации, обусловленного условиями и особенностями конкретного региона: отсутствием архитектурных направлений подготовки в учебных заведениях области, недостаточным обеспечением административных органов и проектных организаций Смоленской области специалистами с профильным образованием, – проявился не только в определении профиля образовательной программы, но и в основных направлениях выпускных квалификационных работ:

- проектирование архитектурного объекта для провинциального или сельского населенного пункта;
- комплексное решение территории с созданием небольших общественно-значимых объектов;
- организация зон в городской среде;
- реновация различных объектов на территории области.

Среди выпускных квалификационных работ есть проекты по преобразованию городских пространств, реновации, архитектурные проекты объектов различного назначения. Первые три тематических направления в выпускных квалификационных работах, в большинстве связаны с городами и поселками Смоленской области. Проекты объектов жилого, общественного, промышленного назначения, реконструкции пешеходной улицы, городских парков, проектирование комплексов различного назначения, пляжных зон продемонстрировали не только интересные архитектурно-планировочные решения, предлагаемые выпускниками, но и чуткое понимание проблем, возможных профессиональных путей их решения.

При этом внимание к решению проектных ситуаций, складывающихся в населенных пунктах региона, вовсе не означает отказ от работ, темы которых направлены на проекты для иных географических объектов. Как правило, такие работы были выполнены для участия в конкурсах.

Особо необходимо отметить роль работы с историко-культурным наследием родного края в процессе профессиональной подготовки и воспитания студентов архитектурного профиля. Смоленский регион уникален по численности сохранившихся памятников, но это богатое культурное наследие требует особого профессионального подхода в современных условиях, понимания способов работы в данном направлении, поиска решений по использованию и сохранению архитектурного наследия, воспитания бережного отношения к нему. Безусловно, формирование профессионального, ответственного, ценностного отношения

к историко-культурному наследию необходимо проводить на протяжении всего периода обучения архитекторов в высшем учебном заведении. Как показала практика, эту работу можно организовать по нескольким направлениям: первичная ознакомительная работа теоретической направленности, практическая работа с объектами культурного наследия региона, профессиональная проектная деятельность с объектами историко-культурного наследия. Естественно, последнее направление наиболее целесообразно реализовать при выполнении выпускных квалификационных работ.

Этап становления новых программ в учебном заведении требует максимальной мобилизации не только возможностей образовательной организации, но и привлечения ресурсов профессионального сообщества. В нашем случае интеграция в профессиональное пространство города и области проходила постепенно от предоставления профильными проектными организациями базы для практик студентов, включением ведущих архитекторов города в преподавательскую деятельность до ведения полноценного совместных проектов, позволивших даже активизировать деятельность городского архитектурного сообщества. Позитивную роль, позволившую привлечь внимание в городе к архитектурному творчеству, стало и ведению совместной выставочной деятельности.

Мы согласны, что важным моментом интеграции в профессиональное сообщество является привлечение студентов к участию в профессиональных конкурсах [5]. С 2018 г. в области при поддержке Национального объединения изыскателей и проектировщиков начал регулярно проводится конкурс архитектурно-проектных работ «Феникс», объединивший профильные образовательные учреждения области, представителей строительного и архитектурного сообществ города. Участие в конкурсе, самостоятельное прохождение пути от подготовки и оформления конкурсной работы до подачи заявки показало не только заинтересованность студентов в результатах своей деятельности, но и способствовало оптимизации работы над учебными проектами, качественный уровень исполнения которых начал значительно расти. К проведению и организации конкурса были активно привлечены не только представители проектных организаций, но и преподаватели. Постоянная работа над повышением престижа областного конкурса, условиями участия позволила выстроить систему привлечением потенциальных участников уже с первого курса обучения.

Возможность дальнейшего участия в ежегодном Международном конкурсе на лучший проект, проводимом Национальным объединением изыскателей и проектировщиков также нашло положительное отражение в повышении качества проектных работ, и еще больше подняло престиж и областного конкурса. Работа над организацией областного конкурса, кураторство участия в Международном конкурсе на лучший проект года от НОПРИЗ также проходило при постоянном участии представителей профессионального сообщества – Смоленского регионального отделения Общероссийской творческой профессиональной общественной организации «Союз архитекторов России», организаций «Объединения Смоленских проектировщиков». Совместная работа с представителями профессионального сообщества проходила и по вопросу цифровизации проектной деятельности, наверное, работа в этом направлении только с привлечением представителей молодого поколения способна принести положительные результаты во многих конкретных случаях.

Положительно зарекомендовало себя и вовлечение студентов в исследовательскую деятельность разных уровней: от участия в ежегодных вузовских и международных студенческих конференциях, до совместных проектов, выполняемых преподавателями и студентами. Так выполнение проекта «Исследовательско-изыскательские работы по реконструкции и реновации зданий и сооружений усадьбы Алексина Смоленской области» в рамках грантовой программы Российского гуманитарного научного фонда преподавателями кафедры с при-

влечением студентов дало возможность не только с большим интересом провести работу, но и продолжить ее в проектных предложениях по реновации архитектурного комплекса. Таким образом были разработаны два выпускных проекта по архитектурной реновации усадьбы, дополнившие выполненное исследование. Подобным образом была организована работа с объектом Смоленская крепостная стена: работы с обмерами фортификационного сооружения, изучение данных по памятнику архитектуры, разработка серии проектных предложений по реновации этого объекта предшествовали крупному проектному предложению по созданию музея крепостной стены.

Привлечение представителей архитектурной школы к реализации новой для учебной организации образовательной программы позволило не только решить кадровую проблему, но и более свободно располагать разнообразным творческим потенциалом представителей архитектурной школы, использование этого потенциала особенно на заключительном этапе обучения в процессе выполнения выпускных квалификационных работ. Это позитивно отразилось не только на тематике проектов, но и творческих подходах к их реализации.

В сегодняшних условиях стремительно приходящих изменений и связанных с ними требований в сфере высшего профессионального образования определить вектор движения помогало сотрудничество с коллегами профильных вузов, определение приоритетных направлений в развитии архитектурного образования, постоянный обмен опытом, – все это позволяет ускорить процесс становления и совершенствования образования в непрофильных образовательных организациях.

Таким образом, необходимыми составляющими проектирования и реализации образовательной программ архитектурного профиля в современных условиях является определение разнообразных факторов, обладающих позитивными потенциальными возможностями и их последовательное включение в практику становления образовательного направления. Безусловно, максимальный потенциал закладывается при проектировании образовательной программы, выстраивании ее компонентов в стройную взаимосвязанную систему, постоянная работа над совершенствованием этой системы при ориентации на конкретные условия реализации образовательной программы, анализ этих условий, использование их положительного потенциала, учет негативных факторов и работа над снижением их влияния.

Кроме этого, в современных условиях невозможно достичь позитивного результата в реализации образовательной программы без выстраивания системы взаимодействия с профессиональными сообществами, привлечения представителей этих сообществ к реализации образовательной программы, а также к плотному взаимодействию в исследовательских, творческих и практических направлениях деятельности. Организованная таким образом работа способна не только принести позитивный результат в становлении архитектурного образования, но и дать положительный эффект для жизни архитектурного сообщества города. Нельзя не учитывать и тот фактор, что в условиях не крупного города выстроить этот процесс возможно достаточно быстро.

Безусловно, проектирование новых образовательных программ необходимо проводить с максимальной опорой на имеющийся в этом направлении опыт, но при этом в современных условиях мобильность в его интерпретации способна обеспечить более плавный поиск своего пути, ускорить процесс становления образовательной программы.

Список источников

1. Барсуков Е.М. Классический архитектурный язык как основа профессионального архитектурного образования // Вестник Костромского государственного университета 2021. № 3 (59).

2. Дизайн. Иллюстрированный словарь-справочник / Г.Б. Минервин, В.Т. Шимко, А.В. Ефимов и др. М., 2004.
3. *Кольсет Л.А.* История архитектурного образования в России: дис. ... канд. пед. наук. Ростов н/Д., 2007.
4. *Михайлов С.М.* Дизайн современного города: комплексная организация предметно-пространственной среды: теоретико-методологическая концепция: дис. ... д-ра искусствоведения. М., 2011.
5. *Лапина Е.Г.* Роль творческих конкурсов в развитии будущих архитекторов: XX лет смотрю-конкурсу им. Татлина // *Architecture and modern information technologies*. 2023. № 2 (63).
6. *Репринцев М.А.* Потенциал проектной деятельности в профессиональном образовании дизайнеров: компетентностный подход // *Вестник Костромского государственного университета*. 2016. Т. 22. № 4.
7. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования 07.03.03. Дизайн архитектурной среды. URL: <http://fgosvo.ru/fgosvo/92/91/4/7> (дата обращения: 09.01.2019).
8. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования 07.03.01. Архитектура. URL: <http://fgosvo.ru/fgosvo/92/91/4/7> (дата обращения: 09.01.2019)
9. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования 07.03.02. Реконструкция и реставрация архитектурного наследия/ URL: <http://fgosvo.ru/fgosvo/92/91/4/7> (дата обращения: 09.01.2019)
10. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования 07.03.04. Градостроительство. URL: <http://fgosvo.ru/fgosvo/92/91/4/7> (дата обращения: 09.01.2019)
11. *Шулика Т.О.* Алгоритм создания проектной концепции на основе результатов анализа контекста // *architecture and modern information technologies*. 2021. № 3 (56).

Информация об авторе

И.Г. Жахова – кандидат педагогических наук, доцент; доцент кафедры дизайна Смоленского государственного университета, г. Смоленск, Россия

Information about the author

I.G. Zhahova – Candidate of Sciences in Pedagogy, Associate Professor; Associate Professor of the Department of design of the Smolensk State University, Smolensk, Russia

Статья поступила в редакцию 25.01.2024; одобрена после рецензирования 21.02.2024; принята к публикации 26.02.2024.

The article was submitted 25.01.2024; approved after reviewing 21.02.2024; accepted for publication 26.02.2024.

Вестник Московского информационно-технологического университета –
Московского архитектурно-строительного института. 2024. № 1. С. 44–49.

Herald of the Moscow University of Information Technologies –
Moscow Architectural and Construction Institute. 2024. № 1. С. 44–49.

Научная статья

УДК 81

doi:10.52470/2619046X_2024_1_43

О прагматической значимости категории времени

Елена Алексеевна Молявина

Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны РФ,
Москва, Россия, molyavina68@inbox.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу грамматической категории времени. Выделяются и описываются прагматические значения, транслируемые отдельными временными формами английского языка. Автор акцентирует внимание на их способности выражать субъективное видение автора объективной реальности. Подчеркивается эффективность грамматической категории времени как воздействующего средства. Автором предпринимается попытка раскрыть природу эффективности воздействующего потенциала исследуемой языковой реалии. Постулируется динамичность и вариативность комбинаторики категорий времени в текстах средств массовой информации. Актуальность статьи определяется необходимостью изучения прагматических функций грамматических категорий, выступающих принципиально важным элементом, объединяющим отдельные уровни текста в связные, логически и прагматически обоснованные манипулятивные структуры. Выводы автора иллюстрируются отрывками массмедийных текстов.

Ключевые слова: прагматика, категория времени, медиадискурс, манипуляция, коммуникация, политическая лингвистика

Для цитирования: Молявина Е.А. О прагматической значимости категории времени // Вестник Московского информационно-технологического университета – Московского архитектурно-строительного института. 2024. № 1. С. 44–49. https://doi:10.52470/2619046X_2024_1_43.

© Молявина Е.А., 2024

Original article

On the pragmatic meanings of tenses

Elena A. MolyavinaPrince Alexander Nevsky Military University of the Defense Ministry of the Russian Federation,
Moscow, Russia, molyavina68@inbox.ru

Abstract. The article is devoted to the analysis of the grammatical category of time. The pragmatic meanings translated by separate temporal forms of the English language are highlighted and described. The author focuses on their ability to express the author's subjective vision of objective reality. The effectiveness of the grammatical category of time as an influencing means is emphasized. The author attempts to reveal the nature of the effectiveness of the influencing potential of the studied linguistic reality. The dynamism and variability of the combinatorics of time categories in the texts of mass media is postulated. The relevance of the article is determined by the need to study the pragmatic functions of grammatical categories, which present a fundamentally important element that unites individual levels of the text into coherent, logically and pragmatically grounded manipulative structures. Excerpts from mass media texts illustrate the author's conclusions.

Keywords: pragmatics, category of time, media discourse, manipulation, communication, political linguistics

For citation: Molyavina E.A. On the pragmatic meanings of tenses // Herald of the Moscow University of Information Technologies – Moscow Architectural and Construction Institute. 2024. № 1. P. 44–49. https://doi:10.52470/2619046X_2024_1_43.

Центральной тенденцией современной науки можно смело назвать рассмотрение человека как отправной точки всего. Так, в рамках лингвистических исследований язык изучается преимущественно как средство взаимодействия людей, их реализации своих интенций. При этом, несмотря на устоявшиеся нормы употребления каждого конкретного языка, речевая деятельность, реализуемая в отдельных коммуникативных ситуациях, во многом определяется именно индивидуальными особенностями и целями участников процесса общения: «от коммуникативных намерений говорящего во многом зависит и собственно языковая структура акта общения, воплощение его в той или иной языковой форме» [2, с. 30].

В отечественной и зарубежной научной литературе (Н.Д. Арутюнова, Ю.С. Степанов, Т.А. ван Дейк, Ч. Моррис, Дж. Серль, У. Эко, Ф. Armengaud, J. Gouvard, J.W. Oller) с точки зрения интенциональных категорий рассматриваются преимущественно лексико-семантические категории, что на наш взгляд, не позволяет провести качественный анализ прагматической структуры текста. Мы соглашаемся с В.Р. Муравлевой в том, что важным аспектом исследования контекстуальных условий вышеупомянутых категорий является грамматическая интерпретация текста, так как «именно форма взаимодействующих единиц позволяет распознать не только их эксплицитную смысловую составляющую, но и имплицитную информацию. Иными словами, грамматическая компонента текста выступает в качестве референциальных указателей его семантической структуры» [4, с. 142].

Глубинный анализ реализации интенций коммуникантов видится особенно актуальным в условиях современного активного информационного противоборства, когда язык становится инструментом превращения воли говорящего в социальное действие. Так, когда адресант

осуществляет выбор (сознательный или бессознательный) определенных речевых средств, в том числе грамматических, он транслирует реципиенту своего сообщения некую программу (алгоритм) «речесихических действий, предлагаемых для осуществления реципиенту как адресату сообщения» [6, с. 107].

Исходя из вышесказанного, актуальность данного исследования определяется необходимостью изучения прагматических функций грамматических категорий, выступающих принципиально важным элементом, объединяющим отдельные уровни текста в связные, логически и прагматически обоснованные манипулятивные структуры.

Цель работы – рассмотреть воздействующий потенциал грамматических средств, а именно категории времени, в текстах средств массовой информации, что видится нам возможным путем решения следующих задач:

- определить коммуникативную природу речевого воздействия;
- выявить роль грамматики в стратегическом речетворчестве;
- сформулировать основные прагматические значения, транслируемые отдельными грамматическими категориями.

Учитывая современные реалии, полагаем, что наиболее распространенным средством воздействия на общественное сознание, бесспорно, являются средства массовой информации, транслирующие те или иные идеи по всему миру. В связи с этим, языковым материалом данной статьи послужили тексты таких средств массовой информации, как «The New York Times» и «The CNN».

По сложившейся научной традиции, «основная проблематика лингвистического анализа речевого воздействия связана с изучением стратегий говорящего и всех находящихся в его распоряжении языковых ресурсов, которые определяют достижение им коммуникативной цели» [3, с. 23]. Так, в процессе своей речевой деятельности коммуниканты, осознанно или нет, подбирают из имеющихся в их распоряжении языковых ресурсов, те речевые средства, которые, по их личному предположению, способны обеспечить достижение их коммуникативных интенций в определенном коммуникативно-прагматическом пространстве. Иными словами, одним из наиболее весомых оснований в формулировании текста является структура коммуникативной ситуации, обеспечивающая единую для всех участников конкретного речевого события концептуальную картину, обоснованную логическими связями, передаваемыми грамматической структурой текста.

Грамматика, будучи сложной, строго организованной системой, развивающейся по своим внутренним законам способна интегрировать все уровни языка и внеязыковые объекты реальности, которые они транслируют. Она «обнаруживает и подвижность, и гибкость, которые позволяют говорящему творчески использовать ресурсы морфологии, словообразования и синтаксиса в соответствии со своими коммуникативными задачами. Грамматическая система языка обладает значительным потенциалом речевого воздействия» [3, с. 130].

Прагматическая реализация определенных грамматических категорий взаимообусловлена с коммуникативными стратегиями говорящего: с одной стороны, стратегия определяет выбор грамматических средств, а с другой, грамматика регулирует реализацию стратегического планирования речевой деятельности говорящего и, впоследствии, реципиента. При этом прагматические значения, реализуемые каждой отдельной грамматической категорией не хаотичны, а относительно закреплены. Иными словами, можно выделить центральные грамматические средства, выражающие прагматику одного поля.

Грамматическая категория времени является центральным элементом грамматической системы любого языка. Она выступает связующим звеном функционально-семантической категории темпоральности и представляет собой «систему грамматических форм, исполь-

зуемых для выражения отношения действия к моменту речи или ко времени другого действия» [1, с. 76].

Традиционно принято представлять временные отношения, характеризующие референтную ситуацию коммуникативного события в виде вектора, разделенного на три отрезка: прошлое, настоящее и будущее. Учитывая, что логика повествования зачастую расходится с логикой повествования о том или ином событии, полагаем, что выбор адресантом того или иного времени в его речевом акте определяется прагматикой процесса говорения или коммуникативной целью высказывания.

Так, английская грамматика характеризуется относительно сложной системой времен, представленной четырьмя группами – Indefinite (Simple), Continuous, Perfect и Perfect Continuous, каждая из которых включает в себя прошедшее, настоящее, будущее и будущее-в-прошедшем время. И в преобладающем большинстве случаев выбор каждой конкретной временной формы транслирует богатый диапазон прагматических оттенков. Согласно Б.Ю. Норману, прагматическая значимость категории времени определяется тем, что адресант располагает некой свободой в представлении референтного события: в зависимости от того, какое место говорящий отводит описываемым явлениям на оси объективного времени и каким образом он выстраивает хронотоп в тексте, он может манипулировать ходом временем. С помощью временных форм, внутренне связанных с видом, говорящий может «сжимать» или «расширять» пространство, приближать или отдалять события, а также регулировать свои отношения с окружающими людьми [5, с. 117].

More refugees are expected to follow in the coming days, according to the refugees and their relatives waiting for them near the border. They took with them little but the most basic necessities, leaving behind their homes and possessions with little prospects of return [12] (По словам беженцев и их родственников, ожидающих у границы, в ближайшее время ожидается новая волна беженцев. С собой у них только самое необходимое – несмотря на малую вероятность возвращения домой они взяли с собой только самое необходимое).

В приведенном фрагменте текста автор акцентирует внимание на настоящем и будущем времени, описывая безвыходность положения людей, которые были вынуждены покинуть свои дома, не понимая, будет ли у них возможность вернуться назад. В результате в тексте отсутствует фактическая информация, а превалируют лишь эмоциональные, ценностно-подкрепленные догадки, которые воздействуют напрямую на эмоциональную сферу реципиента, в обход его рациональности. Подобные действия адресанта позволяют ему замалчивать (по тем или иным причинам) причины, вызвавшие настоящее положение дел.

Преобладание употребления в тексте настоящего времени (особенно в случаях, когда повествование ведется о прошедших событиях – что особенно актуально для текстов СМИ) подразумевает непосредственное вовлечение реципиента в референтную ситуацию, хронотоп которой совпадает с хронотопом жизнедеятельности аудитории. Подобный выбор категории времени создает эффект сопричастности реципиентов к событию, повышает его значимость в их глазах:

The official, who spoke on condition of anonymity to discuss internal deliberations, noted that while the administration strongly discourages American citizens from going to Ukraine to fight, it is obvious that some go anyway, and if they become wounded and end up at Landstuhl, the military is not going to turn them away [11] (Чиновник, согласившийся предоставить внутреннюю информацию на условиях сохранения анонимности, отметил, что, хотя администрация настоятельно не рекомендует американским гражданам ехать на Украину для участия в боевых действиях, очевидно, что некоторые все же едут туда, и, если они будут ранены и окажутся в Ландштуле, им будет оказана требующаяся помощь).

Несмотря на использование в приведенном фрагменте текста косвенной речи, автор неоднократно обращается к категории настоящего времени, чтобы подчеркнуть решительность заявлений американского правительства и непрерывность референтной ситуации.

Отдельно стоит рассмотреть прагматические эффекты, достигаемые специфической комбинаторикой временных форм. Так, согласование времен, совпадающее с естественным течением времени (прошедшее – настоящее – будущее) подчеркивает последовательность деятельности референта сообщения, его эффективность, исполнительность и настойчивость. Например,

*The cancellations **announced** Wednesday come through three different existing debt relief programs that **have been plagued** with problems in the past. The White House **is conducting** what it calls «fixes» to a «broken student loan system».*

*An additional 53,000 borrowers **will receive** debt cancellation under the Public Service Loan Forgiveness program, which **wipes away** remaining student loan debt after qualifying public sector workers make 10 years' worth of monthly payments [8]* (Объявленные в среду отмены осуществляются в рамках трех различных существующих программ облегчения долгового бремени, которые в прошлом сталкивались с проблемами. Белый дом проводит то, что он называет «исправлениями» «сломанной системы студенческих займов»).

Еще 53 000 заемщиков получают списание долгов в рамках программы прощения займов на государственную службу, которая погашает оставшуюся задолженность по студенческому кредиту после того, как квалифицированные работники государственного сектора произведут ежемесячные платежи за 10 лет).

В приведенном примере автор стремится выстроить свое повествование последовательно и логично для убеждения реципиента в последовательности реформирования программы студенческих займов, тем самым акцентируя внимание на надежности разрабатываемых положений.

Особенно заметным данный прагматический эффект становится в случаях подкрепления такой последовательности с помощью граммы Present (Past) Perfect, которая подчеркивает, в добавок ко всему вышесказанному, еще и результативность описываемых действий, а также прокладывает логическую цепочку, соответствующую манипулятивным интенциям адресанта:

*Ukraine **has stepped up** its use of a new shipping route that **has allowed** it to begin reviving grain exports to circumvent a de facto Russian blockade of its Black Sea ports [9]* (Украина начала использование нового морского маршрута, позволившего ей восстановить экспорт зерна и де-факто обойти российскую блокаду черноморских портов).

В приведенном примере автор делает акцент не на последовательности тех или иных событий, приведших к формированию референтной ситуации, а на результатах, достигнутых ее непосредственными участниками.

С другой стороны, оппозиция прошедшего и настоящего времен (за которыми может следовать будущее) может указывать на радикальную смену обстановки либо обосновывать причины принятия субъектом референтной ситуации того или иного решения:

*The hospital at Landstuhl **is authorized** to do so under a Defense Department policy, which **began last summer**, that **allows** the hospital to treat up to 18 wounded members of the Ukrainian forces at a time, the Pentagon **confirmed** in a statement. The fact that most of the Ukrainian troops at Landstuhl **are Americans illustrates** how the war **has progressed** in unexpected ways [11]* (Как подтвердил в своем заявлении Пентагон, госпиталь в Ландштуле уполномочен поступать таким образом в соответствии с политикой Министерства обороны, которая была введена прошлым летом, и которая позволяет госпиталю лечить до 18 раненых военнослужащих одновременно. Тот факт, что большую часть представителей ВСУ в Ландштуле составляют

американцы, демонстрируют то, как совершенно неожиданным образом разворачиваются боевые действия).

В приведенном примере автор использует три грамматических категории времени, противопоставляя тем самым конкретные события прошлого обычному (привычному) ходу вещей. При этом грамматика Present Perfect позволяет автору связать эти два явления посредством причинно-следственной цепочки, демонстрирующей хотя и логичный, но все же резкий исход мировых событий.

Рассмотрим другой пример:

*But last week Kyiv successfully tested a new sea route, as two cargo vessels **loaded** with wheat **sailed** along the coast from Romania and then **crossed** back over the maritime border of Romania. As Romania **is** a member of the North Atlantic Treaty Organization, vessels in its waters **are considered** much less likely to be attacked. The second vessel carrying Ukrainian wheat **reached** Turkey via the Black Sea on Sunday, maritime traffic monitoring sites **showed*** [9] Но на прошлой неделе Киев успешно опробовал новый морской путь: два грузовых судна с пшеницей прошли вдоль побережья из Румынии, а затем вновь пересекли ее морскую границу. Поскольку Румыния является страной-членом НАТО, считается, что нападение на суда в ее водах гораздо менее вероятно. Второе судно с украинской пшеницей, согласно сайтам мониторинга морского движения, прибыло в Турцию через Черное море в воскресенье).

В приведенном фрагменте текста, сформулированным преимущественно посредством времени Past Simple, использование составного именного сказуемого в настоящем времени подчеркивает перманентное свойство субъекта (в данном случае Румынии), что выступает неким гарантом успешной реализации действий, описываемых в референтной ситуации.

Другим средством акцентирования внимания реципиента на неизбежности (гарантии) реализации референтной ситуации можно назвать замену модальных глаголов на категорию будущего времени

*«I am thinking of the home my father built», said Ms. Hakobyan. «He dedicated his whole life to creating a home for us. Now it **will be left** for the Azerbaijanis»* [10]. («Я думаю о доме, который построил мой отец», – сказала г-жа Акопян. – «Он посвятил всю свою жизнь созданию дома для нас. Теперь это останется за азербайджанцами»).

Кроме того, подобная замена (модальных глаголов на будущее время) может быть использована для подчеркивания исполнительности, настойчивости и решительности адресанта (субъекта референтной ситуации) посредством включения в текст прагматического значения личного волеизъявления, выраженного вспомогательным глаголом **will**:

*The US **will transfer** thousands of seized Iranian weapons and rounds of ammunition to Ukraine, in a move that could help to alleviate some of the critical shortages facing the Ukrainian military as it awaits more money and equipment from the US and its allies, US officials said* [7] (США передадут Украине тысячи изъятых иранских единиц оружия и боеприпасов, что может помочь частично компенсировать критическую нехватку, с которой сталкиваются украинские военные, поскольку они ожидают больше денег и оборудования от США и их союзников, заявили официальные лица США).

В рассматриваемом примере автор единожды употребляет категорию будущего времени. При этом в данной референтной ситуации глагол **will** характеризует решительные действия правительства США, подчеркивая устойчивое желание оказывать всевозможное содействие ВС Украины.

Таким образом, грамматическая категория времени обладает яркой прагматической спецификой, что позволяет ей выступать принципиально важным элементом, объединяющим отдельные уровни текста в связные, логически и прагматически обоснованные манипулятивные структуры. При этом, каждая грамматическая категория транслирует специфические

прагматические значения, позволяющие автору текста воздействовать на восприятие сообщения реципиентом.

Список источников

1. *Бондаренко А.В.* Русский глагол. Л., 1967.
2. *Земская Е.А.* Городская устная речь и задачи ее изучения // Разновидности городской устной речи: сборник научных трудов / АН СССР, Институт русского языка. М., 1988.
3. *Иссерс О.С.* Речевое воздействие: учебное пособие. М., 2011.
4. *Муравлева В.Р.* Прагмалингвистические особенности коммуникативной ситуации «информационная война» (на материале печатных текстов СМИ): дис. ... канд. филол. наук. М., 2021.
5. *Норман Б.Ю.* Лингвистическая прагматика (на материале русского и других славянских языков): курс лекций. Мн., 2009.
6. *Сидоров Е.В.* Общая теория речевой коммуникации: учебное пособие. М., 2010.
7. *Bertrand N.* U.S. Exclusive: US will transfer weapons seized from Iran to Ukraine // The CNN. URL: <https://edition.cnn.com/2023/10/04/politics/us-iran-seized-weapons-ukraine/index.html> (дата обращения: 04.10.2023).
8. *Carvajal N., Loboscco K.* Biden cancels another \$9 billion in student loan debt days after payments restart // The CNN. URL: <https://edition.cnn.com/2023/10/04/politics/biden-student-loan-debt-forgiveness/index.html> (дата обращения: 04.10.2023).
9. *Mpoke Bigg M.I.* Amid Black Sea Threats, Ukraine Steps Up Use of New Shipping Route // The New York Times. URL: <https://www.nytimes.com/2023/09/24/world/europe/ukraine-russia-news.html> (дата обращения: 24.09.2023).
10. *Nechepurenko I.* Refugees Flee to Armenia as Breakaway Enclave Comes Under Azerbaijan's Control // The New York Times. URL: <https://www.nytimes.com/2023/09/24/world/europe/armenians-nagorno-karabakh-azerbaijan.html> (дата обращения: 24.09.2023).
11. *Philipps D., Schmitt E.* U.S. Army Hospital in Germany Is Treating Americans Hurt Fighting in Ukraine // The New York Times. URL: <https://www.nytimes.com/2023/09/23/us/us-soldiers-ukraine-hospital-germany.html> (дата обращения: 23.09.2023).
12. *Shear M.D., Ferré-Sadurní L.* Biden Faces Competing Pressures as He Tries to Ease the Migrant Crisis // The New York Times. URL: <https://www.nytimes.com/2023/09/21/us/politics/biden-immigration-eric-adams-venezuela.html> (дата обращения: 21.09.2023).

Информация об авторе

Е.А. Молявина – кандидат филологических наук, доцент; доцент кафедры английского языка (второго) Военного университета имени князя Александра Невского Министерства обороны РФ, г. Москва, Россия

Information about the author

E.A. Molyavina – Candidate of Science in Philology, Associate Professor; Associate Professor of the Department of English (as a second language) of the Prince Alexander Nevsky Military University of the Defense Ministry of the Russian Federation, Moscow, Russia

Статья поступила в редакцию 30.01.2024; одобрена после рецензирования 21.02.2024; принята к публикации 27.02.2024.

The article was submitted 30.01.2024; approved after reviewing 21.02.2024; accepted for publication 27.02.2024.

Научная статья

УДК 811.1/.2

doi:10.52470/2619046X_2024_1_50

Субституция как прием фразеологической модификации в заголовках СМИ

Диляра Булатовна Юсипова

Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны РФ,
Москва, Россия, yusipova.db@rambler.ru

Аннотация. В реалиях современности становится все более актуальным исследование языковых единиц, используемых в средствах массовой информации, способствующих реализации воздействующего и манипулятивного потенциала массмедиа дискурса. Данная статья посвящена исследованию одного из наиболее популярных средств привлечения внимания и речевого воздействия в медиатекстах – приему фразеологической модификации субституцией одного или нескольких компонентов устойчивого выражения. Материалом исследования выступают заголовки русско-и англоязычных изданий общенационального и регионального уровней. К применяемым методам исследования относятся метод сплошной выборки, фразеологической идентификации, семантического, этимологического и контекстуального анализа. Субституция как прием фразеологической модификации в заголовках СМИ представляет собой структурно-семантическую трансформацию фразеологизма, заключающуюся в направленном на адаптацию к контексту намеренном изменении грамматического значения одного или нескольких компонентов фразеологизма и / или лексической замене компонента оригинальной формы фразеологизма на компонент, находящийся с ним в отношениях, основанных на формальном, семантическом или контекстуальном сходстве. Делается вывод о том, что фразеологические модификации приемом субституции являются эффективным средством реализации прагматического потенциала заголовков медиатекстов, направленных на привлечение внимания, выражение авторского мнения и оценки и формирования мировосприятия аудитории.

Ключевые слова: субституция, модификация, фразеологизм, медиатекст, заголовок, воздействие

Для цитирования: Юсипова Д.Б. Субституция как прием фразеологической модификации в заголовках СМИ // Вестник Московского информационно-технологического университета – Московского архитектурно-строительного института. 2024. № 1. С. 50–55. https://doi:10.52470/2619046X_2024_1_50.

Original article

Substitution as a technique of phraseological modification in media headlines

Dilyara B. Yusipova

Prince Alexander Nevsky Military University of the Defense Ministry of the Russian Federation,
Moscow, Russia, yusipova.db@rambler.ru

Abstract. In modern realities, the study of linguistic units used in mass media that contribute to the realization of the influential and manipulative potential of mass media discourse is becoming more and more relevant. This article is devoted to the study of one of the most popular means of attracting attention and speech impact in media texts – the technique of phraseological modification by substitution of one or more components of a set expression. The material of the study is the headlines of Russian and English-language publications of national and regional levels. The research methods include the method of solid sampling, phraseological identification, and semantic, etymological and contextual analysis. Substitution as a technique of phraseological modification in media headlines is a structural and semantic transformation of a phraseological unit, which consists in the intentional change of the grammatical meaning of one or more components of the idiom aimed at adaptation to the context and / or lexical replacement of a component of the original form of the idiom with a component that is in a relationship with it based on formal, semantic or contextual similarity. It is concluded that phraseological modifications by substitution are an effective means of realizing the pragmatic potential of headlines of media texts aimed at attracting attention, expressing the author's opinion and assessment and forming the worldview of the audience.

Keywords: substitution, modification, phraseology, media text, headline, impact

For citation: Yusipova D.B. Substitution as a technique of phraseological modification in media headlines // Herald of the Moscow University of Information Technologies – Moscow Architectural and Construction Institute. 2024. № 1. P. 50–55. https://doi:10.52470/2619046X_2024_1_51.

Актуальной проблемой в современном мире, характеризующимся развитием информационных технологий и средств медиакommunikации, является специфика языка СМИ как инструмента оказания влияния на общественное сознание и мировосприятие человека. Языковые средства, используемые в медиадискурсе, и выявление их манипулятивного потенциала становится объектом исследования лингвистов, анализирующих аспекты речевого воздействия в СМИ [3; 4; 6; 13].

Эффективным инструментом для привлечения внимания, воздействия на аудиторию и выражения авторской позиции в арсенале журналиста выступают фразеологические единицы с заложенными в их семантику экспрессивностью, оценочностью и культурной коннотацией [5, с. 125].

Фразеологизмы, сами по себе являющиеся эффективным средством речевого воздействия, еще больше усиливают экспрессивность, подвергаясь различным модификациям. Под фразеологической модификацией в лингвистике понимается прием, состоящий в изменении структуры и/или семантики устойчивого выражения в целях усиления выразительности и достижения определенного стилистического эффекта (чаще всего – комического) [10, с. 188].

Модифицированные устойчивые выражения оказывают эмоциональное воздействие на читателя, запоминаются, выражают оценочное отношение автора медиатекста, благодаря чему активно используются в заголовках СМИ для привлечения внимания широкой аудитории. Одним из наиболее популярных приемов фразеологических модификаций в языке СМИ признается прием субституции [2; 7; 22; 23; 26].

Целью данной статьи является анализ субституции как приема фразеологической модификации в заголовках русско- и англоязычного медиадискурса.

Материалом данного исследования выступают заголовки русско- и англоязычных широкоформатных изданий и таблоидов общенационального и регионального уровней. Методом сплошной выборки нами были отобраны заголовки, в которых фразеологизмы подвергаются модификации приемом субституции. Для анализа специфики реализации приема субституции применяется метод фразеологической идентификации, семантического, этимологического и контекстуального анализа.

Прием субституции (от англ. *substitution* ‘замена’), или замены одного или нескольких компонентов фразеологизма, выступает одним из наиболее продуктивных с точки зрения образования фразеологических модификаций в заголовках медиатекстов. Популярность приема субституции объясняется его относительной простотой и наименьшей, в сравнении с другими модификациями, время- и энергозатратностью [25, с. 71].

Субституция как прием фразеологической модификации предполагает лексические и / или морфологические (грамматические) изменения структуры фразеологизма [19].

К морфологическим субституциям относятся такие формальные вариации в структуре устойчивого оборота, как, например, изменение числа или падежа существительного, изменение видовременной формы глагола и т.д.

Ни рыбу, ни мясо: кто из миллиардеров стал вегетарианцем [16];

The early birdie catches the wormie [28].

Заголовки русско- и англоязычных изданий представляют собой различные типы морфологических модификаций фразеологизмов: изменение склонения в устойчивом обороте *ни рыба, ни мясо* и замена компонентов пословицы *early bird catches the worm* (досл. «ранняя пташка ловит червячка») ≈ ‘кто рано встает, тому Бог подает’ на уменьшительно-ласкательные формы лексем *bird* и *worm*.

Анализ заголовков русско- и англоязычной прессы обнаруживает, что частой формой модификации фразеологизмов на основании морфологической субституции выступает изменение числа существительного-компонента устойчивого оборота:

Горы с плеч: почему Армения смирилась с потерей Карабаха [15];

Hey big spenders! Barcelona hit by R5.4 billion spending limit by La Liga [18].

В заголовках статей осуществляется изменение числа существительного-компонента устойчивых оборотов *гора с плеч*, *big spender* ‘большой транжира’ (название композиции британской исполнительницы Ширли Бэсси).

Прием лексической субституции, или замены компонента / компонентов фразеологизма, представляет собой структурно-семантическую трансформацию устойчивого выражения, при которой один или несколько компонентов фразеологизма заменяются другими лексемами, что приводит к частичному или полному обновлению внутренней формы фразеологизма [19, с. 20].

Целью замены компонента фразеологизма является создание комического эффекта путем неожиданного преобразования привычного устойчивого словосочетания. Анализ заголовков интернет-изданий демонстрирует, что фразеологические модификации могут осуществляться заменой как одного, так и нескольких компонентов фразеологизма:

The pen is mightier than the keyboard: Writing by hand helps us learn, remember more [27];
Без труда не вырастишь на дереве плода [20].

Необходимым условием замен нескольких элементов устойчивого оборота является многокомпонентность структуры, популярность среди носителей языка (она должна быть легко узнаваемой), наличие опорных элементов, по которым его можно восстановить [8, с. 117].

Стоит отметить, что количество заменяющих слов не обязательно должно соответствовать количеству заменяемых лексем:

Worms? The earliest birds get a no-breakdown guarantee on spring A/C checks [29].

Прием замены компонента фразеологизма преследует несколько стилистических целей: «приспособить фразеологическую единицу к конкретной ситуации, оживить и видоизменить фразеологический образ, создать комический эффект, выразить свое отношение к изображаемому» [1, с. 35].

Модификация фразеологизмов методом субституции основывается на типах семантической связи между заменяемым и заменяющим компонентом устойчивого оборота. Процесс модификации включает вычленение компонента и его последующую буквализацию, а затем его замену словом, находящимся с ним в определенных семантических отношениях.

По типу отношений, существующих между заменяемым и замещающим компонентом фразеологизма, модификации устойчивых оборотов основываются на формальном, семантическом или контекстуально обусловленном сходстве.

Субституция компонентов ФЕ по формальному сходству заменяемого и заменяющего слов основывается на омонимических и паронимических отношениях.

Мур-Рим-рай [21];

A pitcher is worth a thousand words [14].

Модификации фразеологизмов *мур-труд-май*, *a picture is worth a thousand words* ‘лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать’ осуществляется за счет субституции компонентов устойчивого оборота на слова, обладающие паронимическим сходством с заменяемым компонентом.

В субституциях, основанных на семантическом сходстве, заменяемый и заменяющий компонент фразеологизма находятся в отношениях антонимии, синонимии, гипонимии, со-гипонимии:

UEFI: долгожданный наследник BIOS и заклятый друг Linux [11];

Google Pixel 8 Review: A Small And Mighty Smartphone [17].

В вышеприведенных примерах заголовков модификация фразеологизмов основана на семантических отношениях заменяемого и заменяющего компонентов фразеологизма: компоненты *друг* и *враг* являются полными антонимами, *small* и *high* – контекстуальными антонимами.

Субституции, в которых выбор заменяющего элемента обусловлен тематикой описываемого в статье события, представляют собой замены, основанные на контексте, или контекстуальные субституции:

Лучше Ницше, чем никогда. Автор философского романа «Так говорил Заратустра» как самый русский из европейских писателей [24];

From Russia, With a Really Big Wave Every 30 Years [12].

В вышеприведенных примерах заголовков заменяемый и заменяющий компоненты фразеологизмов не обнаруживают связи по формальному и семантическому признакам. Субституции основаны на контексте и обусловлены тематикой описываемых в статьях событий.

Подводя итог, отметим, что субституция как прием фразеологической модификации в заголовках СМИ представляет собой структурно-семантическую трансформацию фразео-

логизма, заключающуюся в направленном на адаптацию к контексту намеренном изменении грамматического значения одного или нескольких компонентов фразеологизма и / или лексической замене компонента оригинальной формы фразеологизма на компонент, находящийся с ним в отношениях, основанных на формальном, семантическом или контекстуальном сходстве.

Фразеологические модификации приемом субституции являются эффективным средством реализации прагматического потенциала заголовков медиатекстов, направленных на привлечение внимания, выражение авторского мнения и оценки и формирования мировосприятия аудитории.

Список источников

1. Вакуров В.Н. Основы стилистики фразеологических единиц: (На материале сов. фельетона). М., 1983.
2. Гадакчян А.С. Структурные типы трансформаций фразеологических единиц в языке современных английских СМИ // Научная мысль Кавказа. 2010. № 3 (63).
3. Добросклонская Т.Г. Вопросы изучения медиатекстов (опыт исследования современной английской медиаречи). М., 2005.
4. Желтухина М.Р. Тропологическая суггестивность масс-медиадискурса: о проблеме речевого воздействия тропов в языке СМИ. М., 2003.
5. Лупанова Е.В. Фразеология военного происхождения как оружие информационно-психологической войны // Политическая лингвистика. 2021. № 5 (89).
6. Лупанова Е.В., Щербак Т.И. Фразеология как средство языковой компрессии в современном медиадискурсе // Вестник Московского информационно-технологического университета – Московского архитектурно-строительного института. 2022. № 3.
7. Пискарева А.В. Способы модификации фразеологизмов в русском и немецком языках (на материале текстов СМИ) // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. 2018. Вып. 4 (793).
8. Птушко С.В. Паронимические трансформы и другие замены компонентов паремий в газетном заголовке // ACTA LINGUISTICA. 2011. № 5.
9. Уварова Н.Л. Логико-семантические виды языковой игры (на материале английской диалогической речи): дис. ... канд. филол. наук. Горький, 1986.
10. Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты / под ред. А.П. Сковородникова. М., 2011.
11. 3d news. URL: <https://3dnews.ru/618151> (дата обращения: 08.02.2024).
12. Bloomberg. URL: <https://www.bloomberg.com/opinion/articles/2023-06-29/commodities-super-cycle-from-russia-with-a-really-big-wave-every-30-years> (дата обращения: 07.02.2024).
13. Burger H. Mediensprache. Eine Einführung in Sprache und Kommunikationsformen der Massenmedien. 3rd ed. Berlin, 2005.
14. CBC. URL: <https://www.cbc.ca/playersvoice/entry/the-whistler-win-and-the-pitcher-worth-1000-words> (дата обращения: 08.02.2024).
15. E-vid. URL: <https://e-vid.ru/politika/260523/gory-s-plech-pochemu-armeniya-smirilas-s-poterey-karabakha> (дата обращения: 08.02.2024).
16. Forbes. URL: <https://www.forbes.ru/society/494306-ni-rybu-ni-maso-kto-iz-milliardero-v-stal-vegetariancem> (дата обращения: 08.02.2024).
17. Forbes 2. URL: <https://www.forbes.com/sites/forbes-personal-shopper/article/google-pixel-8-review/?sh=6788ea2338f2> (дата обращения: 05.02.2024).
18. Iol. URL: <https://www.iol.co.za/sport/soccer/la-liga/hey-big-spenders-barcelona-hit-by-r54-billion-spending-limit-by-la-liga-8dfbfa0-0ee4-4e18-ad25-e38f0ac830e5> (дата обращения: 08.02.2024).
19. Jaki S. Phraseological Substitutions in Newspaper Headlines. «More than Meats the Eye». Amsterdam; Philadelphia, 2014.

20. Kirov-grad. URL: https://kirov-grad.ru/news/bez-truda-ne-vyrastish-na-dereve-ploda?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fden.ru%2Fnews%2Fsearch%3Ftext%3D (дата обращения: 05.02.2024).
21. Kommersant. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6250708?query=%D0%BC%D0%B8%D1%80%20%D1%80%D0%B8%D0%BC%20%D1%80%D0%B0%D0%B9> (дата обращения: 08.02.2024).
22. Krätzschar A. Modifizierte Phraseolexeme und Sprichwörter. Ihre textgebundene Verwendung am Beispiel italienischer Zeitungen und Zeitschriften. Heidelberg: Julius Groos, 1998.
23. Lange M. Die Verwendung sprachlicher Vorlagen in Texten der Anzeigenwerbung. Bochum: Brockmeyer, 1998.
24. NG. URL: https://www.ng.ru/zavisimaya/2019-07-08/9_15_7617_bychkov.html (дата обращения: 08.02.2024).
25. Omazić M. Patterns of modifications of phraseological units. Baltmannsweiler: Schneider Verlag Hohengehren, 2007.
26. Ptashnyk S. Phraseologische Modifikationen und ihre Funktionen im Text. Eine Studie am Beispiel der deutschsprachigen Presse. Baltmannsweiler: Schneider Verlag Hohengehren, 2009.
27. Studyfinds. URL: <https://studyfinds.org/writing-by-hand-better-for-brain/> (дата обращения: 08.02.2024).
28. Things get away. URL: <https://thingsgetaway.com/tag/the-early-birdie-catches-the-wormie/> (дата обращения: 08.02.2024).
29. Vernon morning star. URL: <https://www.vernonmorningstar.com/marketplace/worms-the-earliest-birds-get-a-no-breakdown-guarantee-on-spring-a-c-checks-3357625> (дата обращения: 08.02.2024).

Информация об авторе

Д.Б. Юсипова – преподаватель кафедры иностранных языков Военного университета имени князя Александра Невского Министерства обороны РФ, г. Москва, Россия

Information about the author

D.B. Yusipova – lecturer of the Department of Foreign Languages of the Prince Alexander Nevsky Military University of the Defense Ministry of the Russian Federation, Moscow, Russia

Статья поступила в редакцию 24.01.2024; одобрена после рецензирования 19.02.2024; принята к публикации 20.02.2024.

The article was submitted 24.01.2024; approved after reviewing 19.02.2024; accepted for publication 20.02.2024.

Вестник Московского информационно-технологического университета –
Московского архитектурно-строительного института. 2024. № 1. С. 56–62.

Herald of the Moscow University of Information Technologies –
Moscow Architectural and Construction Institute. 2024. № 1. С. 56–62.

Научная статья

УДК 800

doi:10.52470/2619046X_2024_1_56

Тост как речевой жанр в аспекте отношения студентов к застольным культурно-речевым традициям

Татьяна Ивановна Бочарова¹, Михаил Иванович Бочаров²,
Лидия Николаевна Скляр³

^{1,3} Московский технический университет связи и информатики, г. Москва, Россия

² Московский городской педагогический университет, г. Москва, Россия

¹ t.i.bocharova@mtuci.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7230-4068>

² mi1@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3356-3251>

³ l.n.skliar@mtuci.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4791-4737>

Аннотация. В данной статье рассматривается актуальная проблема застольного общения. Произнесение тоста в непринужденной ситуации является важной составляющей повседневной и корпоративной коммуникации, поэтому изучение данного жанра необходимо для обозначения ключевых моментов, которые способствуют повышению культуры общения за столом. Тост рассматривается как жанр торжественного праздничного общения, который сопровождает людей в течение всей жизни, и умение произносить застольное высказывание – это важное качество, которое развивает общие коммуникативные способности свободного общения. Описывается анкетирование респондентов с целью выявления их мнения о культуре застолья, определяется, умеют ли студенты произносить тосты, как часто их говорят. В заключение характеризуются итоги проведенного анкетного опроса, в ходе которого выясняются умения студентов произносить застольные высказывания в различных ситуациях праздничного взаимодействия.

Ключевые слова: тост, культура застолья, торжество, застольные жанры, анкетный опрос

Для цитирования: Бочарова Т.И., Бочаров М.И., Скляр Л.Н. Тост как речевой жанр в аспекте отношения студентов к застольным культурно-речевым традициям // Вестник Московского информационно-технологического университета – Московского архитектурно-строительного института. 2024. № 1. С. 56–62. https://doi:10.52470/2619046X_2024_1_56.

Original article

Toast as a speech genre in the aspect of students' attitude to table cultural and speech traditions

Tatyana I. Bocharova¹, Mikhail I. Bocharov², Lidia N. Sklyar³

^{1,3} Moscow Technical University of Communications and Informatics, Moscow, Russia

² Moscow City Teachers' Training University, Moscow, Russia

© Бочарова Т.И., Бочаров М.И., Скляр Л.Н., 2024

¹ t.i.bocharova@mtuci.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7230-4068>

² mi1@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3356-3251>

³ l.n.skliar@mtuci.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4791-4737>

Abstract. This article discusses the actual problem of a table talk. Making a toast in a laid-back situation is an important component of colloquial and corporate communication; therefore, the study of this genre is necessary to identify key points that contribute to improving the culture of communication at the table talk. Toast is considered a genre of solemn festive communication that accompanies people throughout their lives, and the ability to pronounce a drinking statement is an important quality that develops general communicative abilities of free communication. The survey of respondents is described in order to identify their opinions about the culture of the feast, it is determined whether students are able to make toasts, how often they are said. In conclusion, the results of the conducted questionnaire survey are characterized, during which the students' skills to pronounce drinking statements in various situations of festive interaction are clarified.

Keywords: toast, feast culture, table genres, the celebration, questionnaire survey

For citation: Bocharova T.I., Bocharov M.I., Sklyar L.N. Toast as a speech genre in the aspect of students' attitude to table cultural and speech traditions // Herald of the Moscow University of Information Technologies – Moscow Architectural and Construction Institute. 2024. № 1. P. 56–62. https://doi:10.52470/2619046X_2024_1_56.

В течение всей своей жизни люди собираются за столом не только для вкушения пищи, но и для празднования разнообразных событий – неперенных атрибутов многовековой культуры. Во время разнообразных государственных и семейных праздников произносятся многочисленные застольные речи.

Тосты в настоящее время отличаются функциональной активностью, несмотря на то, что относятся к числу древних формул речевой культуры, адаптируясь в современном дискурсивном пространстве, культивируются и выступают в разнообразных небольших вариациях [2, с. 48].

Культурная специфичность тоста проявляется в следовании определенному ритуалу поздравления, в особом статусе адресатов и статусе говорящего, в определенной иерархии произносящих тосты, в прагматически обусловленной эмоциональности, экспрессивности, однозначно позитивной оценочной ориентации. Это распространенные внешние характеристики жанра, которые свойственны носителям разнообразных культур и языка.

«Тост – жанр ритуальный, что предполагает соблюдение определенных культурных традиций поведения за столом, специфического этикетного регламента» [4, с. 130].

«Показателен тот факт, что утратили свою актуальность многие семейные и свадебные застольные обычаи, в связи с трансформацией уклада и ритма жизни, а значит, под влиянием исторических факторов изменился и тост» [4, с. 133].

Хлеб и вино приобрели в христианские времена особый сакральный смысл. Отсюда традиционные ограничения в речевом поведении за столом. Вкушение пищи и напитков – это таинство, поэтому оно должно сопровождаться хорошими словами, теплыми пожеланиями в честь праздничного события, юбиляра, ибо сказанное за столом и закрепленное вином по традиции обязательно должно исполниться. Встречи за столом, совместное принятие пищи и напитков коммуникативно раскрепощало собеседников, помогало людям сблизиться, чувствовать себя естественно и раскованно, разрешать конфликты, заключать сделки и т.п.

Еще в «Домострое» сказано: «А ясти и пити со благодарением, ино сладко, а что впрок сделано ино мило; а делати с молитвою с доброю беседою...» [3, с. 57].

Официально-деловая коммуникация в корпоративной профессиональной сфере содержит отголоски древних обрядов, ритуалов, которые содержат традиции застольного общения: эффективные бизнес-договоренности, выход на рынок новой линейки товара, заключение выгодных сделок, праздничное открытие нового здания компании, организация взаимовыгодных мероприятия и мн. др.

Застольное слово – это небольшой устный рамочный речевой жанр, содержащий этикетные формулы, который произносится за столом и, как правило, звучит в тот момент, когда участники встречи взяли в руку бокал, кружку или другую чашу, наполненный напитком.

Современный тост – это остроумное высказывание с неожиданной концовкой, а необходимая игра слов создается с помощью разнообразных языковых художественных средств, создающих эффект неожиданности.

Тост как особый самостоятельный речевой жанр обладает определенным набором характерных черт и стереотипных элементов. Прежде всего, тосты детерминируются следующими факторами: тематическим содержанием, структурой, а также стилем (составными частями которого являются фразеологические, грамматические и другие языковые средства) [1, с. 153].

Тост – один из достаточно распространенных непринужденных жанров в бытовой и официально-деловой коммуникации, который связан и со спецификой культуры того или иного народа, и, что немаловажно, с умением свободно коммуницировать. Эти обстоятельства свидетельствуют о том, что обучение тосту на занятиях по культуре речи в вузе представляет достаточно высокий научно-методический интерес.

Для того, чтобы определить ключевые приоритеты, нужные для формирования у студентов необходимых коммуникативных компетенций в области жанрологии, и, в частности, на примере обучения студентов технического вуза застольному слову как речевому жанру, необходимо было провести анкетный опрос, направленный на выявление знаний обучающихся о тосте как речевом жанре, и их умений создавать тексты такого типа.

В эксперименте принимало участие 135 студентов-первокурсников технического вуза в возрасте от 17 до 22 лет: 68 % – юноши, 22 % – девушки. Вопросы анкеты носили главным образом открытый характер, помимо предложенных вариантов ответов респонденты могли предоставить свои версии ответов, то есть анкетирование происходило в достаточно свободной форме. Кроме ответов на вопросы, студентам предлагалось составить застольное слово по образцу того, который они чаще всего произносят в торжественный момент жизни, когда собираются со своими близкими.

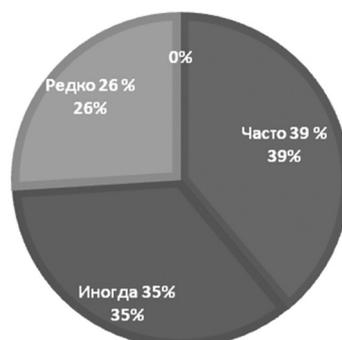
Около 90 % участников анкетирования смогли сформулировать формальные, наивно-бытовые толкования дефиниции «тост как речевой жанр» (85 % отметило значение понятия «тост как высказывания»), 15 % сформулировали только определение тоста как пищи – обжаренного ломтика хлеба. В определениях нередко родовое понятие подменяется смежными жарами (пожелание, поздравление, благодарность, праздничная речь), при этом важная составляющая видовых характеристик текста (речь за столом, речь с поднятым бокалом и т.п.) оставляется без внимания, умаляя важную составляющую жанровых особенностей рассматриваемого высказывания.

Среди типичных ответов были следующие: «Добрые слова на празднике за столом»; «Праздничная речь перед собравшимися, предназначенная подчеркнуть важность момента»; «Праздничное замечание»; «Пожелание на празднике»; «Короткая или не очень речь с пожеланиями»; «Поджаренный в тостере хлеб»; «Сухарик».

На вопрос «Часто ли вы собираетесь с друзьями и близкими за праздничным столом?» 39 % респондентов ответило «Часто», 35 % – «Иногда», что свидетельствует о достаточной востребованности событий, связанных с отдыхом и вкусным и интересным застольем (рисунок 1).

ЧАСТО ЛИ ВЫ СОБИРАЕТЕСЬ С ДРУЗЬЯМИ И БЛИЗКИМИ ЗА ПРАЗДНИЧНЫМ СТОЛОМ?

■ Часто 39 % ■ Иногда 35% ■ Редко 26 % ■

**Рисунок 1. Ответ респондентов на вопрос
«Часто ли вы собираетесь с друзьями и близкими за праздничным столом?»**

Причем нередко в ответах звучит пояснение, что за столом собираются, чтобы пообщаться, расслабиться в кругу друзей, рассказать интересные и насыщенные новости, «поделиться радостью с родными», «ощутить тепло близких сердец» и т.п. То есть застолье – это включение в коммуникативную ситуацию экзистенциального измерения, которое подчеркивает важность и психологическую глубину происходящего события как духовно-эмоционального и речевого единения, когда находишься на одной волне с людьми, которые дороги тебе и с которыми приятно разделить радость застольного общения при вкушении пищи, приготовленной с любовью.

26 % студентов объясняют нечастые праздничные застолья тем, что «мало праздников, где можно тусоваться»; «нет времени на праздники» и т.п.

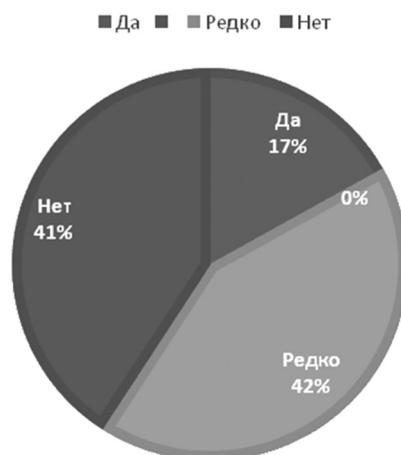
В качестве поводов для встреч респонденты отвечают: «Желание провести время со своими близкими»; «Окончание учебы, экзаменов, дни рождения»; «Значимые события» и т.п. Что важно, около 30 % респондентов акцентируют внимание на коммуникации со своими друзьями, близкими, сокурсниками: «Чтобы встретиться с друзьями»; «Увидеть после учебы родителей»; «Поделиться набравшимися новостями»; «Рассказать о своих планах на будущее» и т.п.

На вопрос «Произносите ли вы тосты за праздничным столом?» 42 % респондентов ответили, что редко произносят тосты, а 41 % – что не произносят тосты вообще и не испытывают в этом необходимости (рисунок 2).

Этим вопросом предстояло выяснить, являются ли встречи за праздничным столом только средством вкусно поесть и попить или еще способом коммуникации в доброй семейной или дружеской атмосфере, порадовать близких хорошими новостями, рассказать об успехах и достижениях.

Данный факт свидетельствует о том, что в семьях испытуемых недостаточно распространены коммуникативные традиции этикетно-церемониального общения, связанные с совместным принятием пищи и произнесением застольных высказываний, то есть какие-то насыщенные темы обсуждаются, разговоры ведутся, но тосты не произносятся или звучат достаточно редко. Это объясняется, как правило, «стеснением», «занятостью» тем, что «в семье не принято говорить пространственные поздравительные речи»; что «при вручении подарков все равно звучат поздравления и краткие тосты», обозначающие повод застольного собрания.

ПРОИЗНОСИТЕ ЛИ ВЫ ТОСТЫ ЗА ПРАЗДНИЧНЫМ СТОЛОМ?

**Рисунок 2. Ответ респондентов на вопрос
«Произносите ли вы тосты за праздничным столом?»**

Показательны были ответы такого типа: «Редко произношу, но иногда приходится»; «Заставляют произносить», «Говорю что-нибудь только для того, чтобы поддержать компанию» и т.п. Однако испытуемые отмечают желание общаться и со своими близкими, и с друзьями в застольной компании, но занятость и быстрый ритм жизни не всегда позволяют это сделать.

Важную роль в определении коммуникативной подготовки студента в искусстве произнесения тоста играет разновидность тоста, которую испытуемые выбирают для произнесения (по развернутости, по включению в текст других жанров, по степени официальности, по оригинальности и т.п.)?»

На вопрос «Какие тосты предпочитаете по объему: краткие или развернутые с использованием афоризмов, притч, легенд, рассказов?»

Более 80 % испытуемых ответили, что предпочитают произносить краткие тосты. Примеры ответов: «Их произносить легче»; «Нужно заморачиваться, чтобы большой тост произнести»; «Длинный тост нужно подготовить заранее» и т.п.

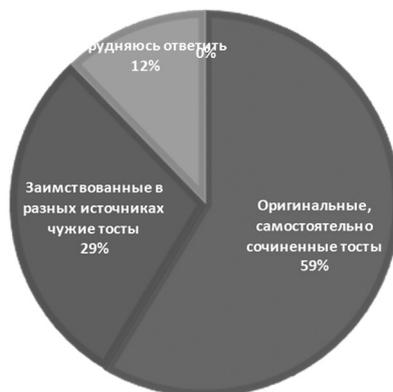
Что касается вопросов, связанных с культурой застольного поведения («Что вы знаете о застольных традициях разных народов?», «Знаете ли вы историю тоста?», «Тосты каких стран вам больше всего нравятся?»), то только незначительное количество участников опроса назвало некоторые ритуалы или формулы поведения, которые сопровождают речевую ситуацию застолья. К примеру, представлены такие ответы: «Встречать гостей хлебом-солью»; «Поднимать бокалы перед тостом»; «Любое застолье начинается с тоста».

В общей сложности только 3 % испытуемых смогли описать фрагментарную информацию о национальных застольных традициях в разных культурах, а об обычаях коммуникативного поведения за столом разных народов студенты имеют достаточно поверхностное представление, которое не носит системный характер, поэтому больше 90 % студентов поставили прочерк.

Ответы на вопрос «Какие по содержанию тосты предпочитаете произносить?» (Варианты: «А. Тосты, которые где-то слышали, прочитали, которые вам запомнились», «Б. Стараюсь произносить оригинальные тосты, которые нигде никогда не звучали») отражены на *рисунке 3*.

КАКИЕ ПО СОДЕРЖАНИЮ ТОСТЫ ПРЕДПОЧИТАЕТЕ ПРОИЗНОСИТЬ?

- Оригинальные, самостоятельно сочиненные тосты
- Заимствованные в разных источниках чужие тосты
- Затрудняюсь ответить

**Рисунок 3. Ответ респондентов на вопрос
«Какие по содержанию тосты вы предпочитаете произносить?»**

Безусловно, любое застольное высказывание приобретает особенную ценность только в том случае, если оно произносится с долей творчества, носит нестандартный характер, никогда раньше не произносилось, а значит, событие, которое отмечается, ценно и дорого для того, кто произносит тост. Этим говорящий выражает уважение, симпатию и особое расположение к виновнику торжества. Только в данном случае аудитория оценит речь и восхитится ею как чем-то новым, и общение будет более гармоничным и доброжелательным.

Как видно из диаграммы на *рисунке 3*, больше половины респондентов стараются произносить оригинальные тосты, поскольку они «будут более приятны» для адресатов, «такой тост произносится от души», «близким всегда хочется пожелать лучшее» и т.п.

29 % студентов отметили, что не знают, что говорить, поэтому им проще заимствовать тост в интернете, чем придумывать что-то свое, неинтересное.

Последний пункт анкеты включал творческое задание «Напишите самый популярный тост, который вы произносите во время праздничных мероприятий». Респондентов, которых не смогли написать даже очень краткий тост, было сравнительно немного, около 5 %.

Тосты, которые студенты представили в последнем задании, по структуре краткие и сверхкраткие (они составляют примерно 93 %), что обусловлено еще и спецификой анкетного опроса, который априори предполагает традиционно установленную лапидарность: «За здоровье, за счастливое будущее!»; «С праздником! И пусть все будут счастливы!»; «Здоровья, счастья и добра!».

Развернутые тосты тоже были представлены, но их было минимальное количество – 2 %.

Итак, тост как речевой жанр – достаточно распространенный текст в современной повседневной и праздничной коммуникации, его произносят в различных ситуациях бытового и официально-делового общения. Согласно анкетному опросу установлено, что востребованность жанра достаточно велика, поскольку он выступает как средство сближения людей, установления гармоничных отношений между людьми, повод душевно пообщаться.

Однако тосты, которые произносят испытуемые, главным образом кратки, однообразны, невыразительны по содержательным характеристикам и не всегда отражают торжественность

момента, ради которого все собрались. Кроме того, вероятно, те тосты, которые привели испытуемые, не способны вызвать эмоциональный отклик, который необходим для эффективного непринужденного общения. Отсюда можно сделать вывод, что изучение данного жанра и обучение ему в вузе востребовано и отвечает современным запросам общества.

Список источников

1. *Архипова Е.М.* Тост как первичный речевой жанр в современной концепции научного знания // Научная мысль Кавказа. 2010. № 3 (63).
2. *Геляева А.И.* О специфике экспликации ценностных доминант мира желаний в свадебных тостах карачаево-балкарского языка // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 7-2 (49).
3. Домострой. По рукописям Императорской публичной библиотеки / под ред. В. Яковлева. СПб., 1867.
4. *Темиргазина З.К.* Культурная специфика метафоры «жилище» – «семья» в казахских свадебных тостах // Жанры речи. 2020. № 2 (26).

Информация об авторах

Т.И. Бочарова – кандидат педагогических наук, доцент; доцент кафедры философии, истории и межкультурных коммуникаций Московского технического университет связи и информатики, г. Москва, Россия

М.И. Бочаров – кандидат педагогических наук, доцент; доцент департамента информатики, управления и технологий Московского городского педагогического университета, г. Москва, Россия

Л.Н. Скляр – кандидат исторических наук, доцент; доцент кафедры философии, истории и межкультурных коммуникаций Московского технического университет связи и информатики, г. Москва, Россия

Information about the authors

T.I. Bocharova – Candidate of Science in Pedagogy, Associate Professor; Associate Professor of the Department of Philosophy, History and Intercultural Communications of the Moscow Technical University of Communications and Informatics, Moscow, Russia

M.I. Bocharov – Candidate of Science in Pedagogy, Associate Professor; Associate Professor of the *Department computer science, management and technology* of the Moscow City Teachers' Training University, Moscow, Russia

L.N. Sklyar – Candidate of Science in History, Associate Professor; Associate Professor of the Department of Philosophy, History and Intercultural Communications of the Moscow Technical University of Communications and Informatics, Moscow, Russia

Статья поступила в редакцию 30.01.2024; одобрена после рецензирования 26.02.2024; принята к публикации 28.02.2024.

The article was submitted 30.01.2024; approved after reviewing 26.02.2024; accepted for publication 28.02.2024.

Научная статья

УДК 81

doi:10.52470/2619046X_2024_1_63

Проблемные аспекты перевода образной лексики в синхронном переводе (на материале английского языка)

Вера Юрьевна Кузнецова

Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны РФ,
г. Москва, Россия, vera087@mail.ru

Аннотация. Данная статья имеет целью анализ способов передачи образной лексики в устном синхронном переводе. Автором рассматриваются не только лингвистические, но и экстралингвистические факторы, способные вызвать дополнительные трудности у синхронного переводчика, а именно скорость речи спикера, особенности его произношения, а также их влияние на полноту передачи образа в переводе. Актуальность работы обусловлена тем, что на современном этапе не так много научных трудов, посвященных рассмотрению проблемы передачи образности в синхронном переводе с английского на русский язык. Тем не менее, образность может вызывать трудности не только у начинающих устных переводчиков, но и у высококвалифицированных специалистов с богатым опытом устного перевода на международных мероприятиях. Объектом исследования выступила образная лексика, которая встречается в речи представителей разных стран в ООН. Предметом исследования стали способы передачи подобной образности в синхронном переводе на примере перевода речей, произнесенных политическими деятелями на сессиях Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций. В качестве методов исследования автор использовал сравнительный анализ и описательный метод. Подвергнутый анализу фактический материал подтвердил необходимость дальнейшего изучения проблемы передачи образности в синхронном переводе и формирования определенных переводческих стратегий. Данные, полученные в ходе анализа материала, могут пригодиться действующим переводчикам для улучшения профессиональных компетенций, так как в открытом доступе нет большого количества источников, в которых приведены таблицы со сравнением текста произнесенных речей и текста их синхронного перевода с английского языка на русский язык.

Ключевые слова: перевод, образная лексика, метафора, синхронный перевод, смысловая компрессия

Для цитирования: Кузнецова В.Ю. Проблемные аспекты перевода образной лексики в синхронном переводе (на материале английского языка) // Вестник Московского информационно-технологического университета – Московского архитектурно-строительного института. 2024. № 1. С. 63–71. https://doi:10.52470/2619046X_2024_1_63.

Original article

Problematic aspects of translating figurative vocabulary in simultaneous translation (based on the material of the English language)

Vera Yu. Kuznetsova

Prince Alexander Nevsky Military University of the Defense Ministry of the Russian Federation, Moscow, Russia, vera087@mail.ru

Abstract. This article aims to analyze ways of presenting figurative vocabulary in oral simultaneous translation. The author considers not only linguistic, but also extralinguistic factors that can cause additional difficulties for a simultaneous interpreter, namely the speed of speech of the speaker, the peculiarities of his pronunciation, as well as their influence on the completeness of the image in translation. The relevance of the work is due to the fact that today there are not many scientific works devoted to the problem of translating of occasional figurative vocabulary in simultaneous translation from English into Russian. However, it can be challenging not only for novice interpreters, but also for highly qualified professionals with extensive experience interpreting at international events. The object of the study was figurative vocabulary, which is found in the speech of representatives of different countries at the UN. The subject of the study was the ways to present such figurative units in simultaneous translation. For this the author has analyzed the example of translation of speeches of political figures at sessions of the United Nations General Assembly. The author used comparative analysis and descriptive method as research methods. The factual material analyzed confirmed the need for further study of the problem of presenting figurative vocabulary in simultaneous translation and the formation of certain translation strategies. The data obtained during the analysis of the material can be useful to existing translators to improve their professional competencies, since there are not a lot of publicly available sources that contain tables comparing the text of speeches delivered and the text of their simultaneous translation from English into Russian.

Keywords: translation, figurative vocabulary, metaphor, simultaneous translation, semantic compression

For citation: Kuznetsova V.Yu. Problematic aspects of translating figurative vocabulary in simultaneous translation (based on the material of the English language) // Herald of the Moscow University of Information Technologies – Moscow Architectural and Construction Institute. 2024. № 1. P. 63–71. https://doi:10.52470/2619046X_2024_1_63.

Не секрет, что многие отечественные (И.С. Алексеева, Л.С. Бархударов, В.С. Виноградов, В.Г. Гак, В.Н. Комиссаров, Я.И. Рецкер, В.И. Сенкевич, А.Д. Швейцер, Р.О. Якобсон) и зарубежные (S.E. Bassnett, S. Gries, S. Granger, J. Holmes) лингвисты и переводоведы изучали такое явление, как перевод, и предлагали разные определения данного понятия. Сегодня можно найти множество толкований данного термина. Это свидетельствует о том, что данная проблема до сих пор остается актуальной.

Рассмотрим некоторые из существующих определений подробнее. Советский и российский лингвист, специалист в области перевода и переводоведения В.Н. Комиссаров в своем научном труде «Теория перевода» определяет перевод как «вид языкового посредничества, при котором на ПЯ создается текст, коммуникативно равноценный оригиналу, причем его

коммуникативная равноценность проявляется в его отождествлении» (ПЯ – язык перевода). Автор отмечает, что благодаря переводу язык общения для коммуникантов один и тот же, так как создаваемый текст на переводящем языке отождествляется с оригиналом [5, с. 44]. В своей научной работе «Язык и перевод» специалист по теории перевода Л.С. Бархударов определяет перевод как «процесс преобразования речевого произведения на одном языке в речевое произведение на другом языке при сохранении неизменного плана содержания, то есть значения» [3, с. 11]. При этом отмечается, что текст перевода никогда не сможет быть полным эквивалентом текста оригинала.

Советский филолог, переводчик, теоретик художественного перевода, один из основоположников советской теории перевода А.В. Федоров в своей работе «Основы общей теории перевода» приводит следующее определение для перевода: 1) «процесс, совершающийся в форме психического акта и состоящий в том, что речевое произведение, возникшее на исходном языке, пересоздается на переводящем языке» и 2) «результат этого процесса, то есть новое речевое произведение на ПЯ». Существующие два понятия соотносительны и взаимосвязаны, и не могут существовать один без другого [6, с. 13].

Стоит отметить, что в представленных выше определениях понятия «перевода» не говорится о таком важном аспекте как цель деятельности. Интересно, что директор Санкт-Петербургской высшей школы перевода И.С. Алексеева дает определение понятию «перевод», акцентируя внимание на том, что перевод – это «деятельность, которая заключается в вариативном перевыражении, перекодировании текста, порожденного на одном языке, в текст на другом языке, осуществляемая переводчиком, который творчески выбирает вариант в зависимости от вариативных ресурсов языка, вида перевода, задач перевода, типа текста и под действием собственной индивидуальности». При этом ученый разделяет мнение о том, что «перевод – это и результат описанной выше деятельности» [1, с. 7]. В данном определении особое внимание стоит обратить на важность «творческого выбора вариантов», что можно интерпретировать как расширение рамок свободы творчества переводчика.

Приведенные выше определения в равной степени можно отнести ко всем видам переводческой практики, при этом при реализации определенной деятельности нужно принимать во внимание особенность конкретного вида перевода.

Типология переводческой деятельности предполагает два вида перевода – устный и письменный.

Остановимся подробнее на устном переводе, который подразделяется на два основных вида: последовательный и синхронный. В своей статье «Место синхронного перевода в системе видов перевода и его особенности» Д.В. Балаганов дает следующие определения этим понятиям:

1. Синхронный перевод – «это вид устного одностороннего или двустороннего перевода, осуществляемого в условиях острого дефицита времени с использованием специальной аппаратуры или без нее».
2. Последовательный перевод – вид перевода выполняется «в паузах речи оратора, то есть после того, как оратор завершил часть своего выступления и дает возможность переводчику перевести этот отрывок» [2, с. 194].

В рамках данной научной статьи особое место занимает именно синхронный перевод. Стоит отметить, что «лишь в конце двадцатых годов начал эпизодически практиковаться перевод речей одновременно с их прослушиванием, получивший в связи с этим название синхронного перевода» [7, с. 23]. На сегодняшний день ни одна из крупных международных организаций не может обойтись без синхронного перевода и синхронных переводчиков.

Долгое время считалось, что качество и точность синхронного перевода зависят только от уровня подготовки переводчика. Безусловно, отрицать это утверждение невозможно. Тем не менее, стоит учитывать, что на качество перевода влияет и сам спикер. «Присущие речам просодические, синтаксические и лексико-стилистические особенности обуславливают переводимость устных выступлений» [4, с. 16]. Эти факторы зачастую могут выступать как конструктивные (положительно влияют на качество перевода), так и как деструктивные (отрицательно влияют на качество перевода).

Для исследования способов передачи образности при синхронном переводе политического дискурса были отобраны речи, произнесенные представителями государств-членов Организации Объединенных Наций (далее ООН) на заседаниях и мероприятиях, проходивших с октября по декабрь 2023 г. Большая часть выступлений посвящена цели устойчивого развития (до 2030) и незаконным действиям Израиля в оккупированном Восточном Иерусалиме и на остальной части оккупированной палестинской территории (10-я чрезвычайная специальная сессия, 44-е пленарное заседание).

Для анализа были отобраны переводы, осуществленные именно синхронными переводчиками ООН. Выбор объясняется рядом факторов: во-первых, сотрудники службы устного перевода ООН обладают высококачественной профессиональной подготовкой, а во-вторых, ООН – одна из немногих организаций, предоставляющих доступ к записям устных выступлений.

Важно отметить, что анализу подверглись переводы выступлений ораторов, говорящих на английском языке (были отобраны речи представителей Танзании, Бельгии, Нидерландов, Шри-Ланки).

Рассмотрим выбранные фрагменты подробнее.

Выступление представителя от Нидерландов

Язык выступления: английский.

Темп речи оратора: средний.

Особенности произношения: нет.

Пример 1

<i>Оригинал</i>	<i>Перевод</i>
The humanitarian situation in Gaza is really catastrophic, alarming, frightening ... Implementation is now the key to success	Гуманитарная ситуация в секторе Газа катастрофически опасна

В первом примере образность создается за счет принципа градации. Спикер использует прилагательные, «наслаивая» их друг на друга. За счет этого постепенно происходит нарастание эмоционального значения. Спикер сознательно обращается к данному приему, чтобы показать степень серьезности ситуации в Газе. Тем не менее, эмоциональный эффект, который мы видим в оригинальном тексте, к сожалению, отсутствует в русском переводе. Полагаем, что переводчику следовало передать эту градуальную цепь в переводе следующим образом: «Гуманитарная ситуация в Газе **действительно катастрофическая. Она вызывает тревогу. Она пугающая**». Стоит отметить, что переводчик опустил фрагмент, содержащий метафору «Implementation is now the key to success» («Реализация этого сегодня является **ключом к успеху**»). Тем не менее, данный фрагмент играет важное значение в речи представителя от Нидерландов. Произнося эту фразу, спикер говорит о том, что пора от разговоров переходить к реальным действиям.

Пример 2

<i>Оригинал</i>	<i>Перевод</i>
We also thank the briefers for sharing vital and valuable insights, priorities, and comments . We heard them loud and clear . It is probably some light in this dark world of horror and fear	Мы также благодарим тех, кто выступал с брифингами. Спасибо, что поделились мыслями, приоритетами, комментариями. Мы вас услышали. Это своего рода луч света

В данном примере спикер создает образность за счет таких лексических единиц как «**vital and valuable**», «**heard them loud and clear**», «**light in this dark world of horror and fear**». Интересно, что разные образы создают некую образную микроситуацию. За счет этого достигается большая эмоциональность. В переводе пропущены значимые смысловые фрагменты и отсутствуют образы (смысловая компрессия). Кроме того, положительная оценка предложений предыдущих выступающих, передающаяся через такие лексические единицы как «**vital and valuable... heard them loud and clear**» («жизненно важные и ценные ... мы их услышали четко и ясно») отсутствует в переводе. Тем не менее, перевод данных прилагательных звучал бы понятно и логично в контексте обсуждаемой гуманитарной проблемы в Газе.

Таким образом, переводчик генерализировал содержащуюся в оригинале информацию, тем самым утратив многие значимые детали.

Выступление представителя от Бельгии

Язык выступления: английский.

Темп речи оратора: средний.

Особенности произношения: нет.

Стоит отметить, что речь представителя от Бельгии наполнена яркими окказиональными образами, что вызвало сложности у переводчика. В голосе переводчика слышно некоторое сомнение, замешательство, присутствуют многочисленные паузы. Неоднократно допускаются лексические повторы.

Проиллюстрируем вышесказанное.

Пример 3

<i>Оригинал</i>	<i>Перевод</i>
Child casualties in Gaza is a growing stain on our collective conscience . This stain on humanity has to be vanished	Жертвы среди детей в Газе – это наша общая коллективная проблема совести. Мы должны очистить ее

В представленном выше примере образность создается благодаря метафорическому образу «**growing stain on our collective conscience**». Переводчик не смог правильно передать это образное выражение. Если в оригинале речь идет о том, что жертвы среди детей, проживающих в Газе это «пятно на коллективной совести (то есть на совести международного сообщества)» и оно (это пятно) «должно быть устранено», то переводчик говорит о «совести», что является ошибкой, т.к. спикер делает акцент на том, что ООН как международная организация не выполняет свои обязательства по сохранению мира и помощи беженцам. Стоит отметить, что синхронный переводчик применяет стратегию знакового дословного перевода при передаче смысла последнего предложения, тем самым меняя образ и смысл исходного сообщения.

Пример 3

<i>Оригинал</i>	<i>Перевод</i>
Fuel, water, food, medical supply are dreanling rapidly making life the hell	Быстро заканчиваются топливо, вода, еда, медикаменты. И все это превращает жизнь людей в сущий ад

В четвертом примере особого внимания заслуживает глагол «drearling» («быстро утекать»), создающий метафорический образ. Переводчик передает эту единицу через более нейтральный глагол «заканчиваться». Тем не менее, спикер не просто так использует глагол «drearling». Данный глагол придает речи эмоциональность и добавляет ситуации драматизм. Стоит отметить, что синхронный переводчик применил стратегию семантической декомпрессии.

Пример 5

<i>Оригинал</i>	<i>Перевод</i>
Only the silence of guns, rockets and bombs , the end of horrific terror by Hamas and others, the halt of forced displacement in Gaza, the release of hostages and arbitrary detained persons and access to humanitarian aid can bring the parties back to the path of sustainable peace	Только тогда, когда замолчат пушки, перестанут падать ракеты и бомбы , судьба перемещенных лиц улучшится, когда будут освобождены заложники только тогда мы вновь сможем встать на путь устойчивого развития

В пятом примере переводчик не решается дать буквальный перевод образного сочетания «**silence of guns, rockets and bombs**». Он прибегает к грамматическим трансформациям. Более того, синхронный переводчик развивает образ добавляя элементы, отсутствующие в оригинале («судьба перемещенных лиц улучшится»). Данный вариант перевод очень удачен. Тем не менее, переводчик опускает очень много других лексических элементов («the end of horrific terror by Hamas and others, the halt of forced displacement in Gaza ... arbitrary detained persons and access to humanitarian aid»), что искажает смысл оригинала и уводит от главной мысли. В своей речи спикер подчеркивает, что только тогда, когда будет введен режим прекращения огня, когда прекратится вынужденное перемещение населения, когда прекратятся зверства ХАМАСА, только тогда Палестина и Израиль смогут встать на путь устойчивого развития. Тем не менее, в переводе можно видеть, что «the parties» переводится как «мы», хотя речь идет о двух государствах. Нет упоминания о действиях радикального палестинского движения Хамас, о предоставлении доступа к гуманитарной помощи. Данные опущения являются немотивированными.

Выступление представителя от Танзании

Язык выступления: английский.

Темп речи оратора: средний.

Особенности произношения: нет.

Пример 6

<i>Оригинал</i>	<i>Перевод</i>
Let us not lose sight of that is happening on the West bank including East Jerusalem either	Давайте не будем закрывать глаза на то, что происходит на Западном берегу, включая Восточный Иерусалим

В оригинале используется идиома «**not to lose sight of**», означающая «не упускать / не потерять из виду». Переводчик же переводит данное идиоматическое выражение как «не бу-

дем закрывать глаза», что не совсем верно, так как для данного выражения есть отдельный английский вариант «close one’s eyes to something». Кроме того, спикер говорит о том, что нужно принимать во внимание то, что происходит на территории Западного берега, в лагере беженцев Нур-Шамас и Восточном Иерусалиме.

Выступление представителя от Шри-Ланки

Язык выступления: английский.

Темп речи оратора: высокий.

Особенности произношения: неправильное произношение слов, сильный акцент.

Анализ оригинального текста и перевода показал, что выступление представителя Шри-Ланки вызвало много сложностей у синхронного переводчика. Связано это с тем, что в речи спикера звучат фрагменты молитвы, песен и риторические вопросы.

Рассмотрим данное выступление подробнее.

Пример 7

<i>Оригинал</i>	<i>Перевод</i>
<p>Two peoples – one land, Three faiths – one root, One earth, one mother, One sky, one beginning, one future, one destiny</p>	<p>Два народа – одна территория, три религии – одна территория, одно небо, одна земля, одна судьба</p>

В своей речи спикер упоминает молитву о мире на Ближнем Востоке. Переводчик не сразу смог сориентироваться, поэтому при переводе данного фрагмента в его речи присутствуют паузы, повторы, опущение. Синхронный переводчик применил стратегию семантической компрессии, при этом образность была сохранена. Слушателю перевода будет достаточно легко уловить глубинный и метафорический смысл данной молитвы, призванной напомнить о связи человека с Богом, миром, Вселенной.

Пример 8

<i>Оригинал</i>	<i>Перевод</i>
<p>Where have all the flowers gone, long time passing? Where have all the flowers gone, long time ago? Where have all the young men gone? They are all in uniform. Where have all the soldiers gone They gone to graveyards, everyone. Where have all the graveyards gone? They are covered with flowers everyone Oh, when will we ever learn? Oh when will we ever learn? These words are grim reminder of...</p>	<p>Куда пропали цветы так много лет назад? Куда пропала молодежь? Они все в униформе Где вся молодежь? Она под землей Когда мы выучим это урок? Слова, которые являются напоминанием</p>

Не менее интересен и пример 8. Спикер цитирует фрагмент песни, меняя слова в некоторых строчках (например, в оригинальной версии песни вместо «Where have all the soldiers gone» поется «Where have all the husbands gone»). Переводчик не был готов к тому, что в речи спикера будет звучать такой длинный фрагмент из песни. По паузам в его речи становится понятно, что ему сложно подобрать слова. Созданный в этом отрывке образ усиливается

за счет синтаксического приема – параллелизма («Where have all the flowers gone, long time passing? Where have all the flowers gone, long time ago?» // «Куда пропали цветы так много лет назад? Куда пропала молодежь?»). Благодаря стратегии знакового дословного перевода была сохранена задуманная оратором образность высказывания. Тем не менее, в переводе много стилистических ошибок, опущений. Полагаем, что слово «uniform» следует переводить не как «униформа» (переводчик использовал стратегию знакового перевода), а как «в форме» или «военной форме». Не самый лучший вариант выбрал синхронный переводчик для перевода строчки «They gone to graveyards, everyone» («Они под землей»). Со стилистической точки зрения лучшим вариантом будет – «На кладбищах покоятся давно». Кроме того, переводчик немотивированно опустил несколько строчек (стратегия семантической компрессии), что в значительной степени повлияло на смысл. Слушая перевод становится непонятно для чего спикер упоминает данную песню.

Пример 9

Оригинал	Перевод
Humanity is in pain. Our planet is in in peril	Человечество испытывает боль и наша планета тоже

В девятом примере мы видим два образных элемента. Метафорический образ «**humanity is in pain**» и «**planet is in peril**». Полагаем, что первый образ логичнее было бы перевести как «человечество страдает», избегая тем самым буквального перевода. Синхронный переводчик же применил стратегию знакового дословного перевода и компрессии, передав оба образных выражения одним словосочетанием «испытывать боль». В результате образ был сохранен, но не в столь детальном виде, как в оригинале. Говоря о переводе второго предложения, стоит отметить, что синхронный переводчик применил прием семантической компрессии. Тем не менее, на наш взгляд не стоило опускать некоторые смысловые блоки. Спикер говорит о том, что «планета находится на грани гибели». Использование данного выражения неслучайно. Говорящий старается передать всю серьезность проблемы, с которой столкнулось человечество.

Пример 10

Оригинал	Перевод
People are getting crashed by growing poverty and hunger. Trust is in short supply	Люди терпят крах из-за растущей бедности и голода. Доверие в дефиците

В данном фрагменте присутствуют образные элементы, которые вызвали сложности у переводчика. Прежде всего, рассмотрим фразу «**People are getting crashed by**». «Get crashed by» означает «быть раздавленным». В речи представителя Шри-Ланки речь идет о том, что «люди находятся под давлением все возрастающих проблем нищеты и голода». Вариант переводчика-синхрониста «терпят крах» в данном случае неуместен. Говоря о втором предложении, стоит отметить, что синхронный переводчик применил стратегию семантической компрессии. Заменяя сочетание «уровень доверия снижается» на «доверие в дефиците». Синхронный переводчик применил стратегию семантической компрессии.

Подводя итоги, следует еще раз отметить, что образность в речи оратора – это дополнительная сложность для переводчика, так как помимо необходимости перевести выступление с минимальными смысловыми потерями, переводчику необходимо уловить все оттенки смысла, которые вкладывает спикер в образы, к которым он обращается. Особенно это сложно, если в речи звучат развернутые метафоры или образы, нетипичные для русского языка.

Исследование отобранных выступлений показало, что свойственную английскому языку образность далеко не во всех случаях удается перевести дословно, не нарушая при этом благозвучности русской фразы. Полученные данные также подтверждают, что зачастую переводчики прибегают к смысловой компрессии, что ведет к потере образности.

Представленный материал можно использовать в образовательных целях при обучении устному переводу. Он также может оказаться полезным действующим переводчикам, поскольку перевод образности способен вызвать трудности не только у начинающих, но и у опытных устных переводчиков.

Список источников

1. *Алексеева И.С.* Введение в перевод введение: учебное пособие для студ. филол. и лингв, фак. высш. учеб. заведений. СПб., М., 2004.
2. *Балаганов Д.В.* Место синхронного перевода в системе видов перевода и его особенности. // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2019. Т. 12. Вып. 5.
3. *Бархударов Л.С.* Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода). М., 1975.
4. *Зигмантович Д.С.* Синтаксические особенности исходных речевых произведений как дестабилизирующий фактор в устном синхронном переводе (на материале речей американских политиков) // Исследования языка и современное гуманитарное знание. 2022. Т. 4. № 1.
5. *Комиссаров В.Н.* Современное переводоведение. М., 2017.
6. *Федоров А.В.* Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы): Для институтов и факультетов иностранных языков: учебное пособие. СПб, М., 2002.
7. *Ширяев А.Ф.* Синхронный перевод. М., 1979
8. UN Web TV. URL: <https://media.un.org/ru/asset/k10/k10орсvgrpq> (дата обращения: 20.12.2023).

Информация об авторе

В.Ю. Кузнецова – кандидат филологических наук, доцент; доцент кафедры английского языка (второго) Военного университета имени князя Александра Невского Министерства обороны РФ, г. Москва, Россия

Information about the author

V.Yu. Kuznetsova – Candidate of Science in Philology, Associate Professor; Associate Professor of the Department of English (as a second language) of the Prince Alexander Nevsky Military University of the Defense Ministry of the Russian Federation, Moscow, Russia

Статья поступила в редакцию 09.01.2024; одобрена после рецензирования 09.02.2024; принята к публикации 13.02.2024.

The article was submitted 09.01.2024; approved after reviewing 09.02.2024; accepted for publication 13.02.2024.

Вестник Московского информационно-технологического университета –
Московского архитектурно-строительного института. 2024. № 1. С. 72–75.

Herald of the Moscow University of Information Technologies –
Moscow Architectural and Construction Institute. 2024. № 1. С. 72–75.

Научная статья

УДК 81

doi:10.52470/2619046X_2024_1_72

К вопросу о концепции жанра в современной лингвистике

Жанна Арутюновна Микаелян

Moscow University of Information Technologies – Moscow Architectural and Construction
Institute, Moscow, Russia, Zhmik@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается понятие жанра в современной лингвистике. Представлены различные подходы (формальный, функциональный, коммуникативный, когнитивный) к интерпретации данного понятия в лингвистической литературе. Каждый из подходов представляет определенный шаг вперед на пути к наиболее полному познанию данного явления. В результате исследования автор приходит к выводу о том, что для полного и адекватного описания жанра как лингвистического понятия необходим комплексный подход к его исследованию с использованием новейшей методологии, разрабатываемой на каждом новом этапе развития лингвистики.

Ключевые слова: жанр, жанрология, вариативность, дифференциация жанров, функциональный стиль, социокультурная ситуация, жанрообразующие признаки, жанровая двуслойность, коммуникативный акт, прототип жанра, когнитивный подход

Для цитирования: Микаелян Ж.А. К вопросу о концепции жанра в современной лингвистике // Вестник Московского информационно-технологического университета – Московского архитектурно-строительного института. 2024. № 1. С. 72–75. https://doi:10.52470/2619046X_2024_1_72.

Original article

On the issue of the concept of genre in modern linguistics

Zhanna A. Mikaelyan

Moscow University of Information Technologies – Moscow Architectural and Construction
Institute, Moscow, Russia, Zhmik@yandex.ru

Abstract. The article examines the concept of genre in modern linguistics. Various approaches (formal, functional, communicative, cognitive) to the interpretation of this concept in linguistic literature are presented. Each of the approaches represents a certain step forward on the path to the most complete knowledge of

© Микаелян Ж.А., 2024

this phenomenon. As a result of the study, the author comes to the conclusion that for a complete and adequate description of the genre as a linguistic concept, an integrated approach to its study is required using the latest methodology developed at each new stage in the development of linguistics.

Keywords: genre, genreology, variability, genre differentiation, functional style, sociocultural situation, genre-forming features, genre two-layeredness, communicative act, genre prototype, cognitive approach

For citation: Mikaelyan Zh.A. On the issue of the concept of genre in modern linguistics // Herald of the Moscow University of Information Technologies – Moscow Architectural and Construction Institute. 2024. № 1. P. 72–75. https://doi.org/10.52470/2619046X_2024_1_72.

В последнее время в современной лингвостилистике нет, пожалуй, более обсуждаемой области исследования, чем жанроведение (или жанрология). Число определений понятия жанра, по свидетельству лингвистов, доходит до семисот [7, с. 39]. Трудности дифференциации типов жанров возникают вследствие того, что в речи (как в устной, так и в письменной) жанры не всегда выступают в чистом виде, поэтому границы между ними нечетки и размыты. Кроме того, внутри каждого жанра существует широкая вариативность (как структурная, так и семантическая), что также усложняет процесс дифференциации жанров. В жанрологии предметом обсуждения являются две проблемы: проблема дифференциации жанров, то есть выделения основных жанрообразующих признаков; и проблема определения границ жанра.

В конце XX в. как в отечественной, так и в зарубежной лингвистике появился ряд исследований, выполненных с опорой на жанр (см., например, [5; 10]). Исследования с опорой на жанр также проводятся в США (см., например, [4]). Американский лингвист Дуглас Байбер подверг исследованию большое количество текстов, представляющих 23 жанра, и обнаружил неожиданную и противоречащую ожиданиям (*surprising and contrary to popular expectations*) широкую вариативность в пределах одного жанра [12, с. 178].

В отечественном жанроведении часто указывается на детерминированность жанра от социальных условий его бытования. Например, Ст. Гайда полагает, что жанры создаются и функционируют в таких сферах общения и областях культуры, как повседневно-бытовая), художественная, политическая, религиозная, научная и др. [3, с. 253].

Функциональный подход к понятию жанра представлен в так называемой теории функциональных стилей, разрабатываемой в первой половине XXI в. яркими представителями российской лингвистики, заложившими основы функциональной стилистики (М.М. Бахтин, В.В. Виноградов, Г.О. Винокур, Л.П. Якубинский и др.) В 20-е – 30-е гг. XX столетия к ним примкнули представители Пражского Лингвистического кружка (В. Матезиус, Б. Скаличка, Й. Вахек, Н.С. Трубецкой и др.). В свете теории функциональных стилей каждый функциональный стиль реализуется через совокупность жанров: «Любой функциональный стиль реально существует лишь как совокупность жанров» [8, с. 5]. Каждый жанр, в свою очередь, рассматривается через призму того или иного функционального стиля, обслуживающего определенную сферу общения. Иными словами, специфика каждой отдельно взятой ситуации общения отражается системой жанров. Это позволяет лингвистам говорить о двуслойности жанрового образования: «... словесное произведение в своей целостности двуслойно – имеет жанровую и стилевую составляющие» [1, с. 106].

Таким образом, функциональный подход предполагает вычленение определенных сфер общения и внутри этих сфер ситуаций, соотносимых с жанрами. При функциональном подходе ситуация описывается с социокультурной точки зрения, то есть связывается с той или иной областью человеческой деятельности.

При коммуникативном подходе к жанру ситуация трактуется как «опосредованное и целесообразное взаимодействие двух субъектов» [9, с. 24]. Высказывание рассматривается как «двусторонний коммуникативный акт, то есть как живой процесс коммуникации, в котором есть акт говорящего и акт слушающего и их взаимоотношения» [4, с. 149].

Коммуникативный подход к понятию жанра является плодотворным, так как «жанр представляет собой идеальную схему протекания коммуникативно-речевого акта» [2, с. 40].

Коммуникативная концепция жанра признает двустороннюю направленность жанра: «Под речевым жанром понимается целесообразная форма, которая имеет двухвекторную направленность на передаваемое содержание и на адресата, то есть она, с одной стороны, оформляет содержание, а с другой, – служит средством связи с адресатом» [6, с. 8]. Проблема границ жанра успешно разрешается в рамках теории прототипа, выдвинутой Б. Полтриджем. Согласно этой теории, люди категоризируют объекты и явления в соответствии с построенными в их головах прототипическими образами явлений и объектов действительности. «Если категоризация отдельных языковых элементов и понятий основывается на системе отношений между отдельными примерами и их моделями, которые вбирают в себя наиболее повторяющиеся и типичные признаки первых, то то же самое можно говорить и о жанрах» [14, с. 394].

Чем ближе репрезентация жанра к прототипу жанра, тем определеннее данный текст представляет реализацию определенного жанра.

При когнитивном подходе к жанру предполагается, что значение предопределяется когнитивными структурами, лежащими за пределами языка (*outside language*), чем отношениями между знаками внутри языка (*within a language*) [13, с. 379]. Ключевой концепт, содержащийся в прототипе жанра, позволяет приписывать тексту определенную жанровую категорию (*assign text to a particular generic category*) [14, с. 397]. При когнитивном подходе жанр трактуется как вплетенный в сети знаний, содержащихся в голове говорящего/пишущего (*homo loquens*), которые складываются из множества связанных друг с другом фреймов, сценариев, скриптов, схем, пропозиций и т.д.

По мнению С. Шмидта, сущность жанра не может быть распознана лишь через наблюдение его материальных проявлений (*materialities*) [15, с. 373]. «Жанры должны быть концептуализированы в терминах *когнитивных* явлений, а не представлены через набор свойств, извлеченных из текстов» [15, с. 374].

Каждый из вышеперечисленных подходов (формальный, функциональный, коммуникативный, когнитивный) пересматривает понятие жанра с новых позиций и представляет собой ещё один шаг на пути к полноте знаний об исследуемом объекте – жанре. Для получения всеобъемлющего и адекватного описания жанра как лингвистического понятия необходим комплексный подход к его исследованию и обширный и глубокий анализ с использованием новейшей методологии, включающей на каждом этапе развития лингвистики соответствующие новейшие методы лингвистических исследований.

Список источников

1. Брандес М.П. Стиль и перевод. М., 1988.
2. Брандес М.П. Стилистика немецкого языка. М., 1990.
3. Гайда Ст. Проблемы жанра // Функциональная стилистика: Теория стилей и их языковая организация. Пермь, 1986.
4. Дейк Т.А. Язык, познание, коммуникация. М., 1980.
5. Зильберт Б.А. Проблемы классификации текстов массовой информации // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1986. Т. 45. № 1.

6. *Иванова Т.П. Брандес О.П.* Стилистическая интерпретация текста. М., 1991.
7. *Комарова А.И.* Теория и практика изучения языка для специальных целей: дис. ... д-ра филол. наук. М., 1995.
8. *Солганик Г.Я.* Введение // Вакуров В.Н. Кохтев Н.Н., Солганик Г.Я. Стилистика газетных жанров. М., 1978.
9. *Соколов А.В.* Общая теория социальной коммуникации. СПб., 2002.
10. *Чекалина Е.М.* Язык современной французской прессы: лексико-семантические аспекты. Ленинград, 1991.
11. *Biber D, Conrad S.* Register, genre, and style. Cambridge. 2019.
12. *Biber D.* Variation across speech and writing. Cambridge, 1988.
13. *Forbes I.* Review of linguistic categorization: Prototypes to linguistic theory by John Taylor // Journal of Pragmatics. 1992. Vol. 18.
14. *Paltridge B.* Working with genre. A Pragmatic Perspective // Journal of pragmatics. 1995. Vol. 25.
15. *Schmidt S.J.* Towards cognitive theory of media genre // Poetics. 1986. № 16.

Информация об авторе

Ж.А. Микаелян – кандидат филологических наук; доцент кафедры иностранных языков Московского информационно-технологического университета – Московского архитектурно-строительного института

Information about the author

Zh.A. Mikaelyan – Candidate of Science in Philology; Associate Professor of the Department of Foreign Languages of the of the Moscow University of Information Technologies – Moscow Architectural and Construction Institute, Moscow, Russia

Статья поступила в редакцию 29.01.2024; одобрена после рецензирования 19.02.2024; принята к публикации 20.02.2024.

The article was submitted 29.01.2024; approved after reviewing 19.02.2024; accepted for publication 20.02.2024.

Вестник Московского информационно-технологического университета –
Московского архитектурно-строительного института. 2024. № 1. С. 76–84.

Herald of the Moscow University of Information Technologies –
Moscow Architectural and Construction Institute. 2024. № 1. С. 76–84.

Научная статья

УДК 159.92

doi:10.52470/2619046X_2024_1_76

Инфантильность: феномен превращения инструмента эволюции в фактор психологической деструкции

Андрей Викторович Данилов^{1, 2}

¹ Институт психологии и информальной юстиции, г. Санкт-Петербург, Россия

² Международная академия психологических наук, Казахстанский филиал, г. Алматы,
Казахстан
danilov.18@mail.ru

Аннотация. В статье исследуется многомерное понятие инфантильности, оказывающей, по мнению автора, ключевое влияние на качество жизни человека. Описывается влияние инфантильности на процессы биологической эволюции, явившейся одним из ключевых факторов трансформации приматов в человека. Проводится краткий разбор исследований инфантильности, осуществленных эволюционными биологами и психологами. Дается определение феномену инфантильности и приводится классификация конструктивных и деструктивных ее проявлений. Также выявляются устойчивые сценарии ее реализации в жизни человека и приводится алгоритм работы по трансформации негативных характеристик инфантильности, которые автор применяет в своей психологической практике. Описывается урон, который наносят многообразные проявления инфантильности как непосредственно личности человека, так и социуму в целом.

Ключевые слова: инфантильность, самореализация, деструктивное поведение, невроз, поведенческие паттерны, биологическая эволюция

Для цитирования: Данилов А.В. Инфантильность: феномен превращения инструмента эволюции в фактор психологической деструкции // Вестник Московского информационно-технологического университета – Московского архитектурно-строительного института. 2024. № 1. С. 76–84. https://doi:10.52470/2619046X_2024_1_76.

© Данилов А.В, 2024

Original article

Infantility: the phenomenon of transforming an instrument of evolution into a factor of psychological destruction

Andrey V. Danilov^{1, 2}

¹ Institute of Psychology and Informal Justice, St. Petersburg, Russia

² International Academy of Psychological Sciences, Kazakhstan branch, Almaty, Kazakhstan
danilov.18@mail.ru

Abstract. The article explores the multidimensional concept of infantility, which, according to the author, has a key impact on the quality of human life. The influence of infantility on the processes of biological evolution, which was one of the key factors in the transformation of primates into humans, is described. A brief analysis of studies of infantility carried out by evolutionary biologists and psychologists is provided. The definition of the phenomenon of infantilism is given and a classification of its constructive and destructive manifestations is given. It also identifies stable scenarios for its implementation in human life and provides an algorithm for transforming the negative characteristics of infantility, which the author uses in his psychological practice. The damage that various manifestations of infantilism cause both directly to the individual and to society as a whole is described.

Keywords: infantilism, self-realization, destructive behavior, neurosis, behavioral patterns, biological evolution.

For citation: Danilov A.V. Infantility: the phenomenon of transforming an instrument of evolution into a factor of psychological destruction // Herald of the Moscow University of Information Technologies – Moscow Architectural and Construction Institute. 2024. № 1. P. 76–84. https://doi:10.52470/2619046X_2024_1_76.

Тему для данной статьи дал анализ психологической практики автора, включающей как работу с легкими формами психологической дисфункции, так и сложными формами невротических и депрессивных состояний, находящихся на грани психопатологии. В процессе психотерапии нами было отмечено, что все эти деструктивные проявления психологической деятельности в своей основе имеют какой-то общий корень, который, с определенными допущениями, можно считать фундаментом, лежащим в основе большинства психологических проблем, с которыми сталкивается человек. После длительного анализа собственной практики и опроса коллег для автора стало очевидным, что таким фундаментом психологической деструкции является инфантильность.

Мысль эта далеко не нова в части описания периода зарождения психологических установок человека и многочисленных проявлений его психической деятельности, однако фокусировка именно на этой характеристике психологического портрета клиента позволила автору значительно увеличить продуктивность своей работы. В данной статье мы кратко изложим свое видение всех аспектов многогранного феномена инфантильности в надежде, что этот ракурс будет способствовать расширению практического инструментария наших коллег.

Описание инфантильности следует начать даже не с З. Фрейда, сформулировавшего теорию о зарождении психологических установок человека в раннем детстве, которая

(многократно расширенная и модифицированная психологами следующих поколений) стала базисом психологии. Как следует из открытий эволюционной биологии, инфантильность, определяемая в этой науке другими терминами, например, «неотения» или «ювенилизация», явилась основным инструментом эволюции, превратившем приматов в человека в том виде, в котором мы можем себя наблюдать.

Если описать эти процессы предельно кратко, то в определенный момент эволюционного развития приматов стал актуален отбор особей по принципу пониженной агрессивности, что давало ощутимые преимущества в социализации. В частности, «Способность переносить на других социальных партнеров стиль поведения, выработанный для общения с детьми, могла сыграть важную роль в эволюции человека. Не исключено, что ювенилизация облика и поведения взрослых гоминид поддерживалась отбором, потому что к таким особям, слегка похожим на детей, их брачные партнеры испытывали более нежные чувства. Это могло повысить их репродуктивный успех, если жены реже изменяли таким мужьям (которые, скорее всего, были при этом еще и менее агрессивными и более надежными), а мужья реже уходили от жен-девочек, весь вид которых говорил о том, как они нуждаются в защите и поддержке» [6, с. 127].

Эта тенденция запустила каскад трансформаций, который привел к изменению не только психической и социальной структуры приматов, но и оказал серьезное влияние на биологические параметры их организма, вплоть до изменения фенотипических черт: «... уменьшение клыков у самцов ранних гоминид можно рассматривать как “феминизацию”. Действительно, редукция одного из характерных “мужских” обезьяньих признаков сделала самцов гоминид больше похожими на самок. Возможно, это было связано с уменьшением выработки мужских половых гормонов или со снижением чувствительности некоторых тканей к этим гормонам...

Кроме феминизации в эволюции наших предков была еще одна важная тенденция. По форме черепа, структуре волосяного покрова, размеру челюстей и зубов человек больше похож на детенышей обезьян, чем на взрослых. Многие из нас надолго сохраняют любознательность и игривость – черты, свойственные большинству млекопитающих только в детстве, тогда как взрослые звери обычно угрюмы и нелюбопытны. Поэтому некоторые антропологи считают, что важную роль в эволюции человека сыграла неотения, или ювенилизация, – задержка развития некоторых признаков, ведущая к сохранению детских черт у взрослых животных» [6, с. 122–123].

Очень серьезным аргументом в поддержку данной теории стал широко известный эксперимент по одомашниванию лис, проведенный Д.К. Беляевым и Л.Н. Трут. Лиса – ближайший родственник волка, успешно прирученного человеком и превратившегося в его самого надежного четвероногого друга – собаку. Однако лисы в естественной среде обитания демонстрируют повышенную агрессивность и крайние проявления индивидуализма, на контакт с человеком не идут. Новосибирские биологи провели эксперимент, длившийся несколько десятков лет и заключающийся в отборе наименее агрессивных особей с последующим скрещивании их между собой.

«В итоге одомашненные лисы стали напоминать собак не только по характеру, но и по внешнему виду. У взрослых лисиц стали сохраняться “щенячьи” признаки, такие как укороченная морда и отвислые уши» [4, с. 3]. Эксперимент показал, что, как и в случае предполагаемой ювенилизации первобытного человека, у одомашненных лис сохраняются внешние детские черты, меняются характеристики поведения в сторону опять-таки большей инфантильности, перестраивается цикл овуляции и гормональный фон. В частности, понижается уровень стрессовых гормонов [17] и повышается уровень серотонина [9].

В результате данного эксперимента Беляевым был сделан следующий вывод: «По сути, мы, люди, всего лишь одомашненные приматы, причем мы одомашнили самих себя. И этот процесс самоодомашнивания дополнительно ускорился за счет полового отбора – люди предпочитали выбирать в качестве партнеров наименее агрессивных особей» [4, с. 79]. Схожие мысли высказывались и другими биологами, как до Беляева [16], так и после него [19].

Еще одним немаловажным биологическим фактором инфантильности человека можно считать то, что основным инструментом адаптации и преобразования окружающей среды является работа его мозга. Мы существенно проигрываем большинству животных в физических возможностях нашего организма – скорости, силе и т.д., и главным эволюционным преимуществом нашего вида является способность к интеллектуальной деятельности, преодолевающей все физические ограничения. Однако ребенок не способен родиться с уже сформировавшимся мозгом, адекватным всем потребностям человека, это потребовало бы несуразно огромной зоны таза у женщин, и поэтому детский период, в течение которого формируется наш мозг, гораздо дольше, чем у большинства животных [7]. Разумеется, имея очень длительный период физиологического «созревания» мозга, нервной, гормональной систем и т.д., сопровождающийся формированием комплекса личностных и социальных паттернов поведения, человек получает не только положительные стратегии поведения, но и то, что принято называть объемным понятием «психологические комплексы».

Этот процесс достаточно подробно описан в трудах классиков психологии, однако нам хотелось бы рассмотреть концепции двух психологов, непосредственно относящиеся к теме этой статьи. З. Фрейд [12–14] предполагал прохождение личности в детский период через пять стадий формирования индивидуальных психологических особенностей: оральную, анальную, фаллическую, латентную и генитальную. Застревание в какой-либо из этих стадий развития деформировало структуру личности, создавая устойчивые деструктивные психологические установки, приводящие к многочисленным невротическим и депрессивным состояниям. Эта концепция, как и чрезмерные акценты Фрейда на сексуальной составляющей жизни человека, характерные для всех его работ, многократно подвергались справедливой и обоснованной критике. Однако здесь нам хотелось бы отметить основную идею его подхода, кажущуюся нам абсолютно верной. Негативные психологические установки человека формируются в детском и подростковом возрасте, создавая устойчивые сценарии поведения, которые реализуются в период взрослой жизни при срабатывании соответствующего триггера. Эти процессы протекают в глубинах бессознательного и поддаются контролю только при выявлении конкретного сценария и переводе его в сферу сознательного.

Как отмечалось выше, эта установка стала одной из аксиом психологии и получила развитие во многих направлениях науки. Но наиболее интересную интерпретацию данная мысль получила, на наш взгляд, в работах Э. Берна – создателя направления транзакционного анализа [1; 2]. По представлениям Берна, поведенческие сценарии человека регулируются тремя эго-состояниями, которые он назвал Родителем, Взрослым и Ребенком, подчеркивая: «Родитель, Взрослый и Ребенок – это не то же самое, что Сверх-Я, Я, Это или концептуальные построения Юнга, а феноменологические реальности. Таким же образом времяпрепровождение, игры, сценарии – не абстракции, а рабочие социальные реальности» [1, с. 15].

Эти эго-состояния в работах Берна и его последователей имеют несколько вариаций, в частности Ребенок может быть Раненым Ребенком, или Счастливым (Здоровым) Ребенком, Взрослый – Контролирующим и т.д. Автор данной статьи не использует в своей работе практические методы транзакционного анализа, но типология эго-состояний представляется ему чрезвычайно удачной для определения поведенческих моделей клиентов, поскольку имеет очень яркие образные характеристики.

Подробное описание терапевтических процессов, которое содержится в книгах Э. Берна, демонстрирует нам постоянную борьбу детского и взрослого эго-состояний, причем Ребенок оказывается очень мощной субличностью, способной нанести серьезный ущерб сознательным психологическим установкам человека. Подобная картина наблюдается и в работах З. Фрейда, демонстрируя колоссальную энергию детских подсознательных травм. По нашему мнению, все эти многочисленные проявления детских переживаний, формирующих неосознаваемые поведенческие паттерны, являются проявлением глобального феномена инфантильности, описанию которого посвящена эта статья.

Таким образом, подводя итог вышесказанному, мы можем, с некоторыми допущениями, констатировать, что инфантильность явилась для человека значимым фактором эволюции, изменившим его фенотипические признаки, нейрогормональные реакции и т.д., и спровоцировала взрывное развитие интеллектуальных способностей, языка, искусства, формирование устойчивых социальных связей, что, со временем, привело к доминированию человека на планете. Но, в то же время, значительная протяженность периода детства явилась причиной переноса стратегий инфантильности во взрослую жизнь, а это создало колоссальные проблемы самореализации и социальным взаимодействиям человека.

Определение инфантильности и описание стратегий ее проявления

Изучив эволюционное развитие рассматриваемого нами феномена, мы можем дать определение предмету нашего исследования, реализующемуся непосредственно в сфере психики. Инфантильность – это проявление детских поведенческих реакций и стратегий личной и социальной реализации в жизнедеятельности взрослого человека. Формирование паттернов инфантильного поведения происходит в детском и подростковом возрасте, и, после срабатывания соответствующего триггера, инфантильный сценарий реализуется в поведении взрослого человека. Данный процесс не контролируется сознанием, гипотетически сопровождается изменением вегетативных и нейрогормональных реакций и проявлением различной степени интенсивности измененного состояния сознания (транса). Как и большинство явлений в нашем мире, инфантильность диалектична и имеет положительную и отрицательную форму своей реализации.

Конструктивная инфантильность сопровождает любой творческий процесс. Образ ребенка, пылливо исследующего окружающий мир и не признающего никаких ограничений творческого процесса можно увидеть в сотнях великих ученых, писателей, музыкантов или актеров. Лучше всего проявления этой формы инфантильности наблюдаются в простых бытовых ситуациях. Гениальный А. Тосканини, очарованный детской игрушкой – магнитами, которую он выпрашивает у сына менеджера своего оркестра и, потеряв которую, приходит в неопишное отчаяние [5]. Великий М. Чехов, панически страшась того, что автомобиль, минимально заправленный бензином и водой, «распаяется» [8]. Владелец грандиозного интеллекта – создатель кибернетики Н. Винер, потерявший бумагу с адресом новой квартиры, куда накануне переехала его семья и едва не оставшийся по этой причине на улице, потому что помнить о бытовых мелочах он был не в состоянии [11]. Можно вспомнить огромное количество подобных проявлений инфантильности, которая, будучи реализованной в творческой форме, приводила к созданию шедевров в различных сферах деятельности человека.

Деструктивная инфантильность направлена на подсознательное разрушение личности самого человека и его социальных контактов, ибо огромный спектр проявлений этого вида инфантильности можно охарактеризовать одной фразой: «Я не достоин!». Ребенок, не получивший в детстве достаточного количества любви и душевного тепла в значимых для него

жизненных ситуациях, формулирует для себя этот дефицит в виде аксиомы – «Мне не дали то, что мне нужно, значит я плохой», которая во взрослой жизни трансформируется в установки «Я не достоин любви, карьеры, денег» и т.д. По сути, деструктивная инфантильность является реакцией на изменяющиеся условия внешней среды, которые, как кажется ребенку, несут угрозу значимым аспектам его существования, и во взрослой жизни проявляются в форме автоматической реакции на события, напоминающие детский сценарий.

Необходимо отметить, что детство – это тот период жизни, когда от родителей зависит не только состояние психики, но и физическое выживание ребенка, и определенные, внешне безобидные ситуации, могут включить ощущение угрозы физическому существованию, что запускает глубинные биологические процессы, которые во взрослой жизни трансформируются в опасные формы неврозов и психопатологий. Многие виды шизофрении и паранойи сопровождаются обостренными проявлениями инфантильного поведения [10]. Ни в коем случае не следует считать, что инфантильность гарантированно приведет к тяжелым формам психических отклонений, для проявления психопатологии необходима генетическая предрасположенность и еще некоторое количество факторов, которые должны сработать одновременно, но острые проявления инфантильности иногда могут напоминать поведение психически нездоровых людей.

Для описания проявлений деструктивной инфантильности лучше всего воспользоваться широко известной в биологии классификацией поведенческих стратегий животных в стрессовой ситуации, которая была успешно адаптирована к поведению человека. Первые две реакции были описаны У. Кэнноном, сформулировавшим эти стратегии двумя словами *Бей* и *Беги* [15]. Третья стратегия характерна для некоторых видов земноводных и насекомых и звучит как *Замри*.

Для изложения нашего представления о форматах проявления этих трех видов деструктивной инфантильности, позволим себе процитировать отрывок из нашей монографии, посвященной описанию личности как единой био-психо-социальной системы: «Сценарий *Бей* реализуется из позиции агрессивной инфантильности и предполагает искреннюю уверенность в том, что мир создан для выполнения всех желаний человека. Интересы других людей и ответственность за свои поступки в мировоззрении такого инфантила отсутствуют. Внешние проявления подобной инфантильности: голос повышенной громкости с истеричным характером звучания, резкие, рубленые движения с большой амплитудой, безапелляционность суждений, склонность к соперничеству и т.д.

Сценарий *Беги* включается в виде отказа от любых самостоятельных действий, предполагающих как позитивные, так и негативные последствия, причем позитивный результат избегается даже чаще. Тактика подобных инфантилов направлена на манипулирование окружающими с целью принуждения их к совершению действий, отвечающих целям инфантила, разумеется, с перекладыванием ответственности за результат. Эти люди все пытаются сделать чужими руками, даже тогда, когда это не приносит им прямой очевидной выгоды. Внешние проявления: просительные интонации голоса, тревожный и несчастный взгляд, суетливость движений, многословность в изложении своих просьб, которые разительным образом меняются на уверенность при внушении окружающим чувства вины за отказ.

Второй, более мягкий вариант – голос, звучащий в среднем регистре на комфортном для окружающих уровне звучности, плавные движения, подчеркнутое дружелюбие и обаяние. Во всех этих атрибутах инфантильности присутствует фальшь, которая может распознаваться или не распознаваться объектами манипуляции. И во всех вариантах финалом такого сценария проявления инфантильности будут агрессивные обвинения при отказе в помощи в реализации целей инфантила.

Сценарий *Замри* заключается в отсутствии любых действий в ситуации, предполагающей даже минимальную ответственность. Инфантил, живущий в этом сценарии, предпочитает, чтобы ситуация сама разрешилась тем или иным образом, принимая любой результат как должное и не пытаясь на него повлиять. Внешние проявления: тихий глухой голос, скованность и замедленность движений, стремление быть максимально незаметным и состояние ступора при проявлении малейшего внимания со стороны окружающих» [3, с. 169–170].

Первые два варианта деструктивной инфантильности являются наиболее распространенными, и в финальной стадии реализации своего сценария предполагают активные действия. Для определения наиболее характерных черт их проявления нами была составлена «шкала инфантильности», которая, на первом этапе работы с клиентом используется психологом, а затем, на более поздних этапах, применяется клиентом для самостоятельного отслеживания включения деструктивных сценариев. Эта шкала инфантильности включает в себя такие, наиболее характерные проявления инфантильности как:

1. Безапелляционность суждений.
2. Узкий круг интересов, отсутствие желания получать новые знания и навыки.
3. Нежелание признавать возможность разных вариантов интерпретации событий, настаивание на своем варианте как на единственно верном.
4. Агрессивное отношение к людям, не разделяющим ценности инфантила.
5. Использование в речи категоричных и обобщающих понятий (должен, необходимо, обязан, абсолютно все, каждый и т.д.).
6. Многословие в изложении собственных взглядов, пристальное внимание к незначительным подробностям.
7. Подчеркивание в контексте любых событий только тех аспектов, которые подтверждают его точку зрения.
8. Возложение вины за собственные неудачи на других людей и приписывание достижений исключительно себе.
9. Отсутствие способности пересматривать свои убеждения в процессе получения нового опыта.
10. Уверенность в собственной компетентности по широкому кругу вопросов – от политики и экономики до искусства и спорта.
11. Категорическое неприятие «симметричного ответа» от объекта манипулирования. Инфантил считает, что его методы воздействия на окружающих продиктованы благом, которое представляется ему безусловной и непререкаемой истиной. И он бурно протестует против попыток применить к нему те же методы, которые он применяет к людям» [3, с. 171–172].

Практическая работа с трансформацией проявлений деструктивной инфантильности строится по следующему алгоритму:

1. Определение конкретных проявлений инфантильности у клиента, событий, которые поспособствовали их формированию и наиболее распространенных сценариев их реализации во взрослой жизни.
2. Выявление урона для состояния здоровья, личной и социальной реализации которые данные паттерны уже нанесли, и потенциальных угроз, которые могут возникнуть в будущем.
3. Выработка индивидуальной стратегии трансформации инфантильных установок в форме конкретных практик, которые клиент может выполнять самостоятельно.
4. Реализация программы подконтролем психолога.

Наша практика показывает, что подобная работа с глобальным феноменом инфантильности решает широкий спектр задач, стоящих перед психологом, причем в достаточно коротком временном диапазоне.

Опасность инфантильности не стоит недооценивать. Ребенок, кричащий на весь магазин и бьющийся конечностями об пол оттого, что родители отказываются купить ему игрушку, вызывает у окружающих дискомфорт и чувство неловкости. Но этот же ребенок, уже имеющий изощренный мозг взрослого образованного человека, способный логически обосновать и завернуть в привлекательную обертку свои детские комплексы, может нанести невосполнимый ущерб себе и окружающим. Мать, ставящая свою дочь в родительскую позицию по отношению к себе и заставляющая выплачивать свои бесконечные кредиты, чем доводит ребенка до полного физического и морального истощения. Муж, требующий, чтобы жена подавала ему еду исключительно одной температуры и устраивающий дикие скандалы при любом отклонении от этих условий. Бабушка, видящая смысл жизни только в служении своим внукам и находящаяся, благодаря этой установке, на грани смерти. Эти, и десятки других случаев из нашей практики, при разборе истоков таких поведенческих паттернов, демонстрируют разные грани деструктивной инфантильности.

Инфантильность страшна тем, что любой, абсолютно нормальный человек, при срабатывании соответствующего сценария, может совершить действия, разрушающие его личность и жизнь его близких. Определенная доля инфантильности присуща всем нам, и знание ее основополагающих характеристик и форм проявления помогает избежать множества негативных последствий бесконтрольной реализации этого психологического феномена.

Особую опасность, на наш взгляд, представляют проявления инфантильности у людей, облеченных властью. При анализе действий множества политиков мирового уровня складывается впечатление, что в этой сфере проходит какой-то негласный отрицательный отбор, и наибольшее преимущество получают те индивидуумы, которые демонстрируют запредельный уровень инфантильности. А это несет угрозу уже всему мировому сообществу.

Такое же беспокойство вызывает инфантилизация общества в целом, которая, вполне возможно, имеет вид продуманной, идеологически выверенной и тщательно сконструированной программы. Наше время демонстрирует колоссальную дифференциацию и поляризацию общества по множеству признаков: идеологических, национальных, социальных, половых и т.д. И отстаивание собственных убеждений большинством ячеек предельно атомизированного социума имеет все признаки детского поведения, определенного нами в «шкале инфантильности», изложенной выше. Исходя из нашего практического опыта, можно утверждать, что человек, перейдя определенную грань инфантильности, имеет весьма призрачные перспективы возвращения к нормальной жизни. И было бы весьма нежелательным вариантом проверка этой гипотезы в отношении социума в целом, тем более сделанной не в лабораторных, а в реальных «полевых» условиях.

Инфантильность как глобальный критерий психологической деструкции может стать универсальным инструментом в работе практикующего психолога. Пройдя грандиозный путь превращения из инструмента биологической эволюции человека в одного из самых опасных врагов его полноценной самореализации, она, будучи проявленной, взятой под осознанный контроль и переведенной в конструктивное русло, способна стать мощным источником энергии для любых свершений, к которым стремится человек. Выработка стратегии взрослого поведения, построенная на уникальных особенностях психофизиологии и способов социальной коммуникации человека способна решить эту задачу, кардинально изменив качество его жизни. Технические детали такой трансформации инфантильности, применяемые нами в работе, слишком объемны для даже краткого изложения в рамках данной статьи, и в полном виде содержатся в нашей монографии [3]. Однако мы убеждены в том, что любое направление психологии имеет достаточное количество инструментов, для того, чтобы справиться с этой задачей в рамках своей научной парадигмы. Необходимо лишь держать феномен инфантильности в фокусе своего внимания и своевременно реагировать на многообразные формы его проявления.

Список источников

1. Берн Э. Транзакционный анализ и психотерапия. СПб., 1992.
2. Берн Э. Игры, в которые играют люди. Люди, которые играют в игры. М., 2013.
3. Данилов А.В. Психофизиологическая матрица человека. Что управляет нашей жизнью? Ridero, 2021.
4. Дугаткин Л. Как приручить лису (и превратить в собаку): Сибирский эволюционный эксперимент. М., 2019.
5. Исполнительское искусство зарубежных стран. М., 1976. Вып. 6: Артуро Тосканини.
6. Марков А.В. Эволюция человека: в 2 кн. М., 2011. Кн. 1: Обезьяны, кости и гены.
7. Марков А.В. Эволюция человека: в 2 кн. М., 2011. Кн. 2: Обезьяны, нейроны и душа.
8. Петелин В.В. Восхождение или Жизнь Шаляпина (1894–1902): биографический роман. М., 2000.
9. Попова Н., Войтенко Н., Трут Л. Изменения в содержании серотонина и 5-оксииндолуксусной кислоты в головном мозге при селекции серебристо-черных лисиц по поведению // Доклады Академии наук СССР. 1975. Т. 223.
10. Самохвалов В.П. и др. Психиатрическая клиника: учебное пособие для студентов и врачей-интернов. Симферополь, 2003.
11. Строгац С. Ритм Вселенной. Как из хаоса возникает порядок. М., 2017.
12. Фрейд З. Введение в психоанализ. М., 2014
13. Фрейд З. Психоаналитические этюды. М., 2006.
14. Фрейд З. Психопатология обыденной жизни. Толкование сновидений. Пять лекций о психоанализе. М., 2019.
15. Cannon W.B. Bodily changes in pain, hunger, fear and rage: An account of recent researches into the function of emotional excitement. 1915.
16. Bagehot W. Physics and Politics or Thoughts on the Application of the Principles of «Natural Selection» and «Inheritance» to Political Society. London, 1905.
17. Plyusnina I., Oskina I., Trut L. An Analysis of Fear and Aggression during Early Development of Behavior in Silver Foxes (*Vulpes vulpes*) // Applied Animal Behaviour Science. 1991. № 32. P. 253–268.
18. Popova N. et al. Genetics and Phenogenetics of Hormonal Characteristics in Animals. 7. Relationships between Brain Serotonin and Hypothalamo-pituitary-adrenal Axis in Emotional Stress in Domesticated and Non-domesticated Silver Foxes // Genetika. 1980. № 16. P. 1865–1870.
19. Wilson P. The Domestication of the Human Species. New Haven, 1991.

Информация об авторе

А.В. Данилов – доктор психологических наук, профессор, действительный член МАПН, ПАНИ, МАИ, АМТН; Институт психологии и информальной юстиции, г. Санкт-Петербург, Россия; Международная Академия Психологических Наук, Казахстанский филиал, г. Алматы, Казахстан

Information about the author

A.V. Danilov – Doctor of Science (Psychology), Professor, full member of MAPN, PANI, MAI, AMTN; Institute of Psychology and Informal Justice, St. Petersburg, Russia; International Academy of Psychological Sciences, Kazakhstan branch, Almaty, Kazakhstan

Статья поступила в редакцию 12.01.2024; одобрена после рецензирования 19.02.2024; принята к публикации 21.02.2024.

The article was submitted 12.01.2024; approved after reviewing 19.02.2024; accepted for publication 21.02.2024.

Вестник Московского информационно-технологического университета –
Московского архитектурно-строительного института. 2024. № 1. С. 85–97.

Herald of the Moscow University of Information Technologies –
Moscow Architectural and Construction Institute. 2024. № 1. С. 85–97.

Научная статья
УДК 159.944
doi:10.52470/2619046X_2024_1_85

Концепция выгорания К. Маслак: синдром и процесс

Елена Антоновна Трухан

Белорусский государственный университет, г. Минск, Республика Беларусь,
elenapsybsu@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-3981-3813>

Аннотация. В статье представлено концептуальное понимание выгорания К. Маслак как синдрома и как процесса. В ретроспективе представлены зарубежные и отечественные концепции выгорания, производные от трехкомпонентной парадигмы К. Маслак. Опросник Maslach Burnout Inventory (MBI) считается «золотым стандартом» измерения выгорания, оценивающим синдром выгорания в соответствии с Международной классификацией болезней и используемым по разным данным в 78–90 % исследований. Продолжается дискуссия о причинно-следственных связях между тремя измерениями MBI (эмоциональное истощение, деперсонализация, личные достижения) и последовательности фаз выгорания. Наиболее часто в различных исследованиях сравниваются модели Голембиевского (1981), Лейтера – Маслак (1988), Ли – Эшфорта (1993), ван Дирендонка (2001), Тариса (2005). Важный аспект текущих дебатов – роль эмоционального истощения. Одни модели утверждают, что эмоциональное истощение представляет собой заключительную стадию развития выгорания, другие – исходный его компонент и основную терапевтическую мишень. Также подвергаются сомнению операционализация субшкалы личных достижений в качестве компонента синдрома выгорания и ее положительная валентность. В целом, концепция выгорания К. Маслак сохраняет свою актуальность, являясь основой для современных исследований.

Ключевые слова: выгорание, синдром выгорания, процесс выгорания, фазы выгорания, истощение, деперсонализация, личные достижения

Для цитирования: Трухан Е.А. Концепция выгорания К. Маслак: синдром и процесс // Вестник Московского информационно-технологического университета – Московского архитектурно-строительного института. 2024. № 1. С. 85–97. https://doi:10.52470/2619046X_2024_1_85.

Original article

The concept of burnout K. Maslach: syndrome and process

Elena A. Truhan

Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus,
elenapsybsu@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-3981-3813>

Abstract. The article presents K. Maslach's conceptual understanding of burnout as a syndrome and as a process. Foreign and domestic concepts of burnout derived from K. Maslach's three-component paradigm are

© Трухан Е.А., 2024

presented retrospectively. Maslach Burnout Inventory (MBI) is considered the «gold standard» for measuring burnout, assessing burnout syndrome in accordance with the International Classification of Diseases and used according to various data in 78–90 % of studies. There is an ongoing discussion about the causal relationships between the three MBI dimensions (emotional exhaustion, depersonalization, personal accomplishment) and about the sequence of burnout phases. The most frequently compared models in various studies are Golembiewski (1981), Leiter – Maslach (1988), Lee – Ashforth (1993), van Dierendonck (2001), and Taris (2005). An important aspect of the current debate is the role of emotional exhaustion. Some models argue that emotional exhaustion is the final stage of burnout development, while others claim its initial component and the main therapeutic target. The operationalization of personal accomplishment as a component of burnout syndrome and its positive valence are also questioned. In general, K. Maslach's concept of burnout remains relevant, being the basis for modern research.

Keywords: burnout, burnout syndrome, burnout process, burnout phases, exhaustion, depersonalization, personal accomplishment

For citation: *Truhan E.A.* The concept of burnout K. Maslach: syndrome and process // Herald of the Moscow University of Information Technologies – Moscow Architectural and Construction Institute. 2024. № 1. P. 85–97. https://doi:10.52470/2619046X_2024_1_85.

Несмотря на значительный прогресс за 50 лет в научном знании о феномене выгорания, его концептуализация и измерение продолжают оставаться предметом многочисленных исследований и дискуссий. Концептуальные основы структуры и динамики выгорания, заложенные в трудах К. Маслак, сыграли значительную роль как в популяризации данной проблематики, так и в стимулировании эмпирических исследований и публикаций в рамках предложенной трехкомпонентной парадигмы.

Началом исследований феномена выгорания (*burnout*) принято считать публикацию в 1974 г. статьи американского психиатра Г.Дж. Фройденбергера, в которой были описаны симптомы состояния истощения и усталости у волонтеров и медперсонала примерно через год после начала работы в бесплатной клинике либо кризисном центре [5].

Изучение данного феномена было с энтузиазмом подхвачено преподавателем психологии Калифорнийского университета в Беркли Кристиной Маслак, поскольку значительная часть бесплатных клиник в США были расположены именно в Калифорнии. Симптомы выгорания обнаруживают у персонала детских садов [13] и психиатрических учреждений [20], а также у адвокатов [14] и полицейских [15].

В 1978 г. на собрании Западной психологической ассоциации К. Маслак и С. Джексон представили шкалу для оценки выгорания под названием *Maslach Burn-Out Inventory (MBI)*. Валидный и надежный, простой в применении опросник предназначался для специалистов в сфере социальных услуг и включал три субшкалы: эмоциональное истощение, деперсонализацию и личные достижения [16].

К настоящему времени опросник MBI признан «золотым стандартом» измерения выгорания, используемым по разным данным в 78–90 % исследований. Аналогичный диагностический конструкт имеют *Bergen Burnout Inventory*, *Stanford Professional Fulfillment Index* и многие из русскоязычных опросников выгорания.

Именно активные исследования и концептуальное понимание выгорания как синдрома К. Маслак способствовали включению его в Международную классификацию болезней (МКБ). Он описан в главе о причинах, по которым люди обращаются в службы здравоохранения, но которые не классифицируются как болезни или состояния здоровья. В МКБ-11 выгорание имеет шифр QD85 и код QD8 – Проблемы, связанные с работой или безработицей. Синдром выгорания операционализирован Всемирной организацией здравоохранения как

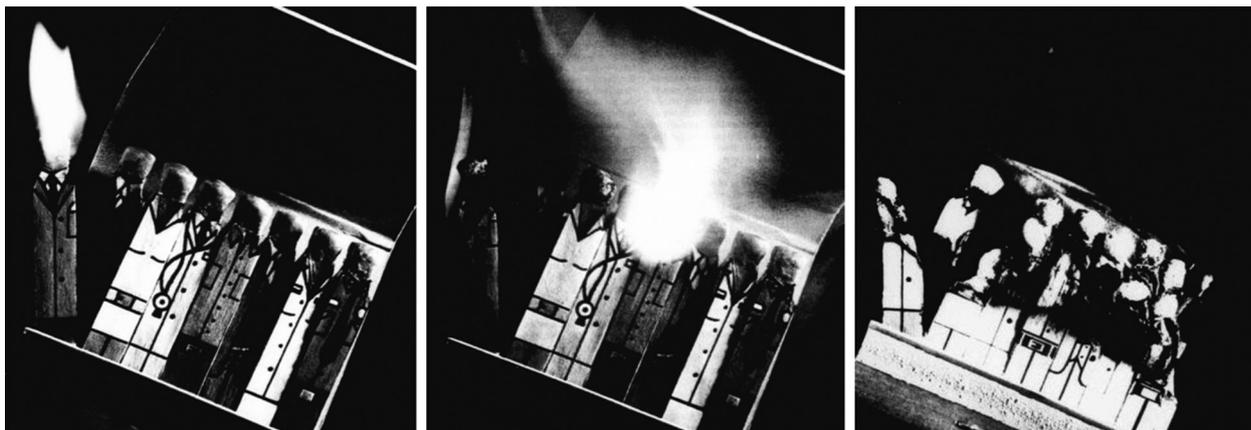

Рисунок 1. Использование метафоры горения при описании процесса выгорания
(К. Маслак, 1976)

результат хронического стресса на рабочем месте, с которым не удалось справиться, и характеризуется тремя измерениями:

- чувство истощения энергии или изнеможения;
- возрастание эмоциональной отстраненности от работы, негативное или циничное отношение к работе;
- чувство неэффективности и недостатка достижений [26].

Взгляды на процесс выгорания, в отличие от синдрома, у К. Маслак формировались постепенно.

В 1976 г. в статье «Выгоревшие» К. Маслак использовала метафору горения для иллюстрации процесса выгорания с выразительной подписью *Burned-Out Samaritans (рисунок 1)* [17].

В следующей публикации 1977 г. значительное внимание К. Маслак было уделено процессу дегуманизации, при котором происходит уменьшение осознания человеческих качеств других людей и потеря человечности в межличностном взаимодействии, а также процессу «отстраненной заботы», когда профессионал дистанцируется от клиентов/пациентов, чтобы помочь или вылечить их. Относясь к клиентам/пациентам более отстраненно, легче проводить с ними необходимые операции, не испытывая сильных эмоций и психологического дискомфорта.

Процесс выгорания начинается из-за недостаточной подготовки к преодолению эмоциональных стрессов, когда профессионалы не могут проявлять заботу о людях и приверженность, которые они изначально приносили в работу. Помимо физического истощения (а иногда и болезни) возникает эмоциональное истощение, при котором специалист больше не испытывает положительных чувств, симпатии или уважения к клиентам/пациентам. Формируется циничное и дегуманизованное восприятие клиентов/пациентов, когда их считают заслуживающими своих проблем и страданий. В результате дегуманизирующего процесса происходит ухудшение качества заботы и оказываемых услуг. Специалист, который дегуманизирует других, испытывает меньше эмпатии и меньше личных чувств, в итоге дегуманизирует и самого себя [13].

В результате сотрудничества с М. Лейтером представления о процессе выгорания К. Маслак претерпели изменения. В наиболее завершённом виде процессуальная модель выгорания К. Маслак схожа с моделью М. Лейтера и выглядит следующим образом (*рисунок 2*) [18].

Рисунок 2. Процессуальная модель выгорания (К. Маслак, 2000)

Дискуссия о последовательности фаз выгорания и причинно-следственных связях между измерениями МВИ была инициирована публикацией модели Голембиевского.

Уже в 1981 г. Р. Голембиевски и Р. Мунзенридер предложили модель выгорания, в которой три компонента генерируют последовательность из восьми фаз (таблица 1), начиная с усиления деперсонализации, затем следует снижение личных достижений, завершающееся увеличением эмоционального истощения. До пятой фазы выгорание характеризуется низкими значениями (Lo) эмоционального истощения при высоких показателях (Hi) деперсонализации и/или редукции личных достижений. Только на восьмой фазе выгорания все три компонента имеют высокие значения [7].

М. Лейтер в сотрудничестве с К. Маслак в 1988 г. предложил последовательность взаимосвязей между субшкалами МВИ, при которой в ответ на рабочие требования прежде всего возникает эмоциональное истощение. Чрезмерное истощение, в свою очередь, приводит к деперсонализации: работники пытаются эмоционально дистанцироваться от клиентов, чтобы справиться с истощением. Истощение и ухудшение отношений с клиентами затем снижают чувство удовлетворения, поскольку работа теряет свой смысл [10].

Таблица 1

Восьмифазовая модель выгорания (Р. Голембиевски и Р. Мунзенридер, 1981)

	Фазы выгорания							
	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII
Деперсонализация	Lo	Hi	Lo	Hi	Lo	Hi	Lo	Hi
Личные достижения (R)	Lo	Lo	Hi	Hi	Lo	Lo	Hi	Hi
Эмоциональное истощение	Lo	Lo	Lo	Lo	Hi	Hi	Hi	Hi

В более позднем варианте модель Лейтера (рисунок 3) сохранила взаимосвязь между истощением и деперсонализацией, описанную выше, но изменила соотношение личных достижений с двумя другими компонентами выгорания.

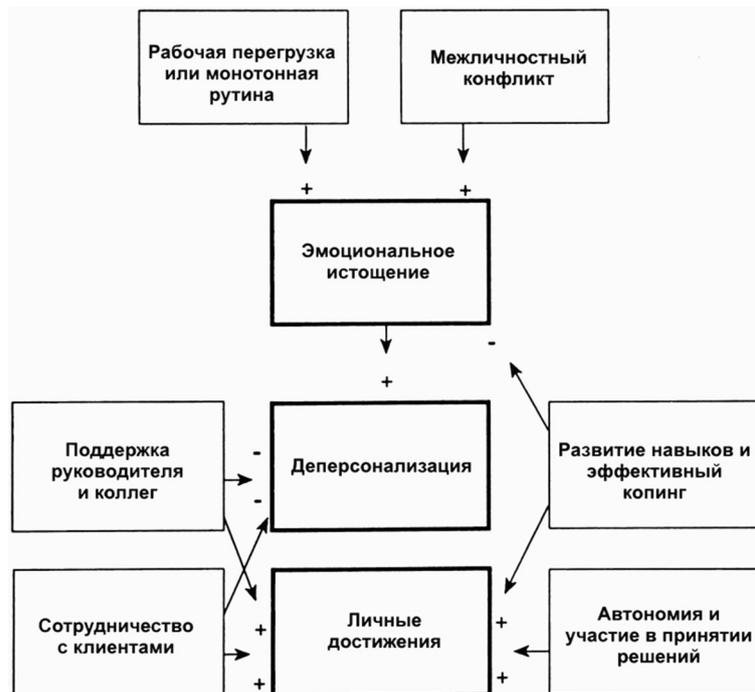

Рисунок 3. Процессуальная модель выгорания (М. Лейтер, 1993)

Процессуальная модель выгорания Лейтера в итоговом варианте, апробированная как на поперечных, так и на продольных данных, рассматривает деперсонализацию как функцию эмоционального истощения, опосредующего большую часть влияния средовых условий на деперсонализацию. Личные же достижения являются функцией рабочей среды и развиваются параллельно с компонентом эмоционального истощения, поскольку возникают как индивидуальная реакция на средовые трудности. Модель предполагает, что рабочие требования (нагрузка, конфликты) усугубляют истощение, что в свою очередь способствует усилению деперсонализации, в то время как наличие ресурсов (социальная поддержка, возможности для повышения квалификации) влияет на личные достижения. Взаимосвязи между тремя компонентами выгорания отражают процессы, происходящие как внутри человека, так и в организационном контексте. В значительной степени взаимосвязь между эмоциональным истощением и личными достижениями существует вне человека. Следовательно, эта точка зрения противоречит изначальной модели Лейтера – Маслак, которая предлагала полностью внутреннюю модель, в которой эмоциональное истощение запускало весь синдром выгорания в ответ на стрессоры рабочей среды.

В целом, взгляд М. Лейтера на взаимосвязи между субшкалами МВИ изменился с модели последовательного развития на смешанную модель последовательного и параллельного развития выгорания [11].

Модель процесса выгорания Дж. Гейнс и Дж.М. Джермиера рассматривает эмоциональное истощение (экстремально аффективный и хронический тип напряжения) как первую его стадию и, следовательно, критическую точку для вмешательства. Эмоциональное истощение служит уникальным индикатором качества трудовой жизни, позволяющим оценить кумулятивный эффект стрессов в работе [6].

В модели, разработанной Р. Ли и Б. Эшфортом на основе апостериорного анализа, выгорание прогрессирует от эмоционального истощения к деперсонализации и от эмоционального истощения к недостатку личных достижений. Эмоциональное истощение является наиболее важным элементом в процессе выгорания, поскольку напрямую влияет на деперсонализацию и – в меньшей степени – на достижение целей и текучесть кадров [12].

Согласно альтернативной модели П.Р. Хиль-Монте, Х.М. Пейро, П. Валькарсея, процесс выгорания прогрессирует к деперсонализации параллельно от личных достижений и от эмоционального истощения. Объяснение взаимосвязи между измерениями МВИ основано на концепции когнитивной оценки Лазаруса – Фолкман. В отличие от моделей Голембиевского, Лейтера – Маслак, Ли – Эшфорта предполагается, что до деперсонализации имеет место когнитивный процесс вторичной оценки неуспешных копинг-стратегий. В процессе выгорания работники испытывают недостаток личных достижений и усиление эмоционального истощения при столкновении со стрессогенными ситуациями, когда рабочие требования хронически превышают ресурсы, а копинг-стратегии терпят неудачу. В альтернативной модели взаимосвязь между недостатком личных достижений и деперсонализацией объясняется на основе теории фрустрации и агрессии, а истощение эмоциональной энергии соответствует связанному с работой напряжению. Компонент деперсонализации рассматривается как реакция отстранения при проблемно-ориентированном копинге. Прежде, чем отреагировать деперсонализацией, специалисты безуспешно пробовали другие копинг-стратегии (например, стратегии контроля или эскапизма). После переоценки, как с отсутствием личных достижений, так и с истощением специалист пытается справиться, относясь к другим скорее как к объектам или числам, чем как к людям [8].

Три модели причинно-следственных связей между тремя компонентами выгорания, измеренными с помощью МВИ, были изучены Д. ван Дирендонком, В.Б. Шауфели и Б.П. Буунком на основе данных продольных исследований. В наиболее подходящей модели личные достижения синхронно влияли на деперсонализацию, а деперсонализация, в свою очередь, синхронно влияла на эмоциональное истощение, то есть личные достижения – отправная точка процесса выгорания. Для преодоления ежедневного стресса профессионалы со сниженным чувством компетентности предпочитают дистанцироваться от своих реципиентов и обезличивают их. Исследователи считают, вопреки модели К. Маслак, что неверно сосредотачиваться на ранних признаках истощения – когда эти признаки появляются, процесс выгорания уже идет полным ходом. Вместо этого следует фиксировать изменения отношения к своей компетентности (снижение личных достижений) и реципиентам (деперсонализация). Иначе действительно наступает истощение, и выгорание развивается в полном объеме [2].

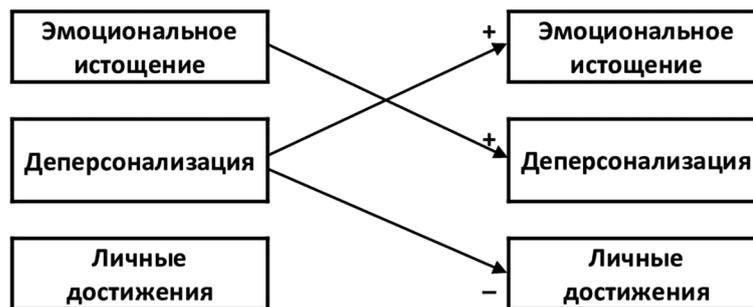

Рисунок 4. Модель выгорания с эффектом обратной связи (Т. Тарис с колл., 2005)

Т. Тарис с колл. предложили модель с надежными доказательствами концептуализации выгорания как процесса развития, в которой синтезированы предположения моделей Лейтера – Маслак и Ли – Эшфорта и дополнительно включен эффект обратной связи между деперсонализацией и эмоциональным истощением (рисунок 4). Лонгитюдное исследование показало, что высокий уровень истощения связан с высоким уровнем деперсонализации спустя один год. Кроме того, более высокий уровень деперсонализации приводит к более высокому уровню эмоционального истощения и более низкому уровню личных достижений. Этот эффект обратной связи деперсонализации на переменную, обозначающую начало выгорания (эмоциональное истощение), согласуется с представлением о том, что психологический уход в форме деперсонализации является дисфункциональной и неэффективной копинг-стратегией [21].

Модерирующий эффект деперсонализации (DP) при прогнозировании трех измерений выгорания в более поздний момент времени был выявлен в продольном исследовании С. Дистеля и К.-Х. Шмидта (рисунок 5). Контрастные сравнения различных моделей путей подтвердили, что эмоциональное истощение возникает первым при развитии выгорания [3].

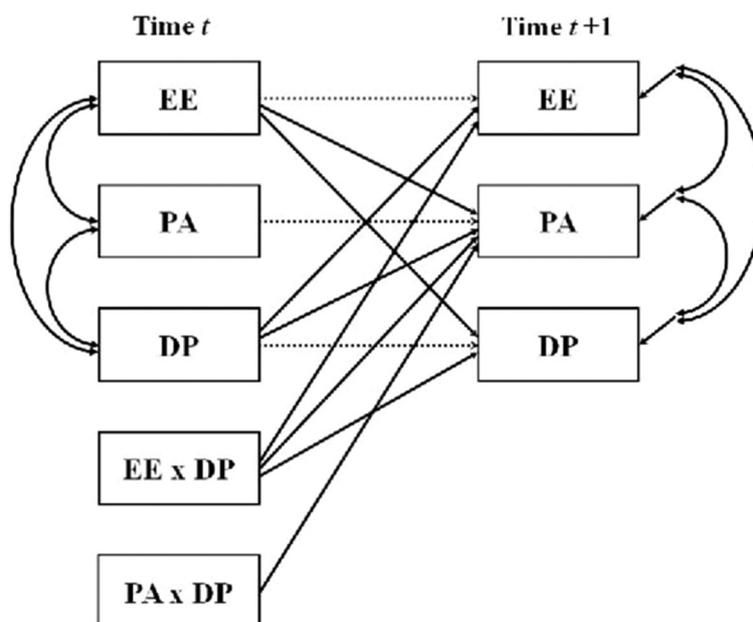
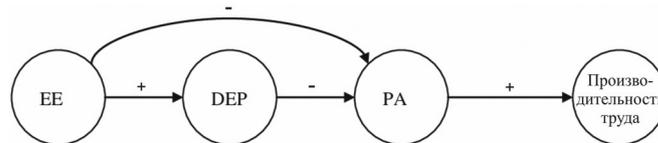

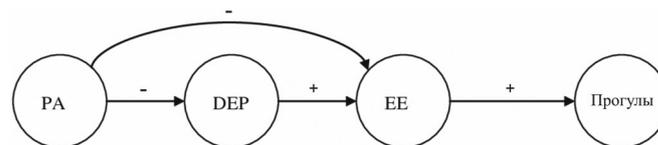
Рисунок 5. Модерирующий эффект деперсонализации при развитии выгорания (С. Дистель и К.-Х. Шмидт, 2010)

Б.В. Свайдер и Р.Д. Циммерман представили результаты метаанализа связей между выгоранием и показателями прогулов, текучести кадров и производительности труда. Для каждого из показателей были апробированы три различные теоретические модели процесса выгорания, а затем представлен путевой анализ с наилучшим соответствием.

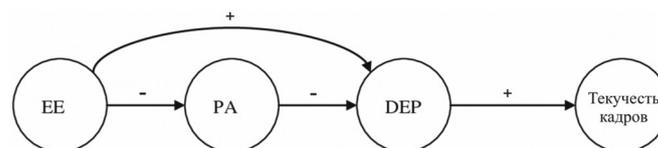
Наиболее подходящей моделью для показателя производительности труда является: эмоциональное истощение (ЕЕ) → деперсонализация (DEP) → личные достижения (РА), с прямым эффектом влияния эмоционального истощения на личные достижения, что соответствует модели Маслак. Личные достижения являются наиболее близким к производительности труда компонентом выгорания.

Наиболее подходящей для показателя прогулов является модель: личные достижения → деперсонализация → эмоциональное истощение, с прямым эффектом влияния личных достижений на эмоциональное истощение, что близко к модели Голембиевского.

Для показателя текучести кадров наиболее подходящей моделью является: эмоциональное истощение → личные достижения → деперсонализация, с прямым эффектом влияния эмоционального истощения на деперсонализацию. Эти результаты подтверждают модель, разработанную Б.В. Свайдером и Р.Д. Циммерманом [22].

Сравнительный анализ динамики компонентов выгорания с позиций социально-когнитивной теории самооффективности, теории социального обмена и структурной теории осуществили С. Эду-Вальсания, А. Лагия, Дж.А. Мориано.

Социально-когнитивная теория в развитии выгорания центральную роль отводит таким индивидуальным переменным, как самооффективность, уверенность в себе и самооценка. Выгорание возникает, когда при достижении профессиональных целей работник сомневается в собственной эффективности или эффективности своей группы. Это бывает из-за негативного опыта, чрезмерной критики, трудностей на работе, отсутствия эталонных моделей, которые прошли через аналогичный опыт и успешно с ним справились, отсутствия внешнего подкрепления или обратной связи в работе. Кризис эффективности приводит к низкой профессиональной самореализации, которая сохраняясь в течение долгого времени, вызывает эмоциональное истощение, а затем и цинизм/деперсонализацию как способы справиться со стрессом.

Согласно теории социального обмена, выгорание возникает, когда работник ощущает отсутствие справедливости между вкладом, приложенными усилиями и результатами своей работы. Недостаток взаимного обмена, который может возникать в отношениях с клиентами, коллегами, руководителями и организациями, истощает эмоциональные ресурсы профессионалов, вызывая хроническое эмоциональное истощение. Выгорание может быть вызвано и требованиями, связанными с эмоционально изматывающим общением с клиентами. Для избегания контакта с источником дискомфорта в качестве стратегии преодоления стресса используются деперсонализация или цинизм, что в конечном итоге приводит к низкой самореализации личности.

Структурная теория постулирует, что выгорание – это реакция на хронический стресс на работе, который возникает, когда используемые для борьбы с рабочими стрессорами копинг-стратегии терпят неудачу. Это приводит к профессиональной неудаче, усилению состояния низкой реализованности в работе и эмоциональному истощению. Столкнувшись с этими чувствами, субъект развивает установку на деперсонализацию как новую форму копинга [4].

Проверяя предположения о долгосрочных траекториях выгорания, А. Мякикангас с колл. на основе пяти замеров в течение восьми лет идентифицировали три основных профиля. Помимо стабильного профиля с низким уровнем выгорания (78 % сотрудников), был выявлен возрастающий профиль выгорания, инициированного истощением (12 %), а также нелинейный профиль (в виде перевернутой буквы U) с преобладанием симптомов цинизма и низкой профессиональной эффективности (10 %). Выгорание, следовательно, это динамический процесс с различными комбинациями симптомов и их временного порядка [19].

Таким образом, все модели неоднократно проверялись в лонгитюдных и перекрестных исследованиях, исследованиях с выводом о том, что какая-то из них лучше всего соответствует эмпирическим данным и, следовательно, именно ее следует принять как верно отражающую процесс выгорания и взаимодействие между тремя измерениями МВИ. Наиболее спорные моменты заключаются в том, какой из компонентов выгорания возникает первым, вызывая затем появление остальных компонентов, и является ли выгорание более сложным феноменом, чем эмоциональное истощение.

Исследования структуры и динамики выгорания в отечественной психологии также часто апеллируют к трехкомпонентной модели К. Маслак.

Многочисленные проявления выгорания Л.А. Китаев-Смык сводит к трем формам-фазам:

1. **«Уплощение эмоций»**, когда исчезает острота чувств и переживаний. У работников на фоне утомления возникает стремление лучше работать с пациентами: общаться душевнее, проникновеннее, даже «по-родственному». Однако это не повышение качества работы, а результат невольной попытки вопреки утомлению продолжать работать хорошо, качественно. Гиперэмоциональное сопереживание, «сверхсочувствие» клиентам вскоре сменяется приступами равнодушия к ним.
2. **Конфронтация с клиентом**, когда возбужденные или утомленные необходимостью сдерживать свой внутренний протест против душевных затрат работники начинают пренебрежительно, а потом и с издевкой высказываться о своих пациентах. Чувствуя стойкую неприязнь к клиентам, они их игнорируют, потом уклоняются от работы с ними (частые перекуры, перерывы на кофе), затем учащаются отгулы, прогулы, отсутствие «по болезни». Возникает застойное переживание обиженности на якобы недостаточное одобрение начальства, на неблагодарность клиентов, на то, что «за такую работу платят мало денег» и т.п.
3. **Потеря ценностных ориентаций**, когда при общении с клиентами и сослуживцами у работников возникает стойкое недоверие к их высказываниям, навязчивая критичность к ошибкам, недостаткам, то есть внимание сфокусировано лишь на плохом. Выгорающая личность портит всем настроение в коллективе, заражая его выгоранием. Это может чередоваться или сочетаться с недовольством собой, ощущением снижения собственной компетентности, мучительным чувством своей несостоятельности. Это социально и экономически опасное последствие выгорания, поскольку выгорающий может попытаться сменить работу.

Исследования показали, отмечает Л.А. Китаев-Смык, что три формы выгорания протекают одновременно, но все же первоначально более заметна «сверхдушевность» [24].

В.Е. Орел в своей концепции психического выгорания как «анти-системы» характеризует динамику его основных составляющих в процессе профессионального развития как обратный системогенез. Гетерохронный характер развития выгорания проявляется в следующей последовательности формирования его компонентов: сначала цинизм и низкая самооценка профессиональной эффективности, затем – психоэмоциональное истощение. Неравномерный характер генезиса выгорания обуславливается спецификой профессиональной деятельности. Трехкомпонентная структура отчетливо выражена только в профессиях субъект-субъектного типа, а в профессиях субъект-объектного типа она трансформируется путем уменьшения роли цинизма как самостоятельного фактора и передаче ряда его признаков психоэмоциональному истощению [25].

Его ученицей К.Ю. Жегловой выявлена другая последовательность возникновения компонентов выгорания в процессе профессионального становления личности: сперва появляется эмоциональное истощение, затем – редукция профессиональных достижений и деперсонализация. В частности, у операторов телекоммуникационной связи сначала увеличивается выраженность эмоционального истощения, далее идет снижение уровня профессиональной эффективности, выраженность деперсонализации практически не меняется [23].

Ряд исследователей настаивают на необходимости переработки и совершенствования концептуальных основ структуры и динамики выгорания.

Г.Ф. Коеске и Р.Д. Коеске отмечают, что трехкомпонентная концептуализация не способствовала развитию теории выгорания. Признавая психометрические качества МБИ для измерения явлений, связанных с выгоранием, они предлагают переосмыслить концепцию выгорания в контексте своей SSO-модели (*Stress–Strain–Outcome*, «стресс–напряжение–результат»). Их реконцептуализация идентифицирует выгорание исключительно с субшкалой эмоционального истощения МБИ, а субшкалу личных достижений рассматривает как моде-

рирующую переменную, которая смягчает влияние истощения на негативные последствия работы. Напряжение в этой модели – это выгорание (эмоциональное истощение), которое опосредует отношения «стресс–результат», то есть прямого влияния стресса на результат нет. Стресс оказывает косвенное влияние на результат, и это зависит от степени выгорания. Для упрощения модели был исключен третий компонент МБИ – деперсонализация клиентов, однако деперсонализация рассматривается как еще один результат эмоционального истощения [9].

Метаанализ исследований по психометрической проверке МБИ-GS (*Maslach Burnout Inventory-General Survey*) выявил недостаточную структурную обоснованность методики, а также пригодность двухфакторного решения, при котором истощение и цинизм группируются вместе как комбинированный фактор (ядро выгорания). Профессиональная эффективность при этом выступает как отдельный фактор, но ее полное исключение из синдрома выгорания может быть контрпродуктивным [1].

Таким образом, концептуальные дебаты о причинно-следственных связях между тремя измерениями МБИ продолжаются, и данный вопрос нельзя считать окончательно решенным.

Подведем итоги:

1. В концепции К. Маслак, исследователя-пионера проблематики выгорания, данный феномен понимается как синдром и как процесс.
2. Опросник *Maslach Burnout Inventory (MBI)* считается «золотым стандартом» измерения выгорания, оценивающим синдром выгорания в соответствии с Международной классификацией болезней и используемым по разным данным в 78–90 % исследований.
3. Вопрос о последовательности фаз выгорания и причинно-следственных связях между тремя измерениями МБИ (эмоциональное истощение, деперсонализация, личные достижения) решается различными исследователями по-разному. Наиболее часто сравниваются модели Голембиевского (1981), Лейтера – Маслак (1988), Ли – Эшфорта (1993), ван Дирендонка (2001), Тариса (2005).
4. Одним из спорных моментов, по которому предположения моделей существенно различаются, является роль эмоционального истощения. В то время как модели Голембиевского, ван Дирендонка утверждают, что истощение представляет собой заключительную стадию развития выгорания, модели Лейтера – Маслак, Ли – Эшфорта, Тариса считают, что эмоциональное истощение является исходным его компонентом и, соответственно, основной терапевтической мишенью.
5. Сомнению подвергаются как валентность (положительная) субшкалы личных достижений (профессиональной эффективности), так и ее операционализация в качестве основного компонента синдрома выгорания.

В целом, несмотря на критику и создание альтернативных инструментов измерения выгорания, концепт и конструкт выгорания К. Маслак по-прежнему актуальны, являясь основой для современных исследований.

Список источников

1. De Beer L.T., van der Vaart L., Escaffi-Schwarz M., De Witte H., Schaufeli W.B. Maslach Burnout Inventory – General Survey: A systematic review and meta-analysis of measurement properties // *European Journal of Psychological Assessment*. 2024.
2. Dierendonck D. van, Schaufeli W.B., Buunk B.P. Toward a process model of burnout: Results from a secondary analysis // *European Journal of Work and Organizational Psychology*. 2001. Vol. 10 (1).
3. Diestel S., Schmidt K.-H. Direct and interaction effects among the dimensions of the Maslach Burnout Inventory: Results from two German longitudinal samples // *International Journal of Stress Management*. 2010. Vol. 17(2).

4. *Edu-Valsania S., Laguía A., Moriano J.A.* Burnout: A Review of Theory and Measurement // *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 2022. Vol. 19, 1780.
5. *Freudenberger H.* Staff Burn-out // *Journal of Social Issues*. 1974. Vol. 30 (1).
6. *Gaines J., Jermier J.M.* Emotional exhaustion in a high stress organization // *Academy of Management Journal*. 1983. Vol. 26 (4).
7. *Golembiewski R.T., Munzenrider R.* Phases of psychological burn-out and organizational covariants: a replication using norms from a large population // *Journal of health and human resources administration*. 1984. Vol. 6 (3).
8. *Gil-Monte P.R., Peiró J.M., Valcárcel P.* A model of burnout process development: An alternative from appraisal models of stress // *Comportamento organtzacional e gestão*. 1998. Vol. 4 (1).
9. *Koeske G.F., Koeske R.D.* A Preliminary Test of a Stress-Strain-Outcome Model for Reconceptualizing the Burnout Phenomenon // *Journal of Social Service Research*. 1993. Vol. 17.
10. *Leiter M.P., Maslach C.* The impact of interpersonal environment on burnout and organizational commitment // *Journal of Organizational Behavior*. 1988. Vol. 9 (4).
11. *Leiter M.P.* Burnout as a developmental process: Consideration of models // *Professional Burnout: Recent Developments in Theory and Research* / eds. W. Schaufeli, C. Maslach, T. Marek. Washington, 1993.
12. *Lee R.T., Ashforth B.E.* A Longitudinal Study of Burnout among Supervisors and Managers: Comparisons between the Leiter and Maslach (1988) and Golembiewski et al. (1986) Models // *Organizational Behavior and Human Decision Processes*. 1993. Vol. 54.
13. *Maslach C., Pines A.* The Burn-Out Syndrome in the Day Care Setting // *Child Care Quarterly*. 1977. Vol. 6(2).
14. *Maslach C., Jackson S.E.* Lawyer burnout // *Barrister*. 1978. Vol. 5(2, 8).
15. *Maslach C., Jackson S.E.* Burned-out cops and their families // *Psychology Today*. 1979. Vol. 12 (12).
16. *Maslach C., Jackson S.E.* The measurement of experienced burnout // *Journal of Organizational Behavior*. 1981. № 2.
17. *Maslach C.* Burned-out // *Human Behavior*. 1976. № 9.
18. *Maslach C., Leiter M.P.* A multidimensional Theory of Burnout // *Theories of Organizational Stress* / ed. C.L. Cooper. New York, 2000.
19. *Mäkikangas A., Leiter M.P., Kinnunen U., Feldt T.* Profiling development of burnout over eight years: relation with job demands and resources // *European Journal of Work and Organizational Psychology*. 2021. Vol. 30 (5).
20. *Pines A., Maslach C.* Characteristics of staff burnout in mental health settings // *Hospital and Community Psychiatry*. 1978. Vol. 29 (4).
21. *Taris T.W., Le Blanc P.M., Schaufeli W.B., Schreurs P.* Are there causal relationships between the dimensions of the Maslach Burnout Inventory? A review and two longitudinal tests // *Work & Stress*. 2005. Vol. 19 (3).
22. *Swider B.W., Zimmerman R.D.* Born to burnout: A meta-analytic path model of personality, job burnout, and work outcomes // *Journal of Vocational Behavior*. 2010. Vol. 76.
23. *Жеглова К.Ю.* Особенности динамики формирования психического выгорания в профессии оператора телекоммуникационной связи: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Ярославль, 2007.
24. *Кутаев-Смык Л.А.* Психология стресса. Психологическая антропология стресса. М., 2009.
25. *Орел В.Е.* Структурно-функциональная организация и генезис психического выгорания: автореф. дис. ... д-ра психол. наук. Ярославль, 2005.
26. Выгорание. URL: <https://mkb11.online/129350> (дата обращения: 24.02.2024).

Информация об авторе

Е.А. Трухан – кандидат психологических наук, доцент; доцент кафедры общей и медицинской психологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета, г. Минск, Республика Беларусь

Information about the author

E.A. Truhan – Candidate of Science in Psychology, Associate Professor; Associate Professor of the Department of General and Medical Psychology of the Faculty of Philosophy and Social Sciences of the Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus

Статья поступила в редакцию 17.01.2024; одобрена после рецензирования 19.02.2024; принята к публикации 20.02.2024.

The article was submitted 17.01.2024; approved after reviewing 19.02.2024; accepted for publication 20.02.2024.

Научная статья

УДК 159.9.07

doi:10.52470/2619046X_2024_1_98

Современная общая практика оценки личностного потенциала человека как основы становления профессионализма

Оксана Николаевна Комарова ¹, Алла Львовна Рассказова ²

^{1,2} Московский городской педагогический университет, г. Москва, Россия

¹ okomarova2009@yandex.ru

² allarasskazova@mail.ru

Аннотация. В современном мире востребованы высококвалифицированные субъекты профессиональной деятельности, владеющие новыми технологиями, осваивающие деятельность на новом уровне информационного и интеллектуального потенциала, обладающие новыми компетенциями. Внутренние ресурсы (внутренний потенциал) обеспечивают успешность профессиональной деятельности, а также являются источником развития личности профессионала. В целях прогнозирования профессиональной успешности потенциальных сотрудников кадровый менеджмент занимается разработкой новых систем оценивания разнообразных личностных характеристик будущих сотрудников, посредством разнообразных психометрических инструментов. В статье представлены современные модели личности, описывающие человека по большому количеству показателей, рассмотрены требования к личностному потенциалу человека в рамках необходимых компетенций для разных профессий, дано описание современной общей практики профессионального тестирования при приеме на работу в ведущих отечественных и зарубежных компаниях. Дана характеристика личностного потенциала работников как совокупности относительно устойчивых качеств, которые позволяют увидеть перспективу профессиональной эффективности в новых условиях. Проведенное исследование выявило системообразующие факторы, определяющие успешность в рамках различных профессий и видов деятельности, которые можно и нужно оценивать в плане решения задач психологического обеспечения профессиональной деятельности.

Ключевые слова: личностный потенциал, компетенции, профессия, профессионально-важные качества

Для цитирования: Комарова О.Н., Рассказова А.Л. Современная общая практика оценки личностного потенциала человека как основы становления профессионализма // Вестник Московского информационно-технологического университета – Московского архитектурно-строительного института. 2024. № 1. С. 98–106. https://doi:10.52470/2619046X_2024_1_98.

Original article

Modern general practice of assessment of personal potential of a person as a basis for the formation of professionalism

Oksana N. Komarova¹, Alla L. Rasskazova²

^{1,2} Moscow City Teachers' Training University, Moscow, Russia

¹ okomarova2009@yandex.ru

² allarasskazova@mail.ru

Abstract. In the modern world, there is a demand for highly qualified professionals who are able to use new technologies, master activities at a new level of informational and intellectual potential, and have new competences. Internal resources (internal potential) ensure the success of professional activity and are a source of a professional's personality development. In order to predict the professional success of potential employees, personnel management is engaged in the development of new systems for assessing a variety of personality characteristics of future employees, through a variety of psychometric tools. The article presents modern personality models describing a person by a large number of indicators, considers the requirements to the personal potential of a person within the framework of the necessary competences for different professions, and describes the current general practice of professional testing at employment in leading domestic and foreign companies. The personal potential of employees is characterised as a set of relatively stable qualities that allow to see the prospect of professional efficiency in new conditions. The conducted research has revealed the system-forming factors that determine success in various occupations and activities, which can and should be evaluated in terms of solving the problems of psychological support of professional activity.

Keywords: personal potential, competences, profession, professionally important qualities

For citation: Komarova O.N., Rasskazova A.L. Modern general practice of assessment of personal potential of a person as a basis for the formation of professionalism // Herald of the Moscow University of Information Technologies – Moscow Architectural and Construction Institute. 2024. № 1. P. 98–108. https://doi:10.52470/2619046X_2024_1_98.

Профессиональная деятельность человека является основным фактором в его социальном и личностном развитии. Современные выпускники школ, средних профессиональных учебных заведений и вузов должны научиться реализовывать, в первую очередь, задачи личностного самоутверждения, необходимого для успешного профессионального продвижения. Внутренние личностные ресурсы (личностный потенциал) являются источником становления профессионала.

Существует большое разнообразие концепций, моделей, взглядов, иногда противоположных позиций ученых в отношении личностного и профессионального развития современного высококвалифицированного специалиста.

В целях прогнозирования профессиональной успешности потенциальных сотрудников кадровый менеджмент занимается разработкой новых систем оценивания разнообразных личностных характеристик будущих сотрудников, посредством разнообразных психометрических инструментов.

Для эффективного развертывания этой работы Агентство стратегических инициатив на системном уровне обобщило все компетенции и предложило общую систему квалификаций [5]:

1. В качестве базовой выделяется группа квалификаций, имеющих профессиональную направленность. Здесь выделяются три уровня требований к профессионалу, адресованные к знаниям, далее умениям и профессиональным навыкам.
2. Дополнительная группа относится к специфическим требованиям в отношении знаний, умений и навыков профессионалов, связанных с должностными особенностями (например, руководителя, проектного менеджера).
3. Третью группу составляют личностные компетенции, определяемые личностной структурой человека и получившие название «над-профессиональные компетенции».

Благодаря своим личностным качествам человек способен преодолевать ситуации, выходящие за рамки основной, адаптироваться в нестандартных ситуациях [10]. Над-профессиональные компетенции необходимы при решении проблем межотраслевого взаимодействия и работы в рыночной конъюнктуре. Именно эти компетенции в настоящее время рассматриваются как основные в профессиональной практике.

В кадровом менеджменте возникло новое измерение – потенциал сотрудника, который позволяет увидеть перспективу профессиональной успешности в новых условиях. В российской и зарубежной практике управления персоналом акцент всё больше смещается на выявление и оценку личностного потенциала работников [6]. Организации занимаются разработкой и внедрением собственных моделей потенциала, инструментов его измерения, что позволяет выстраивать прогноз эффективности сотрудников.

Рассмотрим существующие в настоящее время тестовые разработки, используемые компаниями по управлению персоналом.

I. Широко известная компания «Talent Q» использует как основной инструмент оценки личностных характеристик поступающих на работу личностный опросник Dimensions [13]. Опросник Dimensions направлен на исследование таких областей, как система межличностных отношений, внутренний личностный самоконтроль, интеллектуальные и волевые ресурсы в рамках профессиональной деятельности.

Каждая из областей включает в себя пять ключевых характеристик, представляющих шкалы личностного профиля.

1. Межличностные отношения:
 - общительность;
 - влияние;
 - социальная уверенность;
 - заботливость;
 - кооперативность.
2. Интеллектуальные ресурсы:
 - аналитичность;
 - концептуальность;
 - креативность;
 - методичность;
 - нормативность.
3. Внутренний личностный самоконтроль:
 - уравновешенность;
 - жизнелюбие;
 - гибкость;

- деятельность;
- мотивация достижений.

II. Консалтинговая и HRTech-компания «Экопси консалтинг» – разработчик крупнейшей в России платформы для тестирования и проведения опросов персонала, на основе широких и глубоких научных исследований – создала модель личностного потенциала эффективного работника [3].

Возникло новое измерение – потенциал сотрудника, который позволяет увидеть перспективу профессиональной успешности в новых условиях. В российской и зарубежной практике управления персоналом акцент всё больше смещается на выявление и оценку личностного потенциала работников. Организации занимаются разработкой и внедрением собственных моделей потенциала, инструментов его измерения, что позволяет выстраивать прогноз эффективности сотрудников.

Исследования показывают, что только 30 % высокорезультативных сотрудников (High Professionals) эффективны в новой деятельности. Таким образом, на смену кадровым резервам приходят пулы High Potential (высокопотенциальных сотрудников), способных овладеть новыми компетенциями и претендовать на широкий спектр позиций.

Потенциал – совокупность относительно устойчивых качеств для достижения новых профессиональных целей, решения поставленных задач, определяют успешность сотрудника.

Изначально считалось, что составляющие личностного потенциала будут различаться в зависимости от профессии, занимаемой позиции, задач, которые решает субъект деятельности. Проведенные исследования выявили системообразующие факторы, которые определяют успешность в рамках различных профессий и видов деятельности. Возникла идея универсальной модели потенциала.

Модель включает в себя четыре шкалы.

1. Шкала «Анализ»:
 - скорость мышления;
 - критическое мышление.
2. Шкала «Изменения»:
 - мотивация к развитию;
 - открытость мышления.
3. Шкала «Коммуникация»:
 - мотивация к лидерству;
 - социальный интеллект.
4. Шкала «Амбициозность».

III. В рамках своей концепции компания «Экопси консалтинг» активно использует личностный опросник OPQ32. В модели OPQ32 представлены личностные черты в трех основных областях (разделах), включающих группу конкретных компетенций, обусловленных 3–6 личностными факторами. Суммируя личностные факторы по всем подгруппам, авторы выходят на 32 личностных фактора [9]:

- влияние (убедительность, доминирование, прямота, независимость мышления);
- сопереживание (дружелюбность, общительность, социальная уверенность);
- коммуникабельность (скромность, демократичность, заботливость).

Стиль мышления:

- аналитическое мышление (рациональность, способность к оценке, поведенческое мышление);
- творчество и готовность к изменениям (следование правилам, концептуальность мышления, приспособляемость, инновационность мышления, стремление к разнообразию);

- структурность мышления (стратегическое мышление, внимание к деталям, настойчивость, следование правилам).

Чувства и эмоции:

- эмоции (расслабленность, тревожность, необидчивость, оптимистичность, доверчивость, самоконтроль);
- динамизм (энергичность, конкурентность, стремление достичь большего, решительность).

Опросник OPQ32 стал обязательным при приеме в самые крупные и успешные международные компании. Он также является основным психометрическим инструментом компании SHL – мирового лидера в области объективной оценки персонала, а также компании «Workable» (онлайн-сервис оценки соискателей). Опросник используется как основной у отечественных работодателей.

IV. Широкой известностью при трудоустройстве выпускников школ и вузов пользуется опросник PAPI, который также связан с моделью личности большой пятерки. Это инструмент, используемый компаниями по всему миру, что объясняется теоретической моделью личности, на которой он основан. Он признан действенным и надежным инструментом измерения личности многими международными организациями, такими как Британское психологическое общество, Шведский комитет по тестированию и Хартия издателей средств оценки людей. В качестве основного инструмента подбора персонала используется международной компанией «Subiks», предоставляющей услуги в сфере HR. Имеет больше количество филиалов и сеть партнеров, представляющих компанию и оказывающих услуги по всему миру.

PAPI состоит из 20 шкал компетенций, сгруппированных по 7 факторам, каждая из которых включает от двух до четырех шкал. Каждая шкала содержит 6 уникальных элементов – вопросов, что дает в общей сложности 132 личностных элемента [8].

1. Ориентация на успех – значение продвижения по работе либо важность карьеры, поддержки руководства/организации и мотивирующее влияние упорной работы.
2. Активная доминанция – стремление оказывать влияние на других и осознание эффективности в менеджерской позиции.
3. Добросовестность и последовательность – в какой мере рабочая деятельность ведется систематически и по плану.
4. Открытость новому опыту – каким образом человек реагирует на перемены и создает возможности для перемен либо иного подхода.
5. Общительность – важное значение работы с людьми, формирование правильных отношений с другими людьми.
6. Темп работы – точка зрения личности, в какой срок будет окончена работа, сделаны выводы и приняты решения.
7. Выражение мнений и эмоций – необходимость сформулировать свой взгляд и мера, в которой человек выражает свои чувства.

V. Тест Гэллапа – это общее название психометрического инструмента CliftonStrengths, ранее называвшегося StrengthsFinder, разработанного Институтом Гэллапа. Тест был изобретен Доном Клифтоном и известен также как оценка сильных сторон Гэллапа или Тест сильных сторон Клифтона. Clifton StrengthsFinder используется компаниями из списка Fortune 500 («Газпром», «Лукойл», «Роснефть», «Сбербанк» и другими организациями для максимального раскрытия потенциала).

Руководители предприятий используют эту оценку, чтобы распределять задачи на основе сильных сторон, а не работать над устранением слабых сторон. Это онлайн-инструмент для наиболее полной оценки личности, который фокусируется на 34 темах, составляющих

личность пользователя. Тест широко используется при оценке кандидатов или рассмотрении сотрудников для внутреннего продвижения по службе.

34 темы разделены на 4 компетенции:

- стратегическое мышление;
- построение отношений;
- влияние;
- выполнение.

Результат адресуется к 5-ти наиболее выделяющимся качествам, характеризующим личностный потенциал сотрудника [2].

VI. DEEP (личный опросник) разработан в компании «Detech», развивающей комплексный подход к решению проблемы оценки персонала. Задача DEEP – комплексная оценка личностных ресурсов человека в рамках необходимых компетенций сотрудников. Опросник DEEP содержит пять ключевых характеристик (компетенций), формирующих шкалы личностного профиля:

- индивидуальные черты;
- навыки управления;
- межличностные навыки;
- навыки принятия решения;
- мотивация [4].

VII. Опросник Wave (Wave Professional Styles) разработан компанией «Saville Consulting». Модель компетенций Wave максимально соответствует реалиям современной экономики [7].

Опросник Wave включает в себя 108 личностных качеств, сведенных к четырем основным группам:

1. Решает проблему (оценивает проблему, изучает способ обсуждения, создает инновационные решения);
2. Влияет на людей (выстраивает отношения, информирует, проявляет лидерство);
3. Адаптирует способ действия (проявляет выдержку, реагирует на изменения, дает поддержку);
4. Достигает результатов (достигает результатов, структурирует задачи, приводит к успеху).

VIII. Система Hogan (личные опросники) от консалтинговой группы «ВІТОВЕ» (компания в сфере услуг является лидером российского рынка, использует в оценке персонала систему Hogan). Опросники измеряют различные аспекты личности [12]:

- личный опросник, измеряющий поведение в обычных условиях (HPI);
- опросник развития, измеряющий поведение в стрессе (HDS);
- мотивационный опросник, измеряющий ценности, цели и интересы (MVPI);
- опросник стиля мышления (Good Judgment);
- Hogan Personality Inventory (HPI);
- Hogan Development Survey (HDS) – опросник оценивает (негативные и позитивные) черты личности по одиннадцати компетенциям;
- Hogan MVPI направлен на исследование основных мотивов, целей, интересов и ценностей человека.

Good Judgment – опросник стиля мышления, включающий в себя три основные компетенции:

1. Обработка информации (вербальная – числовая).

2. Принятие решений (избегание рисков – стремление к выгоде; аналитические решения – стратегическое мышление; тактическое мышление – интуитивные решения).
3. Отношение к обратной связи (позиция защиты – невозмутимость; отрицание – принятие; неискренность – искренность).

IX. В 2000 г. бельгийская компания «JobEQ» представила свой первый полностью автоматизированный опросник по оценке метапрограммного профиля человека Inventory for Work Attitude and Motivation (IWAM) [11]. Опросник Inventory for Work Attitude and Motivation представляет собой более детализированную версию компетентностного подхода в психодиагностике. Он измеряет 16 категорий метапрограмм (48 компетенций) и позволяет прогнозировать эффективность профессиональной деятельности:

- уровень действия (иницирование, рефлексия (терпение));
- отношение к задаче (возможности (альтернативы), следование процедуре);
- тип рабочего окружения (групповое окружение, индивидуальное окружение);
- распределение энергии (концепция – применение – структура);
- структура правил (ассертивность – послушание – терпимость – безразличие);
- направление мотивации (ориентация на цель – решение проблем);
- ориентация на задачу (глобальность – детальность);
- тип рабочего задания (единоличная ответственность – разделенная ответственность);
- отношение ко времени (прошлое – настоящее – будущее);
- убедители (каналы (видеть – слышать – читать – делать));
- процессы (автоматически – последовательность – период времени – примеры);
- источник мотивации (индивидуальные мотивы – внешняя референция);
- сортировка коммуникации (аффективная коммуникация – нейтральная коммуникация);
- сортировка отношения (сходство – эволюция – различие);
- мотиваторы по МакКлелланду (принадлежность – власть – достижение);
- фокусы внимания (люди – инструменты – системы – информация – деньги – время – место – деятельность).

Ведущие международные компании продолжают активную работу по совершенствованию существующего диагностического инструментария. Данная работа направлена на выявление и оценку новых компетенций, связанных со значительными изменениями в мире профессий.

Решая задачу наиболее полного и объективного подхода к подбору персонала в современных условиях развития и трансформации профессиональной сферы, российские исследовательские центры – школа управления «СКОЛКОВО» и Агентство стратегических инициатив – проанализировали на основе учета мнения 2500 российских и международных экспертов современные запросы на новые компетенции для востребованных профессий в разных отраслях экономики [1]. На первые места вышли следующие профессиональные качества:

- владение компетенциями эффективной коммуникации;
- владение компетенциями эффективного продвижения проектов;
- достижения целевых показателей в условиях неопределенности;
- творческие способности;
- развитый интеллектуальный потенциал;
- ответственность за экономические результаты работы.

Подведем итоги. Появившиеся тренды частой смены места работы, изменения позиции и часто – профессии, формируют новую ментальность современного человека. Если

двадцать-тридцать лет назад профессиональный путь представлялся как последовательное развитие человека в рамках одной организации, то в настоящее время такая жизнь не видится человеку как единственный и основной сценарий. Вариативность поведения возрастает, спектр профессиональных ролей расширяется и изменяется.

Кардинальные изменения происходят в организации труда, технологиях, средствах деятельности, организационной культуре и других условиях социальной среды. В связи с этим, диагностика стабильных характеристик субъекта деятельности, соответствующих стабильным условиям профессиональной среды, не является адекватной для решения актуальных задач. На смену «отбраковке непригодных» приходит экологический подход в подборе персонала, при котором HR-специалисты учитывают и согласовывают множество конкретных актуальных условий времени, пространства, конкретных задач деятельности, индивидуально-психологических особенностей членов контактных рабочих групп.

Всё большую востребованность приобретают навыки гибкой адаптации к динамичной внешней среде, которая включает в себя не только определенные правила и нормы поведения, субкультуру конкретной компании, но и формирующиеся временные группы, новые цели и задачи, новый функционал. До настоящего времени диагностика степени соответствия субъекта требованиям деятельности представляет собой оценку профессиональных и личностных особенностей отдельного человека. По нашему мнению, более продуктивным вариантом является диагностика степени согласованности структур разных уровней организации человека (нейродинамического, психодинамического, личностного) и структур его стиля деятельности, соответствующих структурам индивидуальности и стилей партнёров.

Список источников

1. Атлас новых профессий 3.0 / под ред. Д. Варламовой, Д. Судакова. М., 2020.
2. *Бакингом М.* Добейся максимума: Сильные стороны сотрудников на службе бизнеса. М., 2010.
3. *Безручко П., Шатров Ю.* Что такое потенциал, и как его оценить // HRTIMES, Потенциал и эффективность. 2017. № 31.
4. Каталог экспресс-методов оценки персонала // Инструменты онлайн-оценки Ontarget: тесты способностей, личностные и мотивационные опросники. URL: https://www.detech-group.ru/wp-content/uploads/katalog-ontarget_online.pdf?ysclid=lc64ozd6e19214777 (дата обращения: 23.01.2024).
5. *Каххаров Ш.* Над-профессиональные компетенции и управление ими // Организационная психология. 2014. Т. 4. № 4.
6. *Марков В.Н.* Личностно-профессиональный потенциал кадров управления: психолого-акмеологическая оценка и оптимизация: дис. д-ра психол. наук. М., 2004.
7. Модель компетенций Wave: возможности и примеры использования // Компания Formatta – оценка и развитие сотрудников, команд, организаций. URL: <https://formatta.ru/blog/wave-competency-model> (дата обращения: 23.01.2024).
8. Оценка персонала. Лучшие практики. **Опросник PAPI (Personality and Preference Inventory) // Журнал «Штат».** URL: <https://hrmedia.ru/node/822> (дата обращения: 23.01.2024).
9. *Пояркова А.С.* Анализ применения личностных опросников для оценки soft skills кандидатов при приеме на работу в российских компаниях // Молодой ученый. 2021. № 21 (363).
10. *Рассказова А.Л., Бокуть Е.Л., Комарова О.Н., Решетникова О.В.* Самоотношение и атрибутивные схемы локус-контроля как составляющие личностного потенциала // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Педагогика и психология. 2020. № 4 (53).
11. Тестирование iWAM // JobEQ. URL: https://jobeq.com.ru/jobeq_iwam (дата обращения: 23.01.2024).
12. Тесты Хоган для оценки и развития персонала // Умный HR консалтинг – решения для бизнеса от AS Russia. URL: <https://assessmentsystemsruussia.ru/produkty-uslugi/hogan/> (дата обращения: 23.01.2024).
13. Dimensions как пример личностных тестов и опросников личности // HR-Portal. Управление

персоналом, Оценка, Аттестация, Кадровое делопроизводство. URL: <https://hr-portal.ru/blog/dimensions-kak-primer-lichnostnyh-testov-i-oprosnikov-lichnosti> (дата обращения: 23.01.2024).

Информация об авторах

О.Н. Комарова – кандидат психологических наук, доцент; доцент кафедры общей и практической психологии Института специального образования и психологии Московского городского педагогического университета, г. Москва, Россия

А.Л. Рассказова – кандидат психологических наук, доцент; доцент кафедры общей и практической психологии Института специального образования и психологии Московского городского педагогического университета, г. Москва, Россия

Information about the authors

O.N. Komarova – Candidate of Science in Psychology, Associate Professor; Associate Professor of the *Department* of General and Practical Psychology of the Institute of Special Education and Psychology of the Moscow City Teachers' Training University, Moscow, Russia

A.L. Rasskazova – Candidate of Science in Psychology, Associate Professor; Associate Professor of the *Department* of General and Practical Psychology of the Institute of Special Education and Psychology of the Moscow City Teachers' Training University, Moscow, Russia

Статья поступила в редакцию 17.01.2024; одобрена после рецензирования 20.02.2024; принята к публикации 21.02.2024.

The article was submitted 17.01.2024; approved after reviewing 20.02.2024; accepted for publication 21.02.2024.

Вестник Московского информационно-технологического университета –
Московского архитектурно-строительного института. 2024. № 1. С. 107–110.

Herald of the Moscow University of Information Technologies –
Moscow Architectural and Construction Institute. 2024. № 1. С. 107–110.

Научная статья

УДК 159.9

doi:10.52470/2619046X_2024_1_107

Безопасность сознания школьников в киберпространстве

Кристина Гагиковна Сосян

Московский информационно-технологический университет – Московский архитектурно-строительный институт, г. Москва, Россия, capuairo@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы психологии, воспитания в киберпространстве, информационно-коммуникационные педагогические технологии в качестве эффективного инструмента. Дается оценка происходящему процессу вовлечения несовершеннолетних лиц в VR пространство, рассматриваются преимущества и риски.

Ключевые слова: педагогика, психология, личность, цифровизация, социализация, кибербезопасность, информационно-коммуникационные технологии, воспитание, культура, слова персональные данные, интернет-зависимость

Для цитирования: Сосян К.Г. Безопасность сознания школьников в киберпространстве // Вестник Московского информационно-технологического университета – Московского архитектурно-строительного института. 2024. № 1. С. 107–110. https://doi:10.52470/2619046X_2024_1_107.

Original article

The security of schoolchildren's consciousness in cyberspace

Kristina G. Sosyan

Moscow University of Information Technologies – Moscow Architectural and Construction Institute,
Moscow, Russia, capuairo@yandex.ru

Abstract. The article deals with the issues of psychology, education in cyberspace, information and communication pedagogical technologies as an effective tool. The assessment of the ongoing process of involving minors in the VR space is given, the advantages and risks are considered.

Keywords: pedagogy, psychology, personality, digitalization, socialization, cybersecurity, information and communication technologies, education, culture, words, personal data, Internet addiction

© Сосян К.Г., 2024

For citation: Sosyan K.G. The security of schoolchildren's consciousness in cyberspace // Herald of the Moscow University of Information Technologies – Moscow Architectural and Construction Institute. 2024. № 1. P. 107–110. https://doi:10.52470/2619046X_2024_1_107.

Цель исследования состоит в том, чтобы дать оценку происходящим событиям относительно вовлечения несовершеннолетних представителей человечества в интернет.

Актуальность темы аргументирована высокими темпами развития информационных технологий в современном мире. Они внедрены во все сферы жизнедеятельности. Интернет стал инструментом не только для поиска информации, но и средством влияния на мнение, на жизнь человека, его сознание. С появлением цифровых носителей информации вопреки предрассудкам бумажные носители не вытеснены, театры продолжают работать, киноиндустрия развивается.

Наблюдается стремительное снижение возрастного порога интернет-пользователей. У каждого имеется страница в социальных сетях, подписки на тех или иных блогеров, сайты.

Окружающий мир стал размещаться в ладони. При любых неопределенных ситуациях большая часть населения планеты, владеющая гаджетами и имеющая доступ к интернету, погружается в VR для поиска нужной информации. Добровольно или принудительно мы становимся зависимы от этого источника данных. Межличностное общение, развлечения, работа, учеба все больше погружаются в цифровую среду. Уже имеются научные исследования, приравнивающие интернет-зависимость к другим уже известным видам зависимости. Минимальное количество времени, которое может без гаджета провести пациент, составляет 15 минут. Мысль об отсутствии доступа в интернет вызывает стресс и состояние глубокой депрессии.

Встает вопрос о влиянии интернета на сознание человека.

Сознание – это высший уровень психической деятельности, который позволяет человеку воспринимать окружающий мир и происходящие в нем события, осмысливать их и оценивать. Оно начинает формироваться на пятом-шестом месяце жизни. Благодаря наличию сознания человек способен познавать не только окружающий мир, но и самого себя, оценивать собственные мысли, слова, поведение, внешний вид.

«Мысль рождает действие, действие – привычку, привычка – характер, характер – судьбу», – утверждает Рами Блект.

Но какую мысль, как зерно, можно посеять в сознание – и с какой целью?

Не здесь ли ставится вопрос безопасности каждого индивида, страны а впоследствии – всего человечества?

Информация касается, в частности, взрослого человека.

А что если рассмотреть вопрос относительно несовершеннолетних детей?

Требуется учитывать возрастные особенности развития. Например, необходимо ответить на вопрос: сколько можно играть на компьютере и планшете детям?

В возрасте до трех лет детям нельзя давать гаджеты. Ребенок познает мир исходя из практического опыта. И первое впечатление от мира должно быть реальным, а не виртуальным.

От трех лет до семи дозировано на полчаса можно знакомить будущего пользователя с мультфильмами, играми, развивающими программами.

От семи лет времяпрепровождение разрешается увеличить до полутора часов в день, но не перед сном.

Своим примером, уходя в оффлайн, необходимо ребенку показывать, что есть возможность развития и общения без интернета, важны тактильное ощущение и личный контакт.

Далее, наступает подростковый период, недопонимание между поколениями может погрузить юного юзера в интернет-пространство еще больше.

Вопрос достижения высокого уровня культуры остается открытым и в процессе цифровизации.

Зачастую за поддержкой ребенок обращается к одноклассникам или в интернет-сообщества, рискуя стать жертвой буллинга.

Кибербуллинг становится для агрессоров способом самоутверждения, а безнаказанность толкает на изощренные варианты унижения выбранной жертвы. Агрессоры упиваются мнимым ощущением вседозволенности, и при этом не осознают, что их действия могут нанести реальный вред объекту травли: от постоянного беспокойства и нервного перенапряжения до суицида.

Детское сознание стремится создать идеальный цифровой образ, тем самым формируя безопасный фундамент для виртуального общения, восполняя недостаток в реальности.

За безопасность времяпрепровождения детей в киберпространстве отвечают взрослые. Ответственность не должна перекладываться с одних плеч на другие в лице родителей и учителей. Только в одном векторе, сообщая, можно защитить несовершеннолетних от неправомерных действий по отношению к ним и не допустить совершения подобных действий самими детьми.

Регулятором нормативной базы должно выступать государство, ведь национальная безопасность начинается с безопасности каждого жителя страны, будь то в реальности или в киберпространстве.

В России наблюдается низкий уровень финансовой и цифровой грамотности. Аргументируется это тем, что мошенникам за последние полгода удалось обмануть носителей персональных данных на 8 млрд руб. Безусловно, среди жертв многие люди старше 25 лет. Но, опять-таки, какой пример подается детям?

Следует разрабатывать нормативные документы, гибко реагировать на изменяющееся цифровое пространство, предопределяя события, а не принимать меры вдогонку после инцидентов. Требуется разработка просветительских программ, учитывающих интересы детей и их родителей. Необходимо активное инициативное участие и кооперация всех ведомств.

Самосознание, гармония во взаимоотношении с окружающим миром, достижение вершины «Пирамиды А. Маслоу» являются опорными точками для создания нового мироздания, нового витка цивилизованного развития человечества, его безопасного нахождения в том числе и в киберпространстве.

Список источников

1. Актуальные проблемы лингвоэкологии: сборник научных статей по материалам XV Кирилло-Мефодиевских чтений в МИТУ–МАСИ (24 мая 2022 г.). М., 2022.
2. *Ананьин В.И. и др.* Цифровое предприятие: трансформация в новую реальность // Бизнес-информатика. 2018. № 2 (44).
3. *Бабкин А.В., Пестова А.Ю.* Показатели для оценки уровня цифровизации промышленного предприятия // Актуальные проблемы развития хозяйствующих субъектов, территорий и систем регионального и муниципального управления: материалы XIV международной научно-практической конференции (1–2 июня 2019 г., Курск). Курск, 2019.
4. *Бабкин А.В., Швиденко П.В.* Стратегическое планирование развития предприятия в условиях цифровизации // Цифровая трансформация экономики и промышленности: сборник трудов научно-практической конференции с зарубежным участием (20–22 июня 2019 г., Санкт-Петербург). СПб., 2019.

5. *Басаев З.В.* Цифровизация экономики: Россия в контексте глобальной трансформации // Мир новой экономики. 2018. № 12 (4).
6. *Галимова М.П.* Готовность российских предприятий к цифровой трансформации: организационные драйверы и барьеры // Вестник УГНТУ. Наука, образование, экономика. Серия: Экономика. 2019. № 1 (27).
7. *Гилева Т.А.* Цифровая зрелость предприятия: методы оценки и управления // Вестник УГНТУ. Наука, образование, экономика. Серия: Экономика. 2019. № 1 (27).
8. *Гугелев А.В. и др.* К вопросу обеспечения качества в контексте цифровизационных процессов // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2019. № 3 (77).
9. *Гулин В.Н.* Интеллектуальный капитал и информационная зрелость предприятий // Инжиниринг предприятий и управление знаниями: сборник научных трудов XX юбилейной Всероссийской научной конференции (26–28 апреля 2017 г., Москва). М., 2017.
10. *Гусейнов Ш.Р., Иноземцев М.И.* О противоречивости отдельных положений современного корпоративного управления и практики цифровой трансформации хозяйствующих субъектов и общества // Вестник МГИМО университета. 2018. № 6 (63).
11. *Ефимочкина Н.Б.* Цифровой мир бизнеса и человек: проблемы и тенденции развития // Вестник университета. 2018. № 11.
12. *Зозуля Д.М.* Цифровизация российской экономики. Индустрия 4.0: вызовы и перспективы // Вопросы инновационной экономики. Т. 8. № 1.
13. *Куприяновский В.П. и др.* Цифровая экономика – «Умный способ работать» // International Journal of Open Information Technologies. 2016. № 2.
14. *Куприяновский В.П., Добрынин А.П., Синягов С.А., Намиот Д.Е.* Целостная модель трансформации в цифровой экономике – как стать цифровыми лидерами // International Journal of Open Information Technologies. 2017. № 1.
15. *Ниссен В., Лёзина Т., Салтан А.* Роль менеджмента информационных технологий в цифровой трансформации российских компаний // Форсайт. 2018. № 3.
16. *Осипов Д.В.* Цифровая трансформация служб управления персоналом организации // Повышение производительности труда на транспорте – источник развития и конкурентоспособности национальной экономики: труды конференции (16 мая 2018 г., Москва). М., 2018.
17. *Пивоварова М.Г.* Индустрия 4.0 и перспективы цифровизации российских предприятий // Дельта науки. 2018. № 1.
18. *Раюшкин Э.С. и др.* Цифровая экономика: технологии будущего в современном мире // Молодой ученый. 2018. № 51.
19. *Тарасов И.В.* Подходы к формированию стратегической программы цифровой трансформации предприятия // Стратегические решения и риск-менеджмент. 2019. № 2.

Информация об авторе

К.Г. Сосян – аспирант Московского информационно-технологического университета – Московского архитектурно-строительного института, г. Москва, Россия

Information about the author

K.G. Sosyan – graduate student of the Moscow University of Information Technologies – Moscow Architectural and Construction Institute, Moscow, Russia

Статья поступила в редакцию 24.01.2024; одобрена после рецензирования 20.02.2024; принята к публикации 21.02.2024.

The article was submitted 24.01.2024; approved after reviewing 20.02.2024; accepted for publication 21.02.2024.

Вестник Московского информационно-технологического университета –
Московского архитектурно-строительного института. 2024. № 1. С. 111–117.

Herald of the Moscow University of Information Technologies –
Moscow Architectural and Construction Institute. 2024. № 1. С. 111–117.

Научная статья
УДК 159.923.3
doi:10.52470/2619046X_2024_1_111

Психологические детерминанты эффективности взаимодействия пилотов гражданской авиации

Никита Сергеевич Архипов

Московский информационно-технологический университет –
Московский архитектурно-строительный институт, г. Москва, Россия, nikitos-n1@yandex.ru

Аннотация. В статье представлены промежуточные результаты исследования индивидуально-личностных особенностей личности пилотов гражданской авиации и анализ их влияния на эффективность взаимодействия летных экипажей, а также, обобщены причины и факторы, препятствующие повышению уровня эффективности взаимодействия экипажей в профессиональной деятельности. Исследование таких компонентов, как направленность личности, особенности эмоционально-волевой сферы пилотов и их темперамента, показали, что существует ряд факторов, способствующих повышению уровня эффективности функционирования экипажей в условиях выполнения профессиональной деятельности.

Ключевые слова: психологические детерминанты, эффективное взаимодействие, направленность личности, эмоционально-волевая сфера, темперамент

Для цитирования: Архипов Н.С. Психологические детерминанты эффективности взаимодействия пилотов гражданской авиации // Вестник Московского информационно-технологического университета – Московского архитектурно-строительного института. 2024. № 1. С. 111–117. https://doi:10.52470/2619046X_2024_1_111.

Original article

Psychological determinants of the effectiveness of the interaction of civil aviation pilots

Nikita S. Arkhipov

Moscow University of Information Technologies –
Moscow Architectural and Construction Institute, nikitos-n1@yandex.ru

Abstract. The article presents the intermediate results of the study of the individual personality characteristics of the personality of civil aviation pilots and the analysis of their influence on the effectiveness of the interaction

© Архипов Н.С., 2024

of flight crews, and summarizes the reasons and factors that prevent the increase in the level of efficiency of interaction between crews in professional activities. The study considers such components as: personality orientation, features of the emotional-volitional sphere of pilots and their temperament showed that there are a number of factors that contribute to increasing the level of efficiency of the crews' functioning in the conditions of performing professional activities.

Keywords: psychological determinants, effective interaction, personality orientation, emotional-volitional sphere, temperament

For citation: Arkhipov N.S. Psychological determinants of the effectiveness of the interaction of civil aviation pilots // Herald of the Moscow University of Information Technologies – Moscow Architectural and Construction Institute. 2024. № 1. P. 111–117. https://doi:10.52470/2619046X_2024_1_111.

Безопасность полетов экипажей гражданской авиации – одна из основополагающих задач профессионального подбора кандидатур пилотов в современной России, что формально закреплено в «Рекомендациях по комплектованию летных экипажей и обеспечению оптимального морально-психологического климата» [5]. Данный нормативный документ функционально устарел, хотя и указывает на необходимость усовершенствования целостной системы мероприятий по организации производственных и межличностных отношений в подразделениях гражданской авиации [6].

Анализ разработанности проблемы эффективности взаимодействия экипажей гражданской авиации указывает на необходимость обращения к данной тематике с точки зрения психологической обусловленности, ввиду того, что большинство исследований лежит лишь в психофизиологической и медицинской плоскости, тогда как необходимо углубленно исследовать компоненты личности пилотов.

Таким образом, проблема индивидуально-психологического подбора членов экипажа гражданской авиации с учетом личностных особенностей легла в основу направления данного исследования.

В ходе выявления и обобщения причинно-следственных факторов, детерминирующих эффективность функционирования экипажей гражданской авиации, проведено комплексное исследование индивидуально-психологических и личностных особенностей пилотов: направленность личности, эмоционально-волевая сфера и темперамент.

Цель: исследование индивидуально-психологических особенностей пилотов гражданской авиации как детерминант эффективности взаимодействия экипажа.

Задачи:

- изучение направленности личности пилотов, эмоционально-волевой сферы, темперамента;
- анализ полученных результатов;
- обоснование эффективности взаимодействия экипажей гражданской авиации.

Исследования индивидуально-психологических особенностей личности в отечественной и зарубежной науке ведутся в рамках различных подходов в психологии личности с начала развития психологической науки (Б.Г. Ананьев, Д.Б. Выготский, А.Ф. Лазурский, А.Н. Леонтьев, Б.Ф. Ломов, К.К. Платонов, А.В. Петровский и другие; Э. Дюркгейм, К. Левин, Э. Торндайк, Г. Олпорт, Э. Штерн, З. Фрейд и др.).

Теоретическое обобщение различных подходов к пониманию личности как субъекта социального развития раскрывает ряд характеристик, которые образуются в результате системного функционирования индивидуальных биологических и социально детерминированных свойств, способствующих реализации деятельности и общения человека. Индиви-

дуально-психологическими особенностями называются своеобразные свойства психической активности личности, которые представлены темпераментом, характером, способностями, эмоционально-волевой сферой и связаны со всеми психическими процессами: мотивационно-потребностными, познавательными, эмоционально-волевыми.

Психология труда и инженерная психология, в рамках данной проблематики, изучают влияние индивидуально-психологических особенностей личности субъекта на индивидуальный стиль профессиональной деятельности, на готовность к ней и безопасность, и раскрываются в работах В.А. Бодрова, Е.А. Климова, Б.Ф. Ломова, В.Д. Небылицына, Б.М. Теплова, В.Д. Шадрикова и других ученых.

Индивидуально-психологические особенности пилотов и их профессионально важные качества личности рассмотрены в работах многих отечественных исследователей: Л.М. Волкова, И.С. Кравченко, А.И. Крупнова, С.М. Зиньковской, Ю.А. Олейникова, В.А. Пономаренко, И.Ю. Розайненко, А.Г. Шевчука и др.

Теоретико-методологический анализ последних исследований в области феноменологии индивидуально-психологических и профессионально важных качеств показывает взаимосвязь индивидуально-психологических особенностей личности различных специалистов операторского профиля с показателями надежности их деятельности, выявляя психологические причины возникновения ошибочных действий и аварийных ситуаций, раскрывая через закономерности и механизмы регуляции надежности, опираясь на детерминацию совокупности личностных черт, познавательных процессов, психологических свойств и состояний в формировании предрасположенности различных проявлений нарушений профессиональной надежности [3].

Темпераментальные и характерологические проявления пилота, как динамические и содержательные аспекты поведения, выступают как качественные характеристики особенностей развития профессионально важных качеств, интегрирующихся в единую структуру.

Эмоционально-волевая устойчивость как составная часть характера, а также количественные показатели взаимосвязи темперамента и характера, являются условием выполнения продуктивной деятельности, отражают ее эффективность и надежность [3].

Направленность личности – это определяющая активность индивида на специфику его самоотношения, поведение и особенность взаимодействия с социумом. Особое значение в формировании и проявлении направленности имеет профессиональная деятельность как одно из определенных направлений, динамика которого отражает и воплощает личностные особенности субъекта и находит отражение в специфике направленности профессионала.

Таким образом, данное исследование направлено на изучение следующих индивидуально-личностных особенностей пилота гражданской авиации, рассматриваемых по нескольким направлениям:

- проявление и сочетание темпераментальных компонентов личности в штатных и экстремальных ситуациях профессиональной деятельности (активность, эмоциональность, саморегуляция);
- взаимосвязи характерологических особенностей (наличие или отсутствие акцентуации; устойчивости той или иной психической особенности, определяющей поведение пилота; выраженности качеств ответственности, дисциплинированности; устойчивости мотивов, особенностей адаптации и т.д.);
- системы сформированности эмоционально-волевого контроля (навыки саморегуляции, а том числе формы реагирования в экстренных ситуациях).

Проблема неэффективного взаимодействия экипажей воздушного судна волнует международное авиационное сообщество начиная с середины 1970-х гг. Именно тогда произошло

полное осознание необходимости изменения работы внутри экипажа воздушного судна, в результате чего были внедрены специальные программы и методики, коренным образом изменившие работу экипажей воздушного судна [3].

В связи с этим, основной акцент в работах последних лет делается на форму, качество и структуру профессионального отбора пилотов гражданской авиации, так как в качестве результата отбора рассматривается успешность обучения, овладения профессионально важными качествами, необходимыми пилоту для выполнения эффективной безошибочной деятельности.

Классическим предметом исследований в авиационной психологии выступает влияние индивидуально-психологических особенностей на успешность подготовки авиаспециалистов, сохранение профессионального здоровья и лётного долголетия, обеспечение профессиональной эффективности и надежности личности. Таким образом, целесообразность эмпирических исследований по данной проблематике лежит в плоскости выявления влияния неблагоприятных условий профессиональной деятельности лётного состава гражданской авиации, которое выражается в нарушении работы ряда функциональных систем организма, в неблагоприятном состоянии психических функций, снижении надежности и работоспособности личности.

Факторы уязвимости различных уровней регуляции деятельности специалистов исследованы рядом авторов. Например, Е.А. Щербакова эмпирически доказывает, что летчик-профессионал характеризуется целым списком высокопрофессиональных личностных характеристик (развитый самоконтроль, целенаправленность и результативность).

Факторы, оказывающие влияние на внутренние источники функциональной напряженности, будут проявляться в виде негативной эмоциональной заряженности, агрессивности или враждебности, которая выполняет одновременно две функции:

- позитивную – индуцирование напряженности, необходимой для профессиональной деятельности;
- негативную – возможность нервно-психических срывов в состоянии утомления, перегруженности или социальной напряженности [8].

По мнению И.М. Бойко, при воздействии условий профессиональной деятельности у военных летчиков, в свою очередь, постепенно формируется стадия «истощения» общего адаптационного синдрома, личность характеризуется эмоциональным дефицитом, отстраненностью, психосоматическими и психовегетативными нарушениями, состоянием деперсонализации, что в комплексе приводит к ряду ошибочных действий и угрожает безопасности полетов [2].

Одним из основных факторов, влияющих на эффективность труда пилотов гражданской авиации, является хронический эмоциональный стресс, связанный со сложностью управления воздушным судном.

Продолжительная лётная нагрузка, нервно-эмоциональное напряжение, систематические сдвиги физиологических функций являются главными причинами перенапряжения, хронического стресса и неблагоприятного состояния пилотов; связь между интенсивностью различных видов нагрузок (интеллектуальных и эмоциональных) с увеличением процента сотрудников с соматическими патологиями, развитием ишемической и гипертонической болезни и риском психических заболеваний экспериментально доказана [1].

Дезадаптационные характеристики, которые влияют на качество профессиональной деятельности пилотов гражданской авиации, выделяемые О.Н. Сиваш, свидетельствуют об истощении личностных ресурсов лётного состава:

- эмоциональное выгорание;
- снижение ответственности;

- пренебрежение обязанностями;
- несобранность;
- небрежность в работе;
- потеря интереса;
- психическая напряженность;
- снижение чувства компетентности;
- снижение значимости ценностно-смыслового содержания летной деятельности [7].

Профессиональное выгорание, которое обозначено на первом месте в группе факторов риска, приводит к различным проявлениям дезадаптации, например, к депрессии, которая связана с утратой фундаментальной мотивации и является заболеванием экзистенциальной природы. Концепция А. Лэнгле поясняет, что духовная сторона человека обладает своими потребностями, из которых возникают фундаментальные мотивации, при ущемлении которых постепенно формируются напряжение, подавленность, потеря витальности, страх потери отношений [4].

Фактор вовлеченности, профессионального интереса, ценностно-смыслового содержания профессиональной деятельности упоминается во многих работах как явление, противостоящее или противоположное эмоциональному выгоранию. Модель ресурсов, требований и работы (РТР), разработанная голландскими организационными психологами А. Беккером и Е. Демероути, показывает, что вовлеченность является феноменом, противоположным выгоранию, так как представляет собой процесс наращивания ресурсов, а выгорание – наоборот, их истощения. Поэтому изучение факторов, противостоящих эмоциональному выгоранию в деятельности лётного состава гражданской авиации, представляется практикоориентированным и эффективным в направлении раскрытия смыслов экзистенции и вовлеченности.

В рамках промежуточного этапа данного исследования проведено комплексное исследование: профессиональной направленности по средством «Ориентационной анкеты направленности личности» Б. Басса, исследование эмоционально-волевой сферы с помощью тест-опросника А.В. Зверькова и Е.В. Эйдмана «Исследование волевой саморегуляции» и исследование темперамента с использованием «Личностного опросника» Г. Айзенка ЕРІ – 6 лётных экипажей гражданской авиации на базе авиакомпании «Победа» и 6 лётных экипажей гражданской авиации на базе авиакомпании «Россия», всего 12 экипажей по 2 человека – 24 респондента.

В результате проведенного эксперимента выявлены следующие результаты.

С помощью ориентационной анкеты направленности личности, направленной на выявление трех видов направленности: на себя, на общение, на дело, определены приоритетные виды направленности у пилотов – 3 респондента показали результат преобладания направленности на себя, что составило 12,5 % от общего количества респондентов, 16 респондентов показали преобладание направленности на дело, что составило 66,6 % и у 5 пилотов выявлена направленность на общение, что составило 20,8 %.

Данные результаты можно предварительно интерпретировать как соответствующие требованиям к профессионально важным качествам пилотов, так как для специалистов данной профессии характерна и желательна заинтересованность в решении деловых проблем, выполнение работы как можно лучше, ориентация на деловое сотрудничество, способность отстаивать в интересах дела собственное мнение, которое полезно для достижения общей цели.

Изучение эмоционально-волевой сферы осуществлялось с помощью тест-опросника А.В. Зверькова и Е.В. Эйдмана «Исследование волевой саморегуляции», который направлен на определение уровней развития волевой саморегуляции. Обработка результатов и интерпретация определяется величиной индексов волевой саморегуляции по пунктам общей шкалы (В) и индексов по субшкалам «настойчивость» (Н) и «самообладание» (С).

Уровни волевой саморегуляции определяются в сопоставлении со средними значениями каждой из шкал. Если они составляют больше половины максимально возможной суммы совпадений, то данный показатель отражает высокий уровень развития общей саморегуляции, настойчивости или самообладания. Для шкалы «В» эта величина равна 12, для шкалы «Н» – 8, для шкалы «С» – 6. Общий суммарный балл по шкале «В» должен находиться в диапазоне от 0 до 24, по субшкале «настойчивость» – от 0 до 16 и по субшкале «самообладание» – от 0 до 13.

В результате исследования показатели по шкале «В» у 21 летчика соответствуют величине, превышающей 12 баллов, что характерно для лиц эмоционально зрелых, активных, независимых, самостоятельных, рефлексирующих личные мотивы, планомерно реализующих возникшие намерения, умеющих распределять усилия и способных контролировать свои поступки. Два респондента показали средний результат, равный 12 баллам и 1 испытуемый показал низкий результат по шкале «В», что характерно для чувствительных, эмоционально неустойчивых, ранимых, неуверенных в себе людей. Это может быть связано как с незрелостью, так и с выраженной утонченностью натуры, не подкрепленной способностью к рефлексии и самоконтролю.

По субшкалам «настойчивость» (Н) и «самообладание» (С) респонденты показали следующие результаты, представленные в *таблице 1*.

Таблица 1

Средние значение по субшкалам в выборке респондентов

Субшкалы	Величина	Средний балл	Количество выше нормы	Количество ниже нормы
«Настойчивость» (Н)	8	9,58	17	7
«Самообладание» (С)	6	8,37	23	1

Данные результаты можно интерпретировать как преобладание у большинства (17–70,8 %) респондентов таких характеристик, как сила намерения человека, стремление к завершению начатого дела, что показывает субшкала «настойчивость». Как правило, это деятельные, работоспособные люди, активно стремящиеся к выполнению намеченного, им свойственно уважение социальных норм, стремление полностью подчинить им свое поведение. Меньшее количество респондентов – 7 (29,1 %) – имеют сниженный фон активности и работоспособности; как правило, это компенсируется у таких лиц повышенной чувствительностью, гибкостью, изобретательностью, а также тенденцией к свободной трактовке социальных норм.

Субшкала «самообладание» отражает уровень произвольного контроля эмоциональных реакций и состояний. Высокий балл по субшкале набрали 23 летчика, что составило 95,8 % – это эмоционально устойчивые, хорошо владеющие собой в различных ситуациях люди, им свойственно внутреннее спокойствие, уверенность в себе, готовность к восприятию нового, неожиданного, – но эти качества могут и приводить к повышению внутренней напряженности, преобладанию постоянной озабоченности и утомляемости. Лишь один респондент показал результат чуть ниже средней величины по данной субшкале, что может говорить о его спонтанности и импульсивности в сочетании с обидчивостью и предпочтением традиционных взглядов, которые ограждают человека от интенсивных переживаний и внутренних конфликтов, способствуют невозмутимому фону настроения.

С помощью «Личностного опросника» Г. Айзенка ЕРІ были определены типы темперамента у лётного состава гражданской авиации, вошедшего в данный этап исследования. Результаты показали, что среди испытуемых: 16 (66,6 %) сангвиников, 3 (12,5 %) флегматика,

3 (12,5 %) холерика, 2 (8,3 %) меланхолика. Более половины членов лётных экипажей, обследованных в рамках эксперимента, имеют сильную нервную систему, что характеризуется такими показателями, как сильный, уравновешенный, подвижный. Что не противоречит желательным и достаточным профессионально важным характеристикам летного состава.

Таким образом, обобщая предварительные результаты промежуточного исследования индивидуально-психологических особенностей лётного состава гражданской авиации, следует отметить, что более половины испытуемых имеют профессиональную направленность, обладают волевой саморегуляцией и имеют сильную, уравновешенную нервную систему, что непосредственно учитывается в процессе подготовки и комплектования летных экипажей и рассматривается как успешность обучения, овладения профессионально важными качествами, необходимыми пилоту для выполнения эффективной безошибочной деятельности.

Профессиональная эффективность лётного обучения и деятельности существенно зависит от индивидуально-психологических особенностей личности курсантов и пилотов, что подтверждает необходимость системного изучения и анализа данной проблематики.

Список источников

1. *Алексеев М.С.* Развитие личностного потенциала летчика в процессе профессионального становления: автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2011.
2. *Бойко И.М., Маруняк С.В., Мосягин И.Г.* Психологические особенности летчиков истребительной авиации европейского севера России // *Экология человека*. 2009. № 2.
3. *Зиньковская С.М.* Связь свойств темперамента с особенностями характера у летного состава гражданской авиации // *Вестник РУДН. Сер. Психология и педагогика*. 2006. № 1 (3).
4. *Лэнгле А.* Экзистенциальный анализ синдрома эмоционального выгорания // *Вопросы психологии*. 2008. № 2.
5. Рекомендации по комплектованию летных экипажей и обеспечению оптимального морально-психологического климата. М., 1985. Ч. I, II.
6. Руководство по обучению в области человеческого фактора. Дос. 9683-AN/950. Монреаль, 1998.
7. *Сиваш О.Н.* Личностно-ориентированная экспертиза профессиональной пригодности летчиков: автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2009.
8. *Шейна С.Г., Хамавова А.А., Исмагулаева Н.А.* Комфортная среда жизнедеятельности: новые стандарты устойчивого развития сельских территорий // *Инженерный вестник Дона*. 2015. № 4.

Информация об авторе

Н.С. Архипов – аспирант Московского информационно-технологического университета – Московского архитектурно-строительного института, г. Москва, Россия

Information about the author

N.S. Arkhipov – graduate student of the Moscow University of Information Technologies – Moscow Architectural and Construction Institute, Moscow, Russia

Статья поступила в редакцию 25.01.2024; одобрена после рецензирования 21.02.2024; принята к публикации 26.02.2024.

The article was submitted 25.01.2024; approved after reviewing 21.02.2024; accepted for publication 26.02.2024.

Вестник Московского информационно-технологического университета –
Московского архитектурно-строительного института. 2024. № 1. С. 118–122.

Herald of the Moscow University of Information Technologies –
Moscow Architectural and Construction Institute. 2024. № 1. С. 118–122.

Научная статья

УДК 159.91; 61

doi:10.52470/2619046X_2024_1_118

Анализ взаимосвязи онкологического и психического процессов у онкобольных при помощи теста Кеттелля

Дмитрий Михайлович Виденичкин

Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, г. Елец, Россия,
dima-videnichkin@rambler.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию взаимосвязи между онкологическими процессами и состоянием психики у пациентов с онкологическими заболеваниями. Для достижения этой цели был использован тест Кеттелля, позволяющий оценить 16 различных факторов личности. Исследование проводилось среди онкобольных в различных возрастных группах с целью выявить психологические особенности и их влияние на процессы борьбы с заболеванием.

Ключевые слова: онкология, психологическое состояние, тест Кеттелля, взаимосвязь, личностные особенности, онкопсихология, психосоматика, психологическая адаптация, лечение онкобольных, персонализированный подход

Для цитирования: Виденичкин Д.М. Анализ взаимосвязи онкологического и психического процессов у онкобольных при помощи теста Кеттелля // Вестник Московского информационно-технологического университета – Московского архитектурно-строительного института. 2024. № 1. С. 118–122. https://doi:10.52470/2619046X_2024_1_118.

Original article

Analysis of the relationship between oncological and mental processes in cancer patients using the Kettell test

Dmitry M. Videnichkin

Yelets State University named after I.A. Bunin, Yelets, Russia, dima-videnichkin@rambler.ru

Abstract. The article is devoted to the study of the relationship between oncological processes and the state of the psyche of patients with oncological diseases. To achieve this goal, the Kettell test was used to evaluate

© Виденичкин Д.М., 2024

16 different personality factors. The study was conducted among cancer patients in various age groups in order to identify psychological characteristics and their impact on the processes of fighting the disease.

Keywords: oncology, psychological state, Kettell test, interrelation, personality traits, oncopsychology, psychosomatics, psychological adaptation, treatment of cancer patients, personalized approach

For citation: Videnichkin D.M. Analysis of the relationship between oncological and mental processes in cancer patients using the Kettell test // Herald of the Moscow University of Information Technologies – Moscow Architectural and Construction Institute. 2024. № 1. P. 118–122. https://doi:10.52470/2619046X_2024_1_118.

Онкологические заболевания не только оказывают физическое воздействие на пациента, но и влияют на его психическое состояние. Психологические факторы могут оказывать как положительное, так и отрицательное воздействие на процесс лечения и качество жизни онкобольных. Использование теста Кеттелла позволяет провести глубокий анализ личностных особенностей пациентов и выявить взаимосвязи между психическим статусом и характеристиками личности.

Исследование включало в себя анализ результатов теста Кеттелла у онкобольных пациентов различных возрастных групп. Каждый фактор теста был рассмотрен в контексте его влияния на психическое состояние пациентов. Данные анализировались с учетом статистической значимости и трендов в зависимости от возраста.

16-факторный тест личности Кеттелла (16PF), разработанный Рэймондом Кеттеллом, представляет собой инструмент для оценки ключевых аспектов личности. В онкологии, где пациенты сталкиваются с физическими и эмоциональными вызовами, использование этого теста может предоставить ценные инсайты в психологические реакции и потребности.

1. Оценка стрессоустойчивости. 16PF может помочь в определении уровня стрессоустойчивости у пациентов с онкологическими заболеваниями. Такие факторы, как эмоциональная устойчивость, активность, и общественность, могут дать представление о том, насколько легко пациент справляется со стрессом и адаптируется к изменениям.
2. Анализ социальной адаптации. Некоторые факторы 16PF связаны с социальной адаптацией. Информация о социальных тенденциях, открытости к новому опыту и толерантности может быть полезной при планировании психологической поддержки и разработке программ реабилитации.
3. Изучение стратегий справления. Ряд факторов теста Кеттелла относится к стратегиям справления и реагирования на стрессовые ситуации. Это может помочь в выявлении предпочтительных методов справления у онкопациентов и позволить психологам разработать персонализированные стратегии поддержки.
4. Определение эмоциональных особенностей. Тест может выявить эмоциональные особенности личности, такие как склонность к тревожности, депрессии или оптимизму. Это позволяет адаптировать психологическую поддержку, учитывая эмоциональные особенности каждого пациента.
5. Развитие программ реабилитации. На основе результатов теста Кеттелла можно разработать программы реабилитации, учитывая индивидуальные потребности и характеристики пациентов. Это может включать в себя психологическую поддержку, тренинги по справляющемуся поведению, и другие индивидуализированные мероприятия.
6. Персонализированный подход к коммуникации. Факторы теста Кеттелла также могут дать представление о стиле коммуникации пациента. Понимание индивидуальных особенностей в общении помогает психологам эффективно взаимодействовать с онкопациентами и предоставлять им необходимую поддержку.

Градация по отношению к репродуктивной системе

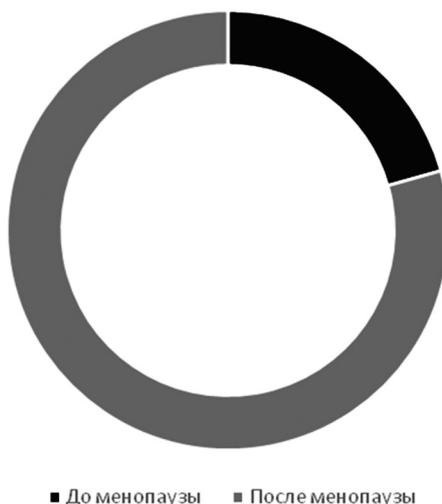

Рисунок 1. Градация пациенток по отношению к репродуктивной системе

В опросе приняли участие 58 пациенток в возрасте от 32 до 91 года с диагнозом рак молочной железы.

Пациенты были разделены на несколько групп по отношению к репродуктивной системе и по методу примененного терапевтического подхода (рисунок 1).

Таблица 1

Градация по отношению к способу терапии

Лечение	Оперативное	Комплексное / комбинированное	Паллиативное / симптоматическое
Пациентки	17	33	8
% соотношение	29,3	56,8	13,7

После группировки данных для каждого возрастного диапазона с использованием средних значений каждого показателя вручную были вычислены значения каждой шкалы, сложив числа каждой конкретной шкалы и разделив их на количество человек в каждой возрастной группе (то есть было вычислено среднее значение для группы).

Предоставлены результаты теста Кеттелла для разных категорий людей в периоды с 1933 по 1986 гг. Результаты измерены по 16 факторам (А, В, С, Е, F, G, H, I, L, M, N, O, Q1, Q2, Q3, Q4). Анализ основных тенденций следующий:

Тенденция к абстракции (Фактор В): в общем, наблюдается увеличение значений с 1933 по 1986 гг., что может указывать на повышенное предпочтение абстрактного мышления.

Энергичность (Фактор Е): значения колеблются, но в целом остаются на среднем уровне, без явных трендов в ту или иную сторону.

Доминирование (Фактор G): отмечается значительный рост в период с 1969 по 1977 гг., что может свидетельствовать об увеличении желания лидировать и контролировать.

Личные отношения (Фактор H): значения колеблются, но в целом остаются на среднем уровне, без четкого тренда.

Лживость (Фактор М): происходит значительное увеличение значения с 1969 по 1977 гг., возможно, связанное с увеличением тенденции к лжи и манипуляциям.

Честность (Фактор О): значения в целом остаются на среднем уровне, без выраженных изменений.

Психичность (Фактор А): отмечается некоторое увеличение значений с 1933 по 1986 гг., что может указывать на повышение уровня агрессивности и настойчивости.

Эмоциональная устойчивость (Фактор С): значения колеблются, но в целом остаются на среднем уровне.

Дружелюбие (Фактор F): отмечается относительная стабильность значений без четкого тренда.

Чувствительность (Фактор I): значения колеблются, но в целом сохраняются на среднем уровне.

Полученные данные из теста Кеттелла могут послужить основой для разработки индивидуализированных программ поддержки и психотерапевтических вмешательств. Комплексный подход к лечению онкобольных, включая не только медицинские аспекты, но и психосоциальные, позволяет пациентам более эффективно справляться с вызовами, связанными с раком.

Результаты исследования свидетельствуют о важности учета психических особенностей при разработке программ лечения онкобольных. Индивидуальный подход к каждому пациенту, учитывающий его личностные характеристики, может способствовать более эффективному лечению и улучшению психологического благополучия. Необходимость дальнейших исследований подчеркивает необходимость более глубокого понимания взаимосвязей между онкологическими и психическими процессами.

Дальнейшие исследования в данной области могут включать более широкий круг факторов, таких как социокультурные и психосоциальные аспекты, для более полного понимания влияния личностных особенностей на протекание онкологических заболеваний. Углубленный анализ взаимосвязей между факторами личности и тем, как они воздействуют на процессы лечения и психическое состояние, может содействовать созданию более эффективных стратегий поддержки онкобольных.

Обнаружены статистически значимые различия в некоторых факторах теста Кеттелла в зависимости от возраста пациентов. Например, увеличение уровня доминирования выявлено у пациентов в возрасте 1969–1977 гг., что может указывать на более активное стремление к контролю в период борьбы с онкологическими процессами.

Анализ взаимосвязи онкологических и психических процессов с использованием теста Кеттелла является важным этапом в исследовании онкопсихологии. Понимание индивидуальных особенностей личности пациентов помогает разрабатывать более персонализированные и эффективные методы лечения. Результаты этого исследования не только раскрывают новые аспекты взаимосвязи онкологических и психических факторов, но и подчеркивают актуальность проведения дополнительных исследований для совершенствования подходов к лечению онкобольных.

Результаты исследования свидетельствуют о важности учета психических особенностей при разработке программ лечения онкобольных. Индивидуальный подход к каждому пациенту, учитывающий его личностные характеристики, может способствовать эффективному лечению и улучшению психологического благополучия. Дальнейшие исследования необходимы для более глубокого понимания взаимосвязей между онкологическими и психическими процессами.

Список источников

1. *Благовест К.Н.* Психологическая поддержка онкологических больных. М., 2015.
2. *Голдберг Э.Д.* Личность в психосоматике и психотерапии. СПб., 2017.
3. *Зотов В.Д.* Психологические аспекты онкологии: теория и практика. М., 2019.
4. *Иванова Е.М.* Психосоциальная реабилитация онкологических больных. СПб., 2016.
5. *Крюков Н.Л.* Тест Кеттелла в психологической практике. М., 2018.
6. *Леонтьев Д.А.* Психология личности: Индивидуальные различия. СПб., 2014.
7. *Мещерякова Н.Ю.* Онкологическая психология: современные подходы и методы. М., 2016.
8. *Петрова И.Г.* Психология здоровья и болезни. СПб., 2019.
9. *Рубинштейн С.Л.* Основы общей психологии. М., 2015.
10. *Соловьев А.Г.* Психология личности в здоровье и болезни. М., 2017.

Информация об авторе

Д.М. Виденичкин – аспирант Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина, г. Елец, Россия

Information about the author

D.M. Videnichkin – graduate student of the Yelets State University named after I.A. Bunin, Yelets, Russia

Статья поступила в редакцию 30.01.2024; одобрена после рецензирования 19.02.2024; принята к публикации 20.02.2024.

The article was submitted 30.01.2024; approved after reviewing 19.02.2024; accepted for publication 20.02.2024.

Вестник Московского информационно-технологического университета –
Московского архитектурно-строительного института. 2024. № 1. С. 123.–129.

Herald of the Moscow University of Information Technologies –
Moscow Architectural and Construction Institute. 2024. № 1. С. 123–129.

Научная статья

УДК 159.9

doi:10.52470/2619046X_2024_1_123

Процесс адаптации студентов с ограниченными возможностями здоровья (в том числе с патологией голоса) к образовательному пространству образовательной организации как психолого-педагогическая проблема

Родион Евгеньевич Барабанов

Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва, Россия,
ksp_kpr_14@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4044-2685>

Аннотация. Несмотря на государственный и общественный интерес к вопросам инклюзивного профессионального образования, адаптационные проблемы студентов с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ) остаются не до конца решенными. Процесс адаптации к вузу лиц с ОВЗ (в том числе с нарушением голоса) многосоставной и сложный в интегральности, а характер системы психолого-педагогического сопровождения образовательного процесса лиц с ОВЗ в достаточной степени зависит от нозологии и характера заболевания, и именно этим, в немалой степени, определяется частная специфика формирования разных образовательных сред и успешность процесса адаптации студентов к ним. В статье на теоретическом уровне собраны данные, посвященные основным проблемам адаптации обучающихся с отклонениями в развитии и функционировании.

Ключевые слова: студенты с ОВЗ, образовательное пространство, адаптация, профессиональные образовательные учреждения, коммуникативные барьеры, выученная беспомощность

Для цитирования: Барабанов Р.Е. Процесс адаптации студентов с ограниченными возможностями здоровья (в том числе с патологией голоса) к образовательному пространству образовательной организации как психолого-педагогическая проблема // Вестник Московского информационно-технологического университета – Московского архитектурно-строительного института. 2024. № 1. С. 123–129. https://doi:10.52470/2619046X_2024_1_123.

© Барабанов Р.Е., 2024

Original article

The process of adaptation of students with disabilities (including those with voice pathology) to the educational space of an educational organization as a psychological and pedagogical problem

Rodion E. BarabanovRussian State University for the Humanities, Moscow, Russia, ksp_kpr_14@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-4044-2685>

Abstract. Despite the state and public interest in the issues of inclusive vocational education, the adaptation problems of students with disabilities remain unresolved. The process of adaptation to higher education of persons with disabilities (including those with voice impairment) is multi-component and complex in its integrality, the nature of the system of psychological and pedagogical support for the educational process of persons with disabilities depends sufficiently on the nosology and nature of the disease, and this factor, to a large extent, determines the particular specifics of the formation of different educational environments and the success of the process students' adaptation to them. The article contains data on the theoretical level on the main problems of adaptation of students with developmental and functional disabilities.

Keywords: students with disabilities, educational space, adaptation, professional educational institutions, communication barriers, learned helplessness

For citation: Barabanov R.E. The process of adaptation of students with disabilities (including those with voice pathology) to the educational space of an educational organization as a psychological and pedagogical problem // Herald of the Moscow University of Information Technologies – Moscow Architectural and Construction Institute. 2024. № 1. P. 123–129. https://doi:10.52470/2619046X_2024_1_123.

Как показывают современные исследования, одним из первых барьеров, с которыми сталкиваются студенты с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ), попадая в новое социальное пространство, выступает их эмоциональная дезориентация [3]. Основными причинами повышенного эмоционального напряжения можно назвать недостаточность коммуникативных навыков, недостаточный уровень академической школьной подготовки, заниженную самооценку, повышенный уровень тревожности. Нереализованный коммуникативный мотив часто является следствием психологического барьера общения, так как, поступив в профессиональное образовательное учреждение, обучающиеся и студенты в интегрированной форме обучения сталкиваются с необходимостью взаимодействовать с другими участниками образовательного пространства. На фоне развития данной ситуации возможно появление фобий, углубление проблем с межличностной коммуникацией, формирование неадекватной манеры и стиля поведения. Причинами таких проявлений может быть боязнь остаться непонятым или отвергнутым. Обычно такие страхи характерны для студентов-первокурсников. В дальнейшем, как показывает практика, преодолевая сложности коммуникации к старшим курсам, студенты с ОВЗ, как правило, адекватно интегрируются в процесс обучения. Но если данный процесс не успешен, укрепляются страхи, и студент впадает в состояние депрессии [3; 4; 8].

О.В. Волкова считает, что такой процесс может привести к состоянию выученной беспомощности, которую характеризует как «нарушение мотивации в результате пережитой субъектом неподконтрольности ситуации, в которой результат не зависит от прилагаемых усилий» [7].

Как известно, в состоянии депрессии любой индивид не предпринимает попыток избегания негативных стимулов, поэтому выученная беспомощность проявляется в пассивности, отказе от действий, нежелании преодолевать негативные обстоятельства, даже при наличии возможности. Состояние выученной беспомощности возникает в результате неоднократно повторяющегося воздействия на протяжении длительного времени, избегания которого не представляется возможным.

Все причины негативного эмоционального напряжения являются факторами, которые формируют выученную беспомощность [18; 12], а именно стресс, низкую самооценку, основанную на оценке ближайшего окружения (как первичного, так и вторичного пространств социализации) и, как следствие, низкий уровень притязаний.

Специфические характеристики выученной беспомощности подкрепляются психосоматическими расстройствами, нарушениями мотивации когнитивной активности, снижением функций внимания у студентов с ОВЗ. Иногда неподконтрольные события в новой социальной среде создают негативные воспоминания о новом приобретенном опыте. Выученная беспомощность может являться катализатором соматического нездоровья, снижения сопротивляемости организма внешним воздействиям, способствовать обострению различных заболеваний.

Также важным фактором адаптации студентов-инвалидов и обучающихся с ОВЗ в новом образовательном пространстве является то учебное заведение, в котором получали начальное и среднее образование (агенты первичной и вторичной социализации) эти лица. Обучаясь в обычной общеобразовательной школе, они имеют опыт преодоления страхов коммуникации. Поэтому основные волнения данной категории студентов на этапе поступления связаны не с трудностями взаимодействия с участниками нового образовательного процесса, а с представлениями об успешности освоения образовательной программы, с попытками оценивания специфики учебной программы и соотносением с ней своих возможностей.

Образовательная среда должна не только быть доступной для человека, – она должна последовательно «включать» его потенциал, работая по принципу зоны ближайшего развития [10]. Такая стратегия приводит к необходимости самостоятельного поиска решений через активацию ресурсной базы самого субъекта деятельности, что приводит к формированию психологических новообразований возраста и возникновению потребностей нового уровня.

Исследователями описываются основные ожидания студентов-инвалидов и обучающихся с ОВЗ от взаимодействия с преподавателями в рамках учебного процесса. Они, как правило, предполагают гиперопеку со стороны наставников и обнаруживают «стремления спрятаться за своими проблемами со здоровьем» [2; 9; 13; 14].

Необходимо подчеркнуть, что сегодня статус инвалида и статус ОВЗ дает преференции при поступлении в профессиональные образовательные учреждения, а во время обучения предполагает наличие государственной поддержки в виде, например, социальных стипендий. Данные преимущества психологи расценивают неоднозначно с точки зрения их влияния на внутренний мир студентов, поскольку могут трактоваться в качестве психологических форм поддержки по типу регрессии.

Однако следует заметить, что защитные негативные эмоциональные реакции, такие как страх или неловкость, возможность быть отвергнутыми фиксируются как психологический феномен не только у студентов с ОВЗ, но и других участников образовательного процесса,

что является условием для оказания психолого-педагогической поддержки и организации деятельности по психолого-педагогическому сопровождению.

Следующей «зоной конфликтов» является физическая доступность современной образовательной организации. Отечественные исследователи указывают, что профессиональная образовательная адаптация студентов с ОВЗ осложняется типичными стрессорами, такими как непродуманная инфраструктура зданий образовательных учреждений, недостаток пространственных указателей и специализированного оборудования. Как отмечают Е.Р. Ярская-Смирнова и П.В. Романов, «абитуриенты-инвалиды испытывают боязнь “мейнстримной, неприспособленной среды”, в силу чего их мотивация к поступлению в вуз значительно снижается» [15].

Для данной категории студентов важна доступность не только учебных корпусов, но и общежитий. Этот показатель является одним из ведущих для принятия решения о поступлении в вуз или ОО СПО для приезжих студентов с ОВЗ. Общежитие должно отвечать специальным условиям проживания: санитарное состояние кухни, санузла и его оборудования, состояние комнат и организация быта в общежитии [16].

Надо отметить, что ключевым фактором, определяющим возможности социально-психологической адаптации в профессиональном образовательном учреждении, является наличие видимых и невидимых физических ограничений. Видимые черты инвалидности, как правило, создают трудности в социализации, тогда как студенты с невидимыми дефектами предпочитают скрывать их и социализироваться по обычным траекториям и образовательным маршрутам [16]. Но как показывают исследования, сокрытие данной информации не всегда дает ожидаемый результат.

В рамках исследований проводился социометрический опрос. В целом социометрические статусы студентов-инвалидов оказались невысокими, но для нас важным является тот факт, что студенты с видимыми физическими ограничениями воспринимались в качестве более успешных их одноклассниками, чем студенты с латентной инвалидностью. Статус первых может быть определен как «пренебрегаемый» (так как отрицательные выборы преобладают над положительными). Большинство положительных выборов было в сфере академических отношений. Так, студент с видимой инвалидностью пользовался «уважением и признанием в группе за свои личностные качества (все признали в нем формального лидера), но в межличностных отношениях на сближение одноклассники не шли» [1; 6; 11]. Этих выводов нельзя сделать относительно студентов с латентной инвалидностью, предпочитавших скрыть информацию о своем здоровье. Зачастую они получали статус «изгой» как в системе академических, так и в системе межличностных отношений.

Исследователи высказывают предположение, что «влияние видимой инвалидности на личный статус амбивалентно» [8]. С одной стороны, наличие физических дефектов воздействует отталкивающе, вызывая негативные эмоциональные реакции. С другой стороны, может быть и обратный (положительный) эффект. Видимая инвалидность для других членов академической группы становится объяснением всех «странностей» (отсутствие социальных и коммуникативных навыков, несоблюдение, незнание, непонимание формальных норм общения). Одноклассники готовы предпринимать встречные усилия для налаживания контактов со студентом с ОВЗ, помогать ему адаптироваться в новом пространстве [17].

При этом латентная инвалидность (особенно если она скрывается) не дает таких объяснений для окружающих в причинах отличных от общего представления социально-коммуникативных навыков, так как к ним предъявляются те же требования, что и к нормотипичным сверстникам. В силу нехватки социального опыта латентные инвалиды не всегда могут соответствовать предъявляемым ожиданиям и оказываются в статусной группе «изолированных».

Несмотря на высокие социометрические оценки в академической сфере, студенты с ОВЗ адекватно оценивают свои статусы в системе межличностных отношений [19]. Во взаимном выборе они действительно указывали тех одноклассников, которые выбрали их для делового, и для межличностного общения.

Также надо отметить разницу в причинах социально-психологических адаптационных трудностях студентов вуза и СПОУ.

На момент исследования [15; 16] студенты-инвалиды уже имели опыт академический взаимодействия и преодоления социальных конфликтов. Но исследователи отмечают, что студенты с ОВЗ, обучающиеся в вузах, демонстрируют более высокий результат, как в навыках преодоления трудностей, так и в навыках самостоятельного мышления и принятия решений. Те же обучающиеся колледжей, попадая в новое образовательное пространство, не проходят подобного селективного отбора. Поэтому основная причина различия адаптационных процессов данных групп студентов объясняется не общностью жизненной ситуации инвалидности, а разницей в интеллектуальном и личностном уровнях развития.

Студенты вузов лучше владеют навыками анализа и синтеза, способны к поиску причинно-следственных связей, прогнозированию, их речь более грамотна, у них богатый словарный запас. В то время как у обучающихся ОО СПО обнаруживаются сложности с образной интерпретацией. Исследователи отмечают, что «информанты первой группы способны к самоиронии, у них преобладает внутренний локус контроля» [4; 9; 14; 18]. Данное мнение находит подтверждение относительно приоритетов в блоке академических беспокойств.

Студенты вузов готовы выразить свои представления о причинах беспокойств более осознанно и четко. Прежде всего, по их мнению, они связаны с тревожностью по поводу освоения образовательной программы и ожиданием высокой академической нагрузки. Страх студентов СПО более размыты, более обширны, не имеют определенного локуса.

Описывая перспективные жизненные траектории, студенты вузов оценивают институциональные ожидания относительно себя, готовы принимать решения о дальнейших планах самостоятельно. Им характерно выражение жизненных ориентаций через смысловые единицы: «стал учиться», «я выбрал», «я решил». Студенты СПО в принятии решений ориентируются на внешнюю мотивацию, которую определяет «значимый другой» (родители, школа), поэтому им привычнее говорить «меня направили».

Еще одной группой факторов, формирующей спектр различий, наблюдаемых в социально-психологической адаптации студентов с ОВЗ, является их семья и характеристики внутрисемейных отношений. По результатам исследований студенты вузов, как правило, являются представителями более высокой социальной страты, чем студенты-инвалиды СПО, и, получая профессиональное образование, они пополняют разные социальные страты. Данное обстоятельство, по мнению исследователей, оказывает большее влияние не только на адаптационные, образовательные траектории, но и на судьбу в целом.

Исследования факторов профессиональной ориентированности студентов-инвалидов показывают, что выбор зависит не столько от мнения окружающих и социально-одобряемых траекторий, но и от уровня социального интеллекта личности, который выражается в определенном уровне самопознания, адекватном восприятии своих индивидуальных особенностей и представлении собственного социального положения в образовательном пространстве [5]. Студентам вузов характерен более высокий уровень социального интеллекта, чем студентам колледжей.

Сегодня основное направление по преодолению конфликтов в процессе адаптации – создание условий к совместному обучению студентов с инвалидностью и ОВЗ с другими субъектами образовательной деятельности и партнерами по образовательному пространству.

Главная задача – формирование позитивной установки на психолого-педагогическую поддержку всех сторон – участников взаимодействия. В пространстве современной образовательной организации сегодня мы наблюдаем отражение стереотипных паттернов восприятия инвалидов, однако в процессе специально организованной коммуникации в образовательном процессе и при условиях деятельности по устранению социальных барьеров, эти стереотипы имеют потенциал к минимизации.

Список источников

1. *Агламов Т.Х.* Интерактивные методы обучения как условия для детерминированной деятельности студентов в современном вузе // *Central Asian Journal of Literature, Philosophy and Culture*. 2023. Т. 4. № 5.
2. *Арцуханова Э.Б., Башиева Ж.Д.* Социально-профессиональная адаптация студентов с ограниченными возможностями здоровья в учреждениях среднего профессионального образования // *Современные наука и образование: достижения и перспективы развития*. 2023.
3. *Барабанов Р.Е.* Адаптация к образовательному процессу в вузе как фактор повышения качества жизни студентов-пациентов с нарушением голосового аппарата: дис. ... канд. психол. наук, 2023.
4. *Барабанов Р.Е.* Использование трансперсональных представлений в изучении социальной адаптации студентов // *Электронный периодический рецензируемый научный журнал «SCI-ARTICLE.RU»*. 2018. № 57.
5. *Барабанов Р.Е.* Социально-психологические особенности семей, воспитывающих детей с отклонениями в развитии // *Вопросы психического здоровья детей и подростков*. 2014. Том 14. № 2.
6. *Белякова Е.В.* Методы обучения. Интерактивные методы обучения // *International innovation research: сборник статей XVII Международной научно-практической конференции*. Пенза, 2019.
7. *Волкова О.В.* Перспективы применения комплексной модели исследования в разработке программы, направленной на диагностику, коррекцию и профилактику выученной беспомощности в онтогенезе // *Сибирский психологический журнал*. 2016. № 61.
8. *Герасименко О.С.* Соматизированная депрессия у подростка, пути помощи. М., 2017.
9. *Дорофеева В.Ю.* Этапы сопровождения студентов с инвалидностью и ограниченными возможностями здоровья в медицинском вузе // *Развитие современного образования в контексте педагогической компетентиологии: материалы III Всероссийской научной конференции с международным участием (Чебоксары, 27 февраля 2023 г.)*. Чебоксары, 2023.
10. *Диль-Илларионова Т.В.* Теоретические аспекты проблемы психолого-педагогического сопровождения детей с ограниченными возможностями здоровья // *Инновационное развитие современной науки: проблемы и перспективы*. 2023.
11. *Исаева Н.В.* Деловая игра как средство активизации познавательной активности и способ формирования профессиональных компетенций студентов // *Вестник Ассоциации вузов туризма и сервиса*. 2017. Т. 11. № 3.
12. *Кривошеиков С.Г.* Психофизиологические аспекты незавершенных адаптаций. Новосибирск, 1998.
13. *Лазуренко С.Б., Конова С.Р., Фисенко А.П., Терлецкая Р.Н., Соловьева Т.А., Нурлыгаянов И.Н.* Организация здоровьесберегающего пространства при обучении детей с ограниченными возможностями здоровья и детей-инвалидов // *Российский педиатрический журнал*. 2023. № 26(1). С. 39–45.
14. *Макарьев И.С.* Основы диагностики особых образовательных потребностей обучающихся при реализации инклюзивного образования: монография. СПб., 2017.
15. *Романов В.А.* Индивидуальный образовательный маршрут учащегося как условие реализации ФГОС при работе с детьми с особыми образовательными потребностями // *Психолого-педагогическое сопровождение одаренных детей: сборник материалов I научно-практической конференции*. Симферополь, 2017.

16. Романов П.В., Ярская-Смирнова Е.Р. Политика инвалидности: Социальное гражданство инвалидов в современной России. Саратов, 2006.
17. Трохирова У.В. Инклюзивное образование как фактор повышения качества жизни детей-инвалидов // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2014. № 3.
18. Фатихова Л.Ф. Социально-личностное развитие учащихся с отклонениями в развитии: методическое пособие. Уфа, 2013.
19. Ширинян В.В. Профиль личностной зрелости лиц, юношеского возраста с ОВЗ // Фундаментальные и прикладные аспекты компьютерных технологий и информационной безопасности. Таганрог, 2023.

Информация об авторе

Р.Е. Барабанов – кандидат психологических наук, профессор РАЕ, член-корреспондент РАЕН; доцент кафедры психологии и педагогики образования Института психологии им. Л.С. Выготского Российского государственного гуманитарного университета, г. Москва, Россия

Information about the author

R.E. Barabanov – Candidate of Science in Psychology, Professor of RAE, Corresponding Member of RAEN; Associate Professor of the Department of Psychology and Pedagogy of Education of the Institute of Psychology named after L.S. Vygotsky of the Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Статья поступила в редакцию 01.01.2024; одобрена после рецензирования 29.01.2024; одобрена после рецензирования 20.02.2024; принята к публикации 21.02.2024.

The article was submitted 29.01.2024; approved after reviewing 20.02.2024; accepted for publication 21.02.2024.

Приглашение к публикации

The invitation to the publication

Научный и информационно-аналитический журнал «Вестник Московского информационно-технологического университета – Московского архитектурно-строительного института» включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (Перечень ВАК РФ).

Редакционная коллегия журнала принимает к рассмотрению статьи по следующим научной специальностям:

- 2.1.11. Строительные конструкции, здания и сооружения (технические науки);
- 2.1.12. Архитектура зданий и сооружений. Творческие концепции архитектурной деятельности (технические науки);
- 2.1.12. Архитектура зданий и сооружений. Творческие концепции архитектурной деятельности (архитектура);
- 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки);
- 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки);
- 5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии (медицинские науки).

Оформление текста статей осуществляется в соответствии с ГОСТ Р 7.0.7–2021 «Статьи в журналах и сборниках. Издательское оформление». Требования к содержанию, структуре и оформлению текста статьи, а также пример оформления текста приведены ниже.

Не принимаются статьи, опубликованные в других изданиях или представленные для публикации в другие издания.

Количество авторов в статье не должно превышать трёх человек.

Ответственность за достоверность указанных сведений несут авторы статей. Автор/авторы гарантируют, что он/они обладают исключительными правами на представленное произведение (статью).

Внимание! При несоответствии содержания представленной статьи тематике журнала и/или её несоблюдения правилам оформления редакция журнала имеет право отклонить присланный материал. Также редакция оставляет за собой право делать необходимые исправления и сокращения текста статьи.

Поступившие в редакцию статьи проходят проверку на степень оригинальности (используется Интернет-система «Антиплагиат») и подвергаются рецензированию. Срок рецензирования статей – 1 месяц.

Статьи представляются в сроки, установленные графиком выхода номеров журнала.

График выхода журнала «Вестник МАСИ»

<i>Номер журнала</i>	<i>Срок представления статей в номер</i>	<i>Срок выхода номера из печати</i>
№ 1	До 01 февраля	Март
№ 2	До 15 апреля	Июнь
№ 3	До 15 июля	Сентябрь
№ 4	До 01 ноября	Декабрь

Редакция научного рецензируемого журнала «Вестник Московского информационно-технологического университета – Московского архитектурно-строительного института» до-

водит до сведения авторов, что издатель журнала заключил договор о передаче ООО «НЭБ» (РИНЦ) неисключительных прав на использование журнала «Вестник Московского информационно-технологического университета – Московского архитектурно-строительного института» в целом, так и произведений (статей) авторов путем создания их электронных копий и распространения любым способом, в том числе путем размещения в интегрированном информационном ресурсе в российской зоне интернета НЭБ, без выплаты автору и иным лицам вознаграждения. При этом каждый экземпляр произведения (статьи) будет содержать имя автора произведения (статьи).

**Статьи следует направлять ответственному редактору Дарье Андреевне Семеновой.
E-mail: Semenova.D@mfua.ru**

По вопросам, связанным с публикацией статей и получением авторских печатных экземпляров журнала следует обращаться к ответственным редакторам Нине Вячеславовне Бессарабовой и Дарье Андреевне Семёновой по адресу:
117342, г. Москва, ул. Введенского, д. 1А, каб. 9.03.
Тел. 499-979-00-99, доб. 1135

Требования к структуре и содержанию статьи

<i>Структура статьи и последовательность её элементов</i>	<i>Примечание</i>
<p>Сведения об издании, в котором опубликована статья. Указываются следующим образом:</p> <p>Вестник Московского информационно-технологического университета – Московского архитектурно-строительного института. 2024. № 1. С. ...–....</p> <p>Herald of the Moscow University of Information Technologies – Moscow Architectural and Construction Institute. 2024. № 1. С. ...–....</p>	<p><i>На русском и английском языках.</i></p> <p>Номера страниц проставляют редакторы</p>
<p>Тип статьи. Указывается следующим образом:</p> <p>Научная статья Original article</p>	<p><i>На русском и английском языках</i></p>
<p>Индекс Универсальной десятичной классификации (УДК)</p>	<p>Для присвоения УДК используются on-line ресурсы, например, http://teacode.com/online/udc/</p>
<p>Цифровой идентификатор объекта (Digital Object Identifier – DOI)</p>	<p>Проставляется автором следующим образом: doi:10.52470/2619046X_..._..._...</p> <p>В завершённом виде DOI будет указан редакторами</p>
<p>Заглавие статьи</p>	<p><i>На русском и английском языках.</i></p> <p>Приводится строчными буквами (за исключением первой буквы первого слова, имён собственных, географических названий, общепринятых аббревиатур и т.д.)</p>
<p>Имя Отчество Фамилия автора/авторов</p>	<p><i>На русском и английском языках.</i></p> <p>Имена и отчества указываются полностью</p>

<i>Структура статьи и последовательность её элементов</i>	<i>Примечание</i>
<p>Сведения об авторе/авторах: Место работы/учёбы с указанием города и государства, адрес электронной почты (e-mail), при наличии – открытый идентификатор учёного (Open Researcher and Contributor ID – ORCID)</p>	<p><i>На русском и английском языках.</i> Если авторов несколько, сведения указываются на разных строках и связываются с именами авторов с помощью надстрочных цифровых обозначений. Название организации – места работы/учёбы – указывается полностью, без сокращений и без обозначения организационно-правовой формы юридического лица (ФГБУН, ФГБОУ ВО АО и т.п.)</p>
<p>Аннотация (Abstract)</p>	<p><i>На русском и английском языках.</i> Должна содержать краткую информацию о статье. Объём – 100–250 слов</p>
<p>Ключевые слова (Keywords)</p>	<p><i>На русском и английском языках.</i> 4–7 слов и/или словосочетаний, отражающих её содержание</p>
<p>Благодарности (Acknowledgments) – при необходимости</p>	<p><i>На русском и английском языках.</i> Слова признательности организациям и лицам, оказавшим помощь в подготовке статьи; сведения о грантах, финансировании подготовки и публикации статьи, проектах, научно-исследовательских работах, по результатам которых опубликована статья</p>
<p>Для цитирования (For citation)</p>	<p><i>На русском и английском языках.</i> Библиографическая запись на статью для дальнейшего цитирования – в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления»</p>
<p>Текст статьи</p>	<p>Объём статьи – 10–15 страниц. Статья должна содержать следующие элементы (не следует выделять их подзаголовками в тексте): – введение (обоснование актуальности темы и постановку проблемы исследования; формулирование целей и задач статьи; обзор публикаций по теме исследования; освещение применяемых методов); – изложение основного материала статьи с обоснованием полученных научных результатов; – заключение (подведение итогов исследования и освещение перспективы дальнейших поисков в данном направлении)</p>
<p>Список источников</p>	<p>В список источников включаются только те издания и электронные ресурсы, которые упомянуты или цитируются в тексте статьи. Рекомендуется ссылаться на официальные источники (нормативные правовые акты, статистические данные и др.) и на научную литературу. Ссылки на учебные издания в научном исследовании нежелательны. Ссылки на собственные публикации автора/авторов допускаются лишь в виде исключения, при этом доля самоцитирования может составлять не более 5 % от общего числа источников</p>
<p>Информация об авторе/авторах (Information about the author/authors): инициалы и фамилия, ученая степень (при наличии), ученое звание (при наличии), должность и место работы с указанием города и страны</p>	<p><i>На русском и английском языках.</i> Все сведения указываются полностью, без сокращений</p>

Правила оформления текста научной статьи

<i>Наименование характеристики</i>	<i>Правила оформления</i>
Форма представления материалов	Электронная, Microsoft Word, *.doc или *.docx
Название пересылаемых файлов	Отдельными файлами высылаются электронные версии текста научной статьи и авторской анкеты. Названия файлов должны содержать фамилию первого автора и пометку о типе документа (<i>пример</i> : Иванов_Статья.doc, Иванов_Анкета.doc)
Формат страницы	А4
Поля	Все – 2 см
Выравнивание текста	По ширине
Шрифт	Times New Roman
Размер шрифта	14
Межстрочный интервал	1,5
Абзацный отступ	1 см
Формулы и уравнения	Формулы и уравнения желательно набирать в редакторе Word обычными буквами и символами. Использование встроенного в Microsoft Word редактора формул допускается лишь при наборе наиболее сложных формул. Не следует использовать встроенный в Microsoft Word редактор уравнений. Не допускаются формулы и уравнения в виде изображений и сканов
Графический материал (рисунки, схемы, графики, диаграммы)	Представляется в черно-белом варианте. Все рисунки, встречающиеся в тексте, должны быть пронумерованы и иметь название, которое приводится на русском и английском языках. Оно помещается после самого рисунка, выделяется жирным шрифтом и выравнивается по центру. Вся экспликация (подписи) в поле рисунка должны быть выполнены Times New Roman, размер шрифта – 12 или 14. В тексте статьи обязательны ссылки на рисунки
Таблицы	Все таблицы, встречающиеся в тексте, должны быть пронумерованы и иметь название, которое приводится на русском и английском языках. Оно располагается перед таблицей, выделяется жирным шрифтом и выравнивается по центру. Текст шрифта в графах таблицы – 12 или 14. В тексте статьи обязательны ссылки на таблицы
Фотографии	В случае наличия фотографий в статье они должны быть продублированы отдельным файлом в форматах *.tiff или *.jpg с разрешением не менее 300 dpi
Количество рисунков и таблиц	Не более пяти рисунков и/или не более пяти таблиц
Ссылки на источники в тексте статьи	Закрываются в квадратные скобки с указанием номера из списка источников: [5] или [5, с. 67]. Если ссылка включает в себя несколько изданий, то они перечисляются, разделяясь точкой с запятой: [5, с. 67; 8; 10, с. 204–208]
Список источников	Библиографические описания источников – как русских, так и иностранных – оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления». Ссылка на каждый из источников приводятся на языке его публикации. Источники следуют в списке в алфавитном порядке. Если среди них есть нормативные правовые акты, они указываются в начале списка, перед прочими изданиями. Источники на иностранных языках указываются в конце списка

ПРИМЕР ОФОРМЛЕНИЯ НАУЧНОЙ СТАТЬИ

Вестник Московского информационно-технологического университета – Московского архитектурно-строительного института. 2022. № 4. С. ...–....

Herald of the Moscow University of Information Technologies – Moscow Architectural and Construction Institute. 2022. № 4. С. ...–....

Научная статья

УДК 721

doi:10.52470/2619046X_..._..._...

Технологии информационного моделирования как инструмент проектирования архитектурных объектов

Анастасия Романовна Забегина¹, Елена Александровна Булгакова²

^{1,2} Московский информационно-технологический университет – Московский архитектурно-строительный институт, г. Москва, Россия

¹ anstasay@yandex.ru

² traumeels@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0000-0000-0000>

Аннотация. В статье рассмотрена проблема цифровизации архитектурной деятельности, где основным инструментом являются технологии информационного моделирования (ТИМ). Современные требования отрасли вызывают необходимость разработки новых методов и технологий, в которых архитектура и традиционные художественные дисциплины должны объединиться с достижениями в области информационного моделирования. На основе анализа и обобщения сделан вывод об актуальности проблемы для современной архитектуры и приведена классификация применения ТИМ на различных этапах проектирования.

Ключевые слова: цифровизация, архитектурная практика, инновационные технологии, технологии информационного моделирования, проектирование

Для цитирования: Забегина А.Р., Булгакова Е.А. Технологии информационного моделирования как инструмент проектирования архитектурных объектов // Вестник Московского информационно-технологического университета – Московского архитектурно-строительного института. 2022. № 4. С. ...–.... https://doi:10.52470/2619046X_..._..._...

Original article

Information modeling technologies as a tool for designing architectural objects

Anastasiya R. Zabegina¹, Elena A. Bulgakova³

^{1,2} Moscow University of Information Technologies – Moscow Architectural and Construction Institute, Moscow, Russia

¹ anstasay@yandex.ru

² traumeels@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0000-0000-0000>

Abstract. The article considers the problem of digitalization of architectural activity, where the main tool is information modeling technologies (IMT). The current demands of the industry necessitate the development of new methods and technologies in which architecture and traditional artistic disciplines must be combined with advances in information modeling. Based on the analysis and generalization, a conclusion was made about the relevance of the problem for modern architecture and a classification of the use of TIM at various stages of design is given.

Keywords: digitalization, architectural practice, innovative technologies, information modeling technologies, design

For citation: Zabegina A.R., Bulgakova E.A. Information modeling technologies as a tool for designing architectural objects // Herald of the Moscow University of Information Technologies – Moscow Architectural and Construction Institute. 2022. № 4. P. ...–.... https://doi:10.52470/2619046X_..._..._...

Проблема развития процесса архитектурного проектирования в условиях быстрой эволюции средств компьютерной автоматизации стоит довольно остро как в проектной практике, так и в архитектурном образовании.

<...>

Ведущая консалтинговая компания по предоставлению услуг по обучению информационным технологиям и внедрению BIM в проектирование представляет такую стадийность BIM [8], где связывает стадии проектирования с количеством информации, которая содержится в модели будущего здания (*рисунок 1*).

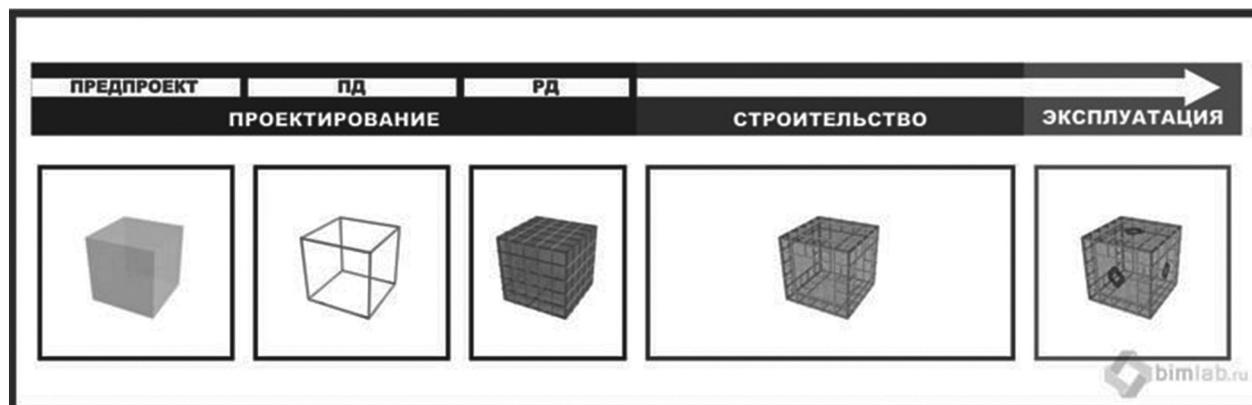

Рисунок 1. Взаимосвязь стадий проектирования и информации в модели [9]

Figure 1. Relationship between design stages and information in the model [9]

<...>

Исходя из этапов строительства, проектирования и процесса моделирования, используя метод синтеза, можно представить стадии проектирования в BIM (*таблица 1*).

Таблица 1. Стадии проектирования в BIM

Table 1. Design stages in BIM

<i>Стадия</i>	<i>Описание</i>	<i>Роль архитектора</i>
Предпроектный анализ	Технико-экономическое обоснование проекта, ограничения для дальнейшего проектирования, анализ требования заказчика	Архитектор знакомится с требованиями заказчика и с предпроектным анализом (градостроительным и т.д.)
Формирование технического задания на проектирование	Техническое задание (ТЗ), информационные требования к BIM модели (EIR)	–
<...>	<...>	<...>

<...>

Подводя итоги, нужно отметить, что <...>

Библиографический список

1. *Булгакова Е.А., Меерович М.Г.* Учебное пособие для преподавателей вузов по разработке дистанционных курсов обучения по направлению «Архитектура» // Хроники объединенного фонда электронных ресурсов наука и образование. 2016. № 5 (84).

<...>

7. URL: <https://bimlab.ru/faq-bim-stage.html> (дата обращения: 23.02.2022).

<...>

Информация об авторах

А.Р. Забегина – преподаватель Московского информационно-технологического университета – Московского архитектурно-строительного института, г. Москва, Россия

Е.А. Булгакова – кандидат архитектуры, доцент; заведующий кафедрой архитектуры и дизайна Московского информационно-технологического университета – Московского архитектурно-строительного института, г. Москва, Россия

Information about the authors

A.R. Zabegina – Lecturer of the Moscow University of Information Technologies – Moscow Architectural and Construction Institute, Moscow, Russia

E.A. Bulgakova – Candidate of Science in Architecture, Associate Professor; Head of the Department of Architecture and Design of the Moscow University of Information Technologies – Moscow Architectural and Construction Institute, Moscow, Russia

Анкета автора

<i>Сведения об авторе</i>	<i>На русском</i>	<i>На английском</i>
Имя Отчество Фамилия (полностью, без сокращений до инициалов)		
Ученая степень (полностью, без сокращений – при наличии)		
Учёное звание (полностью, без сокращений – при наличии)		
Должность (полностью)		
Место работы/учёбы (Полностью, без сокращений и без обозначения организационно-правовой формы юридического лица – ФГБУН, ФГБОУ ВО АО и т.п. С указанием структурного подразделения, города и государства)		
ORCID – открытый идентификатор учёного, Open Researcher and Contributor ID (при наличии)		
Адрес электронной почты (E-mail)		Не заполняется
Контактный телефон		Не заполняется
Почтовый адрес для отправки авторского экземпляра журнала (с указанием индекса и полного Ф.И.О. получателя)		Не заполняется
Название статьи		

Все графы, в которых не указано «Не заполняется», являются обязательными для заполнения.

Если в статье несколько авторов, на каждого заполняется отдельная анкета.

Все анкеты авторов одной статьи можно представить в одном файле

ВЕСТНИК

Московского информационно-технологического университета – Московского архитектурно- строительного института

№ 1 / 2024

Издание подготовили:

Редакторы

Н.В. Бессарабова, Д.А. Семёнова

Редактор английского текста

Д.М. Гусаров

Компьютерная верстка

Н.В. Бессарабова

Дизайн обложки

А. Зернова

Подписано в печать 20.03.2024. Формат 60x90^{1/8}.
Гарнитура Times New Roman.
Печать офсетная. Печ. л. 8,6.
Тираж 500 экз. Заказ № _____

Отпечатано в ООО «ИПЦ „Маска“»
117246, Москва, Научный проезд, д. 20, стр. 9, оф. 212
Телефон: +7 (495) 510-32-98